

КАМАЛ РАВИКАНТ

АВТОР БЕСТSELLERA AMAZON

БЕРЬ*

* в любовь, прощение
и следуй зову
своего сердца

ОТ АВТОРА
**«ЛЮБИ
СЕБЯ»**

Книги, которые нужно прочитать до 35 лет

Камал Равикант

**Верь. В любовь, прощение
и следуй зову своего сердца**

«Эксмо»

2017

УДК 159.92

ББК 88.52

Равикант К.

Верь. В любовь, прощение и следуй зову своего сердца /
К. Равикант — «Эксмо», 2017 — (Книги, которые нужно
прочитать до 35 лет)

ISBN 978-5-04-195126-9

После смерти отца Амит переносит прах своего родителя в священные воды Ганга, чтобы совершить древний ритуал. Потеряв веру в будущее, он решает не возвращаться домой, а отправляется в 37-дневное блуждание в поисках настоящего себя. Внезапное путешествие ведет его к таинственному Камино де Сантьяго – древнему паломническому маршруту через северную Испанию. Почти сломленный, потерявший ориентиры и бегущий от воспоминаний, Амит встречает по пути людей, каждый из которых несет свою боль. Именно они открывают главному герою новые горизонты и помогают услышать зов своего сердца. Будьте готовы к бесценному и лирическому паломничеству внутрь себя в этой красивой истории, которая подобно ветру нежно прикоснется к вашей душе. Основана на прохождении автором легендарному пути Сантьяго и рассказана в лучших традициях Пауло Коэльо и Митча Элбома.

УДК 159.92

ББК 88.52

ISBN 978-5-04-195126-9

© Равикант К., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Примечание автора	9
Пролог	10
Монастырь	14
День первый	22
День второй	29
День четвертый	35
День пятый	37
День шестой	41
День седьмой	44
День девятый	49
День одиннадцатый	51
День тринадцатый	55
День четырнадцатый	57
День пятнадцатый	62
День семнадцатый	65
День восемнадцатый	68
День девятнадцатый	72
День двадцать первый	75
День двадцать третий	77
День двадцать пятый	81
День двадцать шестой	90
День двадцать восьмой	94
День двадцать девятый	99
День тридцатый	104
День тридцать первый	110
День тридцать второй	119
День тридцать третий	121
День тридцать четвертый	123
День тридцать шестой	132
День тридцать седьмой (утро)	137
День тридцать седьмой (вторая половина дня)	139
Благодарности	141

Камал Равикант

Верь. В любовь, прощение и следуй зову своего сердца

*Моей матери. Трии. Робин. Шерил. Кристин.
Всем этим удивительным женщинам*

Kamal Ravikant

Rebirth: A Fable of Love, Forgiveness, and Following Your Heart

Copyright © 2017 by Kamal Ravikant

Originally published as a hardcover and ebook in 2017 by Hachette Books, Inc.

This edition published by arrangement with Hachette Books, a division of Hachette Book Group, Inc.

USA via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

* в любовь, прощение и следуй зову своего сердца

© Снитич О., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Большие отзывы на книгу «ВЕРЬ»

«Если в вашей жизни наблюдается нехватка приключений, дебютный роман моего друга Камала Равиканта – лучшее лекарство для вас. Он вдохновил меня продолжать писать».

– Тим Феррис, журнал *Men's Health*

«Произведение, которое заставляет глубоко задуматься... Равикант вносит долгожданный вклад в богатую традицию книг о просветлении».

– журнал *Booklist*

«“Верь” ничуть не хуже всего того, что написал Кормак Маккарти... В этом романе есть искусство, которое нечасто встретишь».

– Гленн Бек

«Мощное произведение с глубоким подтекстом. Я сравниваю его с творчеством Ога Мандино и Пауло Коэльо. “Верь” – действительно одна из самых сильных книг, которые я когда-либо имел честь читать».

– Боб Бург, соавтор бестселлера *«Go-Giver. Отдавай, чтобы получать»*

«Роман “Верь” перенес меня в приключение, которое, надеюсь, навсегда останется со мной».

– Джеймс Альтушер, автор бестселлеров *«Выбери себя!»* и *«Изобрести себя заново»*

«В этой книге есть направление. Если ты в пути – ты паломник. Это прекрасная книга для всех, кто когда-либо совершил или когда-либо совершил путешествие – внутрь себя или вовне».

– Райан Холидей, автор книги *«Препятствие как путь»*

«“Верь” напоминает мне, что иногда нам нужно потерять самих себя, чтобы найти свой путь. Это, несомненно, литературная классика и замечательная история, из которой мы все можем извлечь уроки».

– Брэндон Уэбб, бывший главный инструктор-снайпер «морских котиков» ВМС США и автор бестселлера по версии *New York Times* *«Красный круг»*

«Скажи “да” жизни! Это послание я уношу с собой, переворачивая последнюю страницу “Верь” Камала Равиканта – истории о волшебстве, которое происходит во время паломничества по Камино де Сантьяго. Вдумчивая, искренняя и прекрасно написанная книга “Верь” рассказывает о поиске человеком смысла и цели. Борьба с болью своего прошлого, столкновение с его нежеланием прощать и поиск ответов на самые важные жизненные вопросы – вот этот классический путь героя – тот, который мы все совершаем, когда готовы к жизни, обращенной к душе... “Верь” не разочаровывает».

– Шерил Ричардсон, автор бестселлеров № 1 по версии *New York Times* *«Найдите время для жизни»* и *«Искусство быть эгоистом: полюбить себя и начать жить полной жизнью»*

«По-настоящему прекрасная книга».

– Мэтт Мулленвег, основатель *WordPress*

Другие книги Камала Равиканта

Люби себя. Словно от этого зависит твоя жизнь

Live Your Truth

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и происшествия либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленном ключе. Любое сходство

с реальными событиями, местами или людьми, ныне живущими или умершими, является случайным.

Примечание автора

Несмотря на то, что “*Верь*” является художественным вымыслом, он основан на моем личном опыте прохождения Камино де Сантьяго¹. Камино неподвластен времени. Независимо от того, в каком веке идти по нему, основной опыт остается неизменным. Поэтому я свел к минимуму любые упоминания о современных технологиях.

Я желаю вам всего того волшебства, которое подарило мне это путешествие.

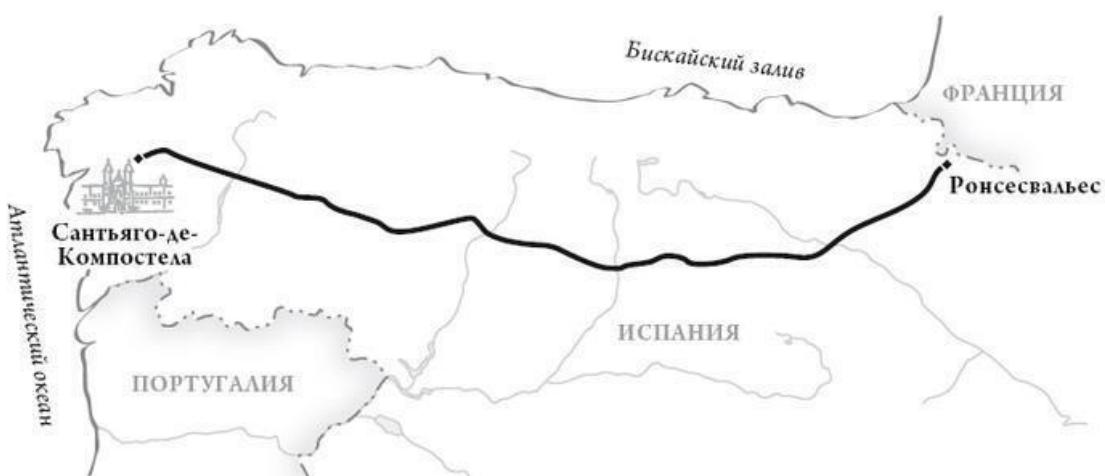
– Камал

Секрет полета

Не хлопай так сильно крыльями.
Это только изматывает тебя.

Закрой глаза. Обопрись на течения воздуха, скажи *да*.
Позволь ветру поднимать тебя все выше и выше.
Это так просто. Так делают орлы.

О, это еще и секрет жизни.

¹ Путь святого апостола Иакова (прим. ред.).

Пролог

На берегах Ганга я совершаю ритуал, столь же древний, как эта земля, и столь же чуждый мне, как текущая мимо река. Священнослужитель протягивает мне урну, затем складывает ладони вместе. Я открываю ее. Внутри – зернистая пыль, напоминающая истолченный древесный уголь. Вытянув руку, я переворачиваю урну и опорожняю ее. Пепел моего отца кружится в воздухе и мягко опускается в воду. Река принимает его с уверенностью старого возлюбленного, который терпеливо ждет.

Надо мной нависает одинокое дерево с толстыми, покрытыми листвой ветвями. После того как священнослужитель уходит, я сажусь и прижимаюсь спиной к стволу. Ветви слегка покачиваются, вечер становится прохладнее, багрянец на небе темнеет, а река течет все ближе. Вода плещется у самых моих ног. Где-то на другом берегу звонит колокол.

Позади меня ступени ведут в храм с куполообразной крышей. У его подножия дети продают гирлянды, сплетенные из оранжевых ноготков. Мимо проходят мужчины в белых дхоти, громко разговаривая и смеясь. Луна, которая сейчас стоит высоко в небе, кажется размером с мелкую монету.

У меня затекла шея. Я не ел весь день, но голода не чувствую. В глубине моих глаз пульсирует ноющая боль.

Я иду к взятому напрокат автомобилю. Водитель, ожидающий меня на ступеньках, бросает горящую сигарету в реку и идет рядом. Мимо пробегает обезьяна и запрыгивает на кирпичную стену, окружающую храм. Она громко визжит, когда дети окружают меня. Они лезут ко мне в карманы, хватают за руки, дергают за рукава. В толпе есть и пожилые женщины, протягивающие сложенные чашечкой ладони.

«Здесь так принято, – говорит мне водитель. – Вы должны раздать деньги старым и бедным».

Я едва слышу его из-за ора детей. Их руки касаются моих ладоней и выхватывают рупии и пайсы. Я иду быстрее, но они держатся за меня, цепляются за ноги, за пояс.

«Нет, – говорит водитель, отталкивая детей. – Старухи – подавайте им».

Слева от меня, у подножия храма, в ряд сидят пожилые женщины. Двигаясь вдоль ряда, я бросаю деньги в пустые миски перед ними. У одной женщины нет ноги. Ее кулья торчит из-под сари. Другая – слепая – протягивает свою миску, когда слышит, что я приближаюсь. Она смотрит прямо перед собой, и я вижу радужки глаз молочного цвета. Когда монеты падают в ее миску, она потряхивает ею, заставляя их звенеть. Женщина рядом с ней тянет ко мне свою миску. Мои карманы пусты.

«Мне жаль», – говорю я, но мы разговариваем на разных языках.

Она наклоняет голову и открывает рот. Ее лицо изборождено морщинами, а руки иссохли. Она встремливает миску.

«Мне очень жаль».

Она опускает миску и смотрит вниз. Дети хватаются за мои карманы. Водитель отгоняет их прочь.

Сидя в гостиничном номере – вдали от толп и погребальных костров, – я разворачиваю карту Индии и обвожу контуры пальцем. Пустыни, реки, долины, озера, горы. Я тру глаза тыльной стороной ладони, пока карта не начинает расплываться.

О его диагнозе мне рассказала моя тетя. Я уставился на черно-белую плитку на кухонном полу, держа в одной руке недоеденный бутерброд с тунцом, говорил «угу» в трубку, слушал ее речь и все это время с трудом сглатывал, чтобы воспоминания не подступили к горлу. «Он твой отец, – сказала она. – То, что было раньше, не имеет значения. Ты должен позаботиться о нем».

Сквозь закрытые ставнями окна доносятся гудки авторикш и легковых автомобилей. Я моргаю и снова фокусирую взгляд на карте. Цвета разделяются. Линии замыкаются и образуют границы, дороги, реки. Я выполнил то, ради чего приехал сюда. Что дальше? Я не готов вернуться домой. Приезд в эту страну, где родился мой отец, глубоко потряс меня.

Воздух влажный и пахнет *раат ки рани*² – маленьким белым цветком под названием «королева ночи». Под потолком скрипит вентилятор. Я вспоминаю Джорджа Мэллори – любимого героя моего детства. Когда его спросили, почему он хочет покорить Эверест, он ответил: «Потому что он есть». Это был самый правдивый ответ, который когда-либо встречал в книгах десятилетний мальчик. То же самое справедливо и в двадцать семь лет. Возможно, даже когда я буду старше.

Что делать дальше? Продолжать двигаться. Оставить позади прошлое, страхи, вину и раствориться в новом. Когда есть движение, есть и действие. А если действовать, то, возможно, найдутся ответы.

Следующие два месяца я скитаюсь по северу. В купе поезда – с семьями, которые едят из круглых жестяных банок, а воздух наполняется запахом *паратхи*³, они жестикулируют и приглашают меня разделить с ними еду. По улицам – мимо волов с понурым взглядом, верблюдов, тянувших деревянные повозки, и женщин в ярких сари, с венками из белых цветов в волосах, на мотоциклах. В старых автобусах, которые еле тащатся вверх по извилистым дорогам, а в это время водители тянутся, чтобы стереть влажную пелену с ветрового стекла голыми руками.

Я оказываюсь в Дхарамсале – маленьком, покрытом облаками городке в предгорье Гималаев. Здесь находится монастырь Далай-ламы. Каждое утро я выхожу из своего гостевого дома, чтобы посидеть в главном святилище и послушать гортанные песнопения монахов в оранжевых одеждах, пока у меня не затекают ноги.

Однажды на рассвете я выхожу на улицу, чтобы передохнуть и размяться. Старый монах вращает молитвенные барабаны, встроенные в стены. Ему требуется много времени, чтобы раскрутить их все. Он повторяет этот процесс несколько раз.

Что это значит – стать монахом, отказаться от жизни, любви и семьи, сосредоточиться только на своем внутреннем «я»? В следующий раз, когда он приближается ко мне, я кланяюсь. Он кланяется в ответ и поднимает руку в благословении. Другой рукой он держит нить крупных деревянных бус.

«У меня есть вопрос».

«Хорошо», – говорит он шепотом.

«Как вы находите покой?»

На мгновение он становится серьезным, затем улыбается самой широкой и теплой улыбкой. Позади него, далеко-далеко, виднеются остроконечные горы. Я чувствую, должно быть, то же, что и они, когда солнечный свет окутывает их после холодной зимней ночи.

«Все просто, – медленно отвечает он. – Простой вопрос».

Я усмехаюсь. «Только не для меня».

«Откуда ты?»

«Из Америки».

Он задумчиво кивает головой, как будто это все объясняет.

«Я говорю «да», – говорит он. – Всему, что происходит, я говорю «да»».

Он кланяется и возвращается к своим молитвенным барабанам. Снежные шлейфы лениво скользят по горным вершинам, восходящее солнце окрашивает их в золотисто-желтый цвет.

² Раат ки рани – цеструм – род вечнозеленых кустарников и небольших деревьев семейства пасленовых (*прим. пер.*).

³ Паратхи – традиционный индийский плоский хлеб (*прим. пер.*).

Вернувшись в гостевой дом, я рассказываю итальянскому туристу о своих странствиях за последние несколько месяцев. В отличие от других заезжих бродяг, я не присоединялся ни к каким ашрамам и не участвовал в рейв-вечеринках на Гоа. Даже не посетил ни одного занятия йогой. Черт возьми, я бы не смог медитировать, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Я впервые оказался за границей, на моем счете меньше пяти тысяч долларов, и я лишился работы. И все же я не могу остановиться.

«Понимаю», – говорит он.

Он только что окончил колледж, но уже побывал более чем в дюжине стран. Он рассказывает мне о местах, которые хочет посетить, но его мечта – совершить паломничество в Испанию под названием «Камино де Сантьяго». В свое время его дед и отец совершили его, и однажды, прежде чем он женится, он сам вместе со своей будущей невестой пройдет этим путем.

«Каждый находит себя на Камино, – говорит он. – Каждый».

Почти полная противоположность итогу моих скитаний до сих пор.

«Сколько это займет времени?» – спрашиваю я.

«Где-то неделю», – говорит он. Звучит довольно легко.

Я направляюсь на юг и думаю об этом все больше и больше. Испания. Земля Дон Кихота. Вина. Паэльи и фламенко. Все совсем по-другому, чем здесь. Возможно, так даже будет лучше, поскольку это не имеет никакого отношения к моей истории, ничто не пробудит воспоминаний. К тому времени, когда я добираюсь до дома своей тети в Нью-Дели, Испания все больше занимает мои мысли.

На дворе апрель, а жара уже невыносимая. Я провожу дни в саду, изучая коллекцию учебников по антропологии, собранную мужем тетки. Я занимаюсь только этим, ну и еще изо всех сил избегаю ее вопросов. Я провожу ночи, слушая, как сторож ходит по улицам, дует в свисток, стучит бамбуковой тростью по земле. Настало время спустить курок.

«Что ты собираешься делать?» – спрашивает меня тетя однажды утром за завтраком.

Когда-то я знал ее только по фотографиям и телефонным разговорам. Теперь я живу у нее дома, ем чапати⁴ и дхал⁵.

Затем, обращаясь к своему мужу, она повторяет ежедневно, как мантру:

«Самолет мальчика улетел, пока он скитался по окрестностям».

Она протягивает руку, ерошит мои волосы. Они отросли, мне пора вернуться к короткому ежику. Я скучаю по ощущению свежей стрижки.

«Когда ты собираешься жениться, бета⁶?»

Если вы одиноки, вам под тридцать и вы посещаете Индию, вам будут задавать этот вопрос все, кого вы встретите. А если эти люди – ваши родственники, это никогда не закончится.

«Ты не должен жить один, – говорит она. – Тебе нужна женщина, которая заботилась бы о тебе».

«У меня все нормально. Я могу позаботиться о себе».

«Это просто этап жизни, бета, ты перерастешь его».

Ее муж отрывается глаза от своей газеты. «Я помешу для тебя брачное объявление в газете».

«Брачное объявление?»

«Вот увидишь, такого славного мальчика, американца, просто завалят предложениями».

Это означает, что люди увидят во мне ходячую говорящую грин-карту.

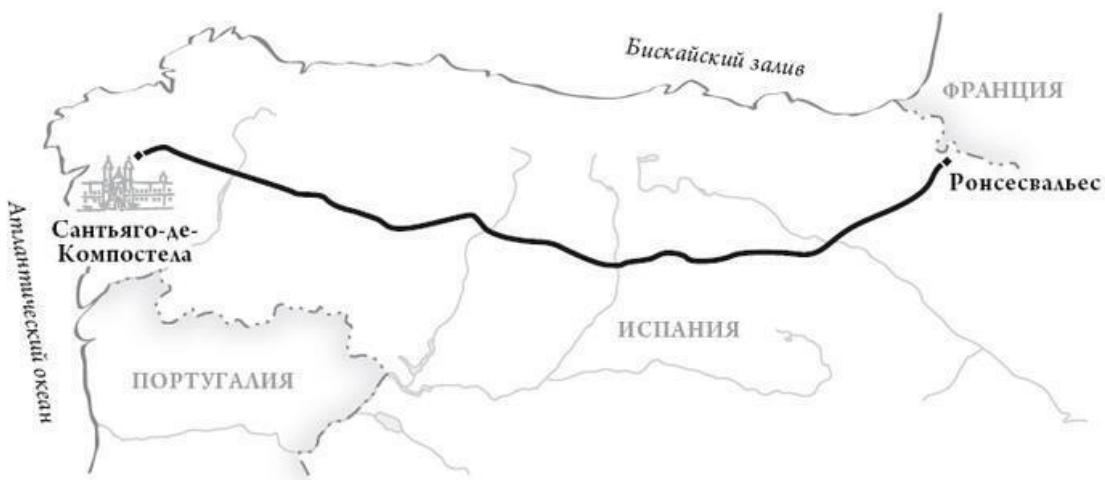
«И к тому же врача», – говорит он.

⁴ Чапати – хлеб из пшеничной муки, наподобие тонкого лаваша (*прим. пер.*).

⁵ Дхал – традиционный вегетарианский пряный суп-пюре из разваренных бобовых (*прим. пер.*).

⁶ Бета – инд. – сынок (*прим. пер.*).

«Я не врач. Я просто подумываю пойти учиться в медицинскую школу».
«Не о чем беспокоиться, – кивает он. – Врач – звучит хорошо».
Теперь я – грин-карта со знаком доллара на ней.
«Что это будет за свадьба, – тетя потирает руки, звеня браслетами. – Мы купим красивые сари для твоей жены, мы будем танцевать в твоем *бхарате*⁷».
«Я еду домой», – говорю я.
Тишина.
«С остановкой в Европе», – добавляю я.
«*Яар*⁸, Amit, к чему такая спешка? Просто подожди и посмотри, какие предложения ты получишь».
«Я собираюсь совершить паломничество в Испании».
Длинная пауза. Муж кашляет.
«Паломничество?»
«Тебе следует остаться в Индии, – говорит тетя. – У нас больше маршрутов для паломничества, чем людей».
«Я уже купил билет».
Она машет своему мужу. «Вразуми мальчика».
Он простирает горло, перелистывает страницу.
«А что твоя мать об этом думает?»
«Волнуется, как всегда. Я полечу домой через неделю».
Тетя качает головой.
«Если и дальше так пойдет, кто знает, что может случиться?»

⁷ Бхарат натья – один из основных стилей классического индийского танца (*прим. пер.*).

⁸ Яар – эй! (*прим. пер.*).

Монастырь

Автобус до монастыря отправляется во второй половине дня. Я сижу возле задней двери и смотрю в окно, как дорога петляет среди холмов, поросших буковыми лесами. Школьники выходят на каждой остановке и бегут к домам с белыми стенами, покатыми крышами из красной черепицы и черными балконами из кованого железа, заставленными цветочными горшками. Вскоре деревни редеют, и автобус почти пустеет.

Я пытаюсь делать заметки в своем дневнике, но не могу сосредоточиться. Я достаю карту, раскладываю ее у себя на коленях и ручкой рисую на ней маршрут паломничества. Линия начинается в Ронсесвальесе – в монастыре, который находится недалеко от франко-испанской границы, тянущейся вдоль Пиренеев. Затем она стремится на запад по открытой местности, усеянной маленькими городками, а иногда проходит и через города с такими названиями, как Памплона, Эстелья, Логроньо, Бургос, Леон и, наконец, Сантьяго-де-Компостела. Длина маршрута составляет около 780 километров. Больше пятисот миль. Гораздо длиннее, чем предполагал мой итальянский друг.

Уж не спятил ли я? Я пытаюсь вспомнить последние три месяца, но образы расплываются: горы, реки, пепел. Я не уверен, что во всем этом вообще был хоть какой-то смысл. Сейчас передо мной лежит паломнический маршрут одиннадцатого века по Испании.

«Паломничество?» – бормочу я, качая головой. Мне почти хочется рассмеяться.

В основе маршрута лежит история святого Иакова – одного из апостолов Христа, который известен в Испании как Сантьяго и который был обезглавлен царем Иродом и похоронен своими учениками на северо-западе Испании. Могила была забыта на века, пока пастух-отшельник не последовал за звездой на ночном небе и не обнаружил ее. Это место стало известно как Компостела – «поле звезды».

Автобус подскакивает на ухабе, и меня бросает к окну. Солнце скрыто холмами, и за первой полосой деревьев в лесу темно. Дорога идет в гору. Ветерок, со свистом врывающийся в противоположное окно, становится прохладнее.

Когда мавры захватили Испанию, христианам понадобился некий персонаж, вокруг которого можно было сплотиться. Отовсюду приходили вести, что по всей Испании Сантьяго появляется на белом коне и убивает захватчиков. Легенда росла и крепла. Над его могилой вздигли собор, и паломники стали стекаться в него со всей Европы. Путешествие называлось Эль Камино де Сантьяго – дорога к Сантьяго.

На протяжении почти тысячи лет паломники шли к собору пешком. Но это было столетия назад. Насколько я знаю, традиция угасла и я могу оказаться одним из немногих на этом давно забытом пути.

«*Pardon*»⁹, – произносит мужской голос с сильным французским акцентом.

За окном я вижу белые стволы деревьев, их подножья скрыты папоротниками, а ветви образуют арку над автобусом.

Тот же голос. «Ты паломник?»

Этот вопрос привлекает мое внимание. Человек сидит на длинном заднем сиденье. Лет пятидесяти, худощавый и красивый, с седеющими волосами, темными густыми бровями и белой щетиной на загорелом лице. Он засовывает руки в карманы выцветших шорт и улыбается.

«Где ты выходишь?»

«На последней остановке, – говорю я. – У монастыря Ронсесвальес».

Он наклоняется вперед и пожимает мне руку. У него сильная, спокойная хватка.

⁹ Простите – фр.

«Мы оба паломники. Я Лоик».

«Амит, – говорю я. – Хотя я не думаю, что подхожу под категорию паломника».

Мои слова заставляют его рассмеяться. «Это не так уж и важно. Если ты идешь по Камино, ты паломник».

Автобус замедляет ход, затем останавливается возле какого-то дома. Его стены увиты виноградными лозами, а в сад ведут красные ворота. Один человек выходит, и мы остаемся единственными пассажирами. Автобус снова трогается в путь.

«Как у тебя дела с испанским?» – спрашивает Лоик.

«*Pobre*¹⁰, – говорю я. – Один год в колледже целую вечность назад».

«Еще одна не очень серьезная проблема, – отвечает он. – А что насчет французского?»

«Отсутствует».

Озорная ухмылка. «А вот это, пожалуй, действительно серьезная проблема».

Помимо моей воли у меня вырывается смешок. Он лезет в белую хозяйственную сумку и достает чоризо, *jamón serrano*¹¹, сыр и хлеб, раскладывая их на сиденье. У меня урчит в животе. Он наполняет едой две бумажные тарелки и протягивает одну мне.

«Ешь, – говорит он. – Если только ты не предпочитаешь быть аскетом».

Я благодарю его, а затем спокойно ем. Деревень больше не встречается: на дороге видны только тени деревьев, слегка качаемых ветром. Иногда сквозь деревья я замечаю пастбища с пасущимся скотом, а один раз – поле, усеянное рядами подсолнухов.

Моя мать любит подсолнухи. Я позвонил ей с автовокзала в Барселоне и изложил подкорректированную версию своих планов.

«Я приобрету групповой тур», – сказал я. Так гораздо проще, чем объяснять ей про затею с паломничеством, которую я сам едва понимал.

«Амит, ты ненавидишь групповые туры».

«Всего лишь одна неделя, мам».

Она вздохнула. «Все равно ты сделаешь по-своему. Ты такой же, как я».

Я думаю, что она начинает привыкать к моим выходкам. У нее было достаточно поводов.

Показательный пример – в середине первого курса колледжа я позвонил ей:

«Мам, я подумываю о том, чтобы пойти в армию».

Длинная пауза. «Хорошенько подумай прежде».

Два дня спустя еще звонок.

«Мама. Знаешь что? Я записался в армию».

В тех случаях, когда она все-таки жалуется, я напоминаю ей о своей истории необдуманных выходок.

«Я твоя мать, – напоминает она мне в свою очередь. – Беспокоиться – это моя работа».

По словам моей тети, я заставлял свою бедную мать работать сверхурочно.

«Будь осторожен, ладно? – сказала она, когда пришло время вешать трубку. – Обещай мне. И поскорее возвращайся домой».

Я обещал ей первое. Насчет второго я решил помалкивать.

Тень автобуса изгибается дугой над полем, поднимается и опускается на стебли пшеницы, затем деревья снова смыкаются. На мгновение меня охватывает сильное желание сойти на следующей остановке, добежать до ближайшей телефонной будки и позвонить своей девушке. «Это прекрасно, Сью, – хочется сказать ей. – Тебе бы здесь понравилось». Я хочу поделиться тем, что я вижу. Но перспективы того, что разговор пойдет по тому же руслу, что и в прошлый раз, достаточно, чтобы подавить это желание.

¹⁰ Слабо – испн.

¹¹ Хамон серрано – испн.

Она не смогла понять, почему я не знал, когда вернусь. Возникший в результате спор был невеселым. Легче просто не звонить.

Автобус проезжает мимо каменного креста высотой около трех футов, который стоит у въезда на посыпанную гравием дорожку. Боковины креста покернели, словно от огня. Лоик похлопывает меня по плечу, протягивая пластиковый стаканчик с красным вином. Пока мы пьем, он рассказывает мне о Камино. Маршрут, по которому мы направляемся, – Камино Франсес, – является самым популярным путем паломничества в Сантьяго-де-Компостела. Но есть и другие: один – в южной Испании, другой – в Португалии. Самое главное, говорит он мне, что множество людей приезжают со всего мира, чтобы совершить этот поход. Нравится мне это или нет, я не буду одинок.

Ко второму стакану вину у меня уже есть краткое представление о его жизни. Он происходит из древнего рода моряков, живших в Бретани. Он был капитаном торгового флота, профессором морских исследований, имеет докторскую степень в области психологии, а теперь расследует несчастные случаи на море для Европейского союза. «Я работаю на Брюссель», – говорит он, печально качая головой всякий раз, когда упоминает ЕС. Он любит Париж, джаз и – больше всего на свете – время, проведенное на своей парусной лодке.

«Я купил лодку у одного английского военно-морского офицера. Он сказал мне, что моряк должен выбирать между лодкой и женой». Он задумчиво улыбается. «Похоже, что я выбрал лодку».

Пока мы пьем по третьему стакану, за окнами проплывает пейзаж, и мы начинаем симпатизировать друг другу. Я перебираюсь к нему на заднее сиденье.

«Ты религиозен?» – спрашивает он.

«Отнюдь».

«Я тоже, – говорит он. – Я слишком стар для таких дел. Но послушай, – он достает из кармана маленькую книжку в мягкой обложке, листает ее большими пальцами и читает вслух. – Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умрет вас».

Я позволяю этой мысли впитаться в меня. Если я не имею этого в себе, это умрет меня?

«Евангелие от Фомы», – говорит он.

«Можешь еще раз прочитать?»

Ни следа усмешки. Только мягкая улыбка. Он читает медленно. После того как он закончил, я некоторое время молчу.

«Я многое повидал в своей жизни, – говорит он. – Я получил немало уроков. Трагедия жизни заключается в том, что ты живешь не так, как считаешь правильным». Он поднимает стакан и говорит небольшой тост: «Вот почему я пройду по Камино. Начало жизни, основанной на усвоении уроков. То, что я имею в себе».

«Красиво, – говорю я. – Правда».

«А ты как попал сюда?»

«Один итальянец сказал мне, что любой, кто пройдет этим путем, найдет себя. И вот я здесь».

Он усмехается, протягивает руку и хлопает меня по плечу.

«*Mon ami*¹², мы станем хорошими друзьями».

Автобус громко переходит на пониженную передачу. Мы поднимаемся на крутой холм, и, когда оказываемся на гребне, появляются шпили и здания монастыря из серого камня. У них склоненные металлические крыши. Позади них холмы становятся выше и переходят в Пиренеи.

¹² Мой друг – фр.

Водитель подъезжает к самому большому зданию. Лоик выходит через заднюю дверь, и тут раздается удар о борт автобуса, затем скрип. Водитель открывает багажный отсек. Лоик что-то говорит, и водитель смеется. Пиренеи напоминают мне Гималаи за спиной монаха и то, что он сказал. Я выхожу.

Лоик вручает мне мой синий рюкзак Lowe Alpine. «Ты только посмотри! – говорит он, указывая на свой рюкзак. Тот похож на более чистую версию моего собственного. – У нас одинаковые рюкзаки».

«Вроде того, – я надеваю рюкзак и поправляю лямки. – Только мой – подделка».

«Прости, что?»

«Это имитация».

Его темные брови хмурятся, и он выглядит так, словно хочет что-то сказать.

«Мой рюкзак развалился в Индии, – добавляю я. – Перед отъездом я купил этот за небольшие деньги».

Пока он просовывает руки под толстые мягкие лямки, я изучаю его рюкзак с двойной прошитой водонепроницаемой подкладкой. У моего нет подкладки, а лямки тонкие. Я надеюсь, что его хватит на неделю. Лямки уже врезаются мне в плечи, и я не хочу думать о том, каково мне будет после целого дня пути.

Надев рюкзак, я следую за Лоиком через лужайку к дальнему концу здания, где группа мужчин и женщин ждет перед закрытой дверью. У большинства с собой рюкзаки. Остальные держат велосипеды с сумками, перекинутыми через задний багажник.

Нас здесь девятнадцать человек: одиннадцать мужчин и восемь женщин, возрастом от двадцати до шестидесяти лет, все одеты в разноцветные версии Gore-Tex. Все, кроме меня. На мне пулlover из искусственного флиса с надписью «Патагония», который я купил в Индии. Очень дешевый.

Пока Лоик болтает с остальными, я снимаю рюкзак и сажусь на него. Вместо того чтобы присоединяться к разговорам, я довольствуюсь тем, что слушаю и, возможно, так получаю больше информации. Звучит речь на немецком, английском, испанском, португальском, французском и еще на нескольких языках, которые я не могу определить. Однако всеми владеет очевидно одинаковое состояние: возбуждение.

Водитель заводит автобус, медленно разворачивает его и уезжает. Вскоре все стихает, и слышны только разговоры паломников и легкий ветерок в кронах деревьев, растущих по другую сторону дороги. Семь дней пути, а потом домой. К Сью. К полному отсутствию понимания, что делать дальше.

Замок на двери щелкает, и она распахивается изнутри. Выстраивается очередь – я оказываюсь в дальнем конце. Мы пробираемся через дверь, по узкому коридору и в кабинет, неся рюкзаки в руках, как чемоданы. Там за дубовым столом сидит женщина с толстыми руками, с собранными в пучок седыми волосами. Она улыбается и машет нам рукой. Вдоль стен стоят книжные шкафы, а на стене позади нее висит гравюра в рамке с изображением Девы Марии.

Женщина спрашивает имя каждого человека, записывает его в журнал регистраций и штампует буклеты, которые ей протягивают паломники. Ее пальцы все в синих чернильных пятнах.

«Что это?» – спрашиваю я англичанина, стоящего передо мной.

«*Credencial*¹³, – говорит мужчина, – паспорт паломника. Вы должны ставить на нем штамп в приютах».

«Что такое приют?» – спрашиваю я.

Какое-то время он смотрит на меня, чешет ухо.

«Где вы планировали ночевать?»

¹³ Удостоверение – исп.

«В молодежных хостелах, каких-нибудь дешевых гостиницах. Возможно, провести несколько ночей в кемпинге».

Очередь движется вперед. Я слышу глухой стук печати о стол. Женщина быстро проштамповывает несколько буклетов. Тук-тук-тук.

«В этом нет необходимости, – говорит он. – На Камино есть жилье для паломников. *Refugios*¹⁴. Приюты. Я слышал, некоторые из них довольно неплохи. Они вполне соответствуют представлению о доме с четырьмя стенами и крышей».

«Они дорогие?»

«Нет – если у вас есть *credencial*».

Очередь снова движется. Еще два стука, и англичанин уходит.

Стоя там, ожидая своей очереди, я начинаю чувствовать себя глупо. Я действительно понятия не имел, что меня ждет. Ботинки англичанина – без потертостей, шнурки все еще чистые. Мои выглядят так, словно кто-то протащил их через все канализации Индии. Это помогает мне приободриться. Когда я служил в пехоте, нас не зря называли «ногами». Возможно, я не знаю подробностей этого паломничества, но я умею ходить пешком.

Женщина продает мне *credencial*. Это длинный кусок картона, сложенный в несколько раз, как карта, каждая сторона которого разделена на пустые квадраты. Она наклеивает на первый квадрат изображение Девы Ронсевальской, выполненное синими чернилами. Теперь я официальный паломник.

Закончив, она застегивает свою коричневую фуфайку и жестом приглашает нас следовать за ней. Мы выходим за дверь, проходим через каменный двор и оказываемся внутри другого здания. Мы поднимаемся по винтовой лестнице, воздух становится холоднее, рюкзаки царят узкие стены, ботинки шаркают по каменным ступеням.

Приют находится на третьем этаже. Мы занимаем двухъярусные кровати, и возле единственного душа в ванной комнате возникает очередь. Я хватаю свой дневник, сбегаю вниз по лестнице мимо только что прибывших паломников и выхожу на улицу.

Стоит прохладный вечер. Я отжимаюсь на площадке перед входом. Затем, опершись на локти, я провожу руками по сочной траве. Ветерок треплет мои волосы. Лоик присоединяется ко мне, и мы наблюдаем, как садится солнце.

Он похлопывает меня по руке. «Люблю это зрелище».

Я тоже. Где бы ты ни находился, никогда не устанешь от вида закатов.

«А ты молчун, – говорит он. – Скажи мне, кто ты по профессии?»

«По профессии? – задумываюсь я. – Вообще-то, безработный».

«Приятное хобби, ничего не скажешь, – говорит он. – Но во Франции к этому относятся довольно серьезно, уж поверь мне. Здесь все тебе будут сочувствовать и деликатничать с тобой, словно со вдовой на похоронах ее мужа».

Я смеюсь – все еще в приподнятом настроении и навеселе от вина, выпитого во время нашей поездки на автобусе. «В США твои друзья дадут тебе пять, если ты получишь выходное пособие более чем за две недели».

Он пристально, с любопытством смотрит на меня. «Скажи мне, кем ты работал до этого замечательного занятия?»

«Я учился, – говорю я. – Примерно сразу после окончания колледжа я решил, что хочу стать врачом, поэтому я работал неполный рабочий день, посещал все подготовительные курсы и трудился помощником в отделении неотложной помощи».

«Моя бывшая жена была врачом, – говорит он. – Для такой учебы нужна недюжинная самоотдача. Я впечатлен».

¹⁴ Приюты – исп.

«Не-а, – говорю я. – Я потерял работу, пока слонялся туда-сюда, и, честно говоря, мне кажется, что я больше не хочу быть врачом».

То, о чем я не упоминаю, и является причиной этому. Мне вполне сносно удается поддерживать разговоры с людьми, даже отвечать на вопросы. Ведь отвечать искренне вовсе не обязательно.

«Возможно, поэтому ты и оказался на Камино».

«Я не знаю. Не то чтобы у меня были веские причины для этого».

Самая широкая улыбка, которую я до сих пор видел на его лице. Он практически светится.

«Хорошо, – громко говорит он. – Хорошо. Сердце не прислушивается к голосу разума. Оно заводит тебя в туман. Никогда не знаешь, упадешь ли ты со скалы, или она расступится, и ты окажешься у открытых ворот в Шангри-Ла.

Но пока следуешь зову своего сердца, ты жив».

Тонкое серое облако закрывает солнце, разрезая его пополам, как отражение в воде. Мы оба замолкаем и наблюдаем, как две половинки медленно исчезают за холмами. Когда я моргаю, то вижу оранжевые пятна там, где раньше было солнце.

Он описывает рукой круг. Затем тихо добавляет: «Не разум привел тебя сюда».

«Это правда», – говорю я.

«Разум берегает тебя. Но это – это небезопасно».

«О, насколько небезопасно?»

Он отмахивается от меня. «Твое сердце привело тебя сюда. Хотел бы ты знать, куда оно тебя приведет?»

«Очень».

«К волшебству. Это обещание сердца».

Ни одно из этих слов не приходило мне в голову, возможно, никогда. Некоторое время мы оба молчим. Звонят церковные колокола, и этот звук эхом отражается от холмов. Мы наблюдаем, как паломники гуськом входят в часовню. Лоик встает, протягивает руку.

«Я думал, ты не религиозен», – говорю я, позволяя ему помочь мне подняться.

«*Monsieur*¹⁵ Американец, мы совершаляем паломничество».

«Справедливое замечание, – я стряхиваю траву со своей куртки. – Когда ты в Риме».

Он усмехается: «Поступай как французы».

Мы сидим на скамье между гигантскими арочными колоннами. Три узких витражных окна над алтарем пропускают слабые отблески угасающего света. Когда колокола затихают, входят монахи в белых одеждах. Они встают вдоль ступеней, ведущих к алтарю, в прямую линию и поют. Это долгое пение, которое становится громче: голоса повышаются, пока оно не заполняет часовню. Сидя на деревянной скамье рядом с подвыпившим французом, потирая руки, чтобы согреться, наблюдая за паломниками вокруг меня – некоторые преклоняют колени, некоторые шевелят губами, а другие, как и я, просто плятятся, – я чувствую себя частью чего-то большего, чем я сам. Кажется, мне это нравится.

Пение заканчивается, и наступает время причастия. Примерно половина паломников, включая Лоика, встают в очередь, и после того, как последний занимает свое место, монахи поднимают руки ладонями вперед. Тот, кто посередине, – лысый, с аккуратно подстриженной белой бородой – жестом подзывает нас поближе. Он ждет, пока мы не соберемся полукругом, затем говорит, пока один человек переводит на английский, другой – на французский.

¹⁵ Господин – *фр.*

«Когда вы идете по Камино, – говорит он, – вы следуете по стопам тех, кто пришел и ушел. Они сидели там, где сидите вы. Они стояли там, где стоите вы. Помните о них, и однажды другие вспомнят о вас».

В комнате отдыха женщина, проштамповавшая *credencial*, заметила, что сегодняшняя группа была небольшой. Каждое утро новая группа отправлялась из Ронсесвальеса, в то время как другие начинали поход из разных городов вдоль Камино, некоторые шли даже из Франции или Голландии. Она рассказала нам о мосте в деревне под названием Пуэнте-ла-Рейна, где несколько паломнических маршрутов сходились в один.

Она сказала, что будут моменты, когда каждый из нас окажется в полном одиночестве, когда никого не будет рядом, но будут и моменты, когда нас будут окружать паломники и мы будем всего лишь одними из многих. По тому, как она улыбнулась, говоря это, можно было подумать, что это почти хорошо.

Монах долго молча смотрит на нас, словно выискивая кого-то знакомого. Женщина позади меня кашляет.

«Помолитесь за нас, когда доберетесь до Сантьяго», – наконец говорит он.

Монахи опускают руки, поворачиваются и отступают, свечи отбрасывают тени на стены. Когда часовня пустеет, я открываю свой дневник. В аэропорту Нью-Дели тетя сунула мне в руки маленькую записную книжку в кожаном переплете. «Это тебе, – сказала она, обнимая меня на прощание. – Не теряйся». Она смотрела, как я перелистываю пустые страницы, затем нежно погладила меня по щеке. Сидя в испанской часовне четырнадцатого века, готовясь последовать по стопам давно умерших паломников, я ловлю себя на том, что скучаю по ней.

Может быть, мне следовало ответить на ее вопросы. Он был ее единственным братом. Она имела право знать. Я записываю то, что сказал монах. Привычка, которую я выработал во время путешествий, – погружаться в себя, где бы ты ни был, потому что, возможно, ты никогда не вернешься. Один монах возвращается к алтарю и берет свечу. Он маленький, худощавый и очень старый. Скольких паломников, отправляющихся в Сантьяго, он наблюдал? На мгновение мы встречаемся взглядами, затем он шаркающей походкой направляется к боковому входу и закрывает за собой дверь. Я выхожу.

Вверху появляется несколько звезд, тусклых на темнеющем небе. Низкий туман покрывает холмы. Сейчас время ужина. Я присоединяюсь к Лоику за общим столом в переполненном и шумном ресторане. Грубые каменные стены, бочонки с вином за стойкой бара, свечи на столах, лампы дневного света на потолке и официантка, которая выглядит так, словно за свою жизнь обслужила слишком много паломников, подавая хлеб, салат и жареную форель.

Лоик председательствует за столом, смеется, громко жует, разговаривает с женщинами по-французски, смеша их. Он шутит с мужчинами и наполняет мой бокал при каждом удобном случае. К тому времени, как мы пьем кофе с пирогом на десерт, на столе уже целая куча пустых винных бутылок.

Если бы меня раньше попросили представить себе паломников, я бы представил их иначе. Группа молящихся в церкви – да. Торжественные и молчаливые – конечно. Но веселье и выпивка?.. Едва ли.

Наша группа заказывает еще по бокалу вина. Разговор становится более содержательным, люди делятся друг с другом тем, почему они оказались здесь. Я извиняюсь и оставляю позади шум, сигаретный дым и причины. Лужайка пустынна, а в монастыре тихо. Когда я наконец добираюсь до спальной комнаты, свет в ней выключен и кто-то громко храпит. Одна парочка сидит на полу и шепчется по-испански.

У открытого окна от холодного воздуха у меня немеет лицо. Холмы – словно темные глыбы. Я застегиваю свой флисовый пулlover. Безлунное ночное небо сверкает, и вскоре разум успокаивается.

Январская ночь в Нью-Йорке. Маленькая больничная палата Еврейского медицинского центра Лонг-Айленда. За окном снег – коричневый и грязный – громоздится на тротуарах. Внутри ни жарко, ни холодно. Больничная погода.

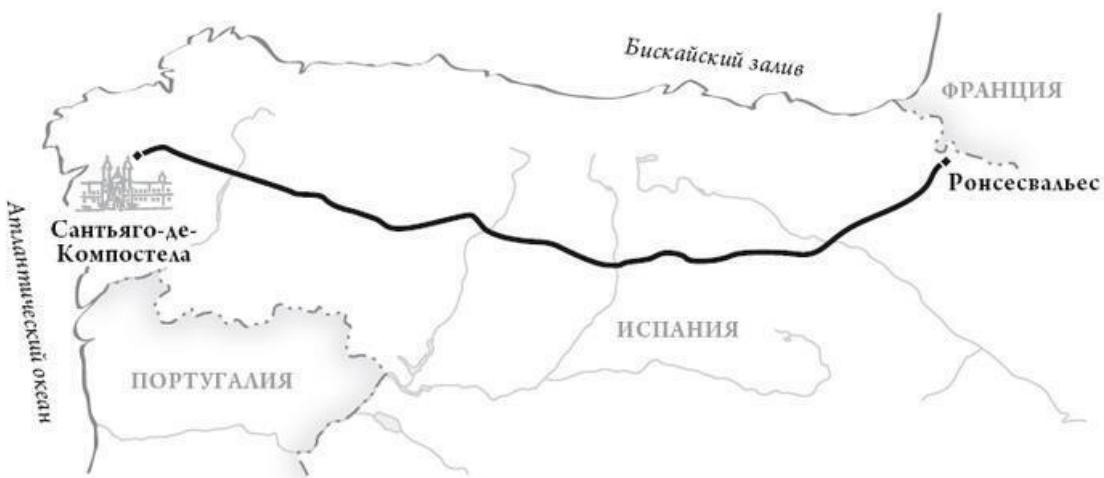
На кровати лежит тело того, кто когда-то был моим отцом. Рак оставил от него кости да обтягивающую их потемневшую коричневую кожу. Изо рта у отца выходит трубка, которая кольцами сворачивается и впивается в имитирующий его легкие аппарат, заставляющий его дышать. Его голова остается неподвижной, но глаза врашаются по кругу – бегающие, ищащие. Они рассматривают все: желтый потолок, пластиковый кувшин, наполовину наполненный мочой, белые простыни, дверь, ведущую в светлый коридор, по которому проходят медсестры в синих халатах, сына, который сидит рядом с ним. Они продолжают двигаться, искать, высматривать.

«Примитивная реакция мозга, – сказал невролог, подключая электроды к голове моего отца. – Это ничего не значит».

Провода тянутся от электродов к квадратной устаревшей машине с мигающими кнопками. Зеленые провода. Красные провода. Белые и желтые провода. Абсурдная рождественская елка.

И все же я видел эти глаза. Только глаза. Вращающиеся, порхающие, движущиеся, ищащие, бесконечно ищащие. Что они искали?

Я встал и посмотрел на него сверху вниз. Я мог бы убить его. Не в первый раз в моей жизни возникает эта мысль. Но теперь это было бы просто: заблокировать дверь, отключить аппарат искусственной вентиляции легких, накрыть ему лицо подушкой, прекратить его страдания.

День первый

Ярко-голубое небо, клубы облаков на западе. Воздух прохладен и пахнет свежескошенной травой. Позади меня раскинулись Пиренеи, их очертания четко вырисовываются в утреннем свете. Овцы пасутся на склоне.

На небольшом придорожном указателе нарисована желтая стрелка. Она ведет на грунтовую тропу, которая тянется рядом с дорогой на протяжении примерно пятидесяти ярдов, а затем сворачивает в лес. Вчера вечером, за ужином, Лоик рассказал о традиции желтых стрелок, отмечавших маршрут в Сантьяго, на камнях, деревьях, указателях, тротуарах. Пока ты следишь за ними, ты знаешь, что находишься на Камино де Сантьяго.

Я делаю глубокий вдох, чувствую, как расширяется моя грудная клетка, и медленно выдыхаю. Начинания – это самые волнующие моменты. Они также и самые страшные. Итальянский турист, который сподвиг меня на это путешествие, рассказал мне свою любимую легенду – индийскую. В ночь перед тем, как Будда достиг просветления, на него напал Мара, бог смерти. Он наслал все, чем владел, – похоть, жадность, гнев, сомнение, страх во всех его проявлениях – на человека, медитирующего под деревом. Безуспешно.

Но даже после того как проиграл, он продолжал появляться на протяжении всей жизни Будды. Каждый раз Будда говорил: «Я вижу тебя, Мара». Вот и все.

Гениальность этого, по словам итальянца, заключалась в простоте. Он назвал страх тем, чем он был, признал его существование, а затем просто позволил ему быть. Это лишило Мару силы, которая в любом случае была иллюзией. В конце концов Маре стало скучно, и он исчез.

До сих пор я не вспоминал эту историю. Забавно, но мне нужно было оказаться в Испании, чтобы оценить то, что я узнал в Индии.

«Я вижу тебя, Мара, – шепчу я. – Я вижу тебя».

Затем я взваливаю свой рюкзак на плечи, затягиваю лямки, застегиваю поясной ремень.

Двадцать пять столетий назад Лао-цзы сказал: «Самое длинное путешествие начинается с одного шага».

Мое начинается на мощеной дороге возле монастыря в горах на севере Испании. Она сворачивает к лесной тропинке, где желтая стрелка указывает в сторону зарослей. Высокие тонкие деревья с белыми стволами тянутся друг к другу, образуя тенистый навес из зелени. Я иду медленно, в непривычном темпе, держа карту в руке, ища стрелки. Звук, производимый моими ботинками на песчаной тропе, теряется в холмах.

В течение часа я никого не встречаю. Неудивительно, учитывая, что к тому времени, как я проснулся, все давно уже ушли. И все же это прекрасно: солнечное утро, прохладный ветерок, запах папоротников и буков, шевеление лямок на плечах, плеск воды в бутылке в моем рюкзаке, разум спокоен, тело движется.

Тропинка идет по лесу до самой деревни Бургете. Затем я оказываюсь на мощеной дороге, вдоль которой выстроились дома с побеленными стенами и ярко-красными ставнями. Два паломника из Ронсесвальеса отдыхают на скамейке через дорогу, их рюкзаки стоят на тротуаре. На шее у них болтаются раковины морских гребешков – символ Камино. Древние паломники носили их с собой, чтобы черпать воду из ручьев и рек. Современные паломники используют их в качестве отличительного знака. Мы машем друг другу, но я к ним не присоединяюсь. Я хочу наверстать упущенное из-за своего позднего старта время и догнать Лоика.

Желтая стрелка на тротуаре указывает в сторону от дороги и вниз по земляной пешеходной тропинке. Небо теперь светло-серое, а облака стали темнее и ближе. Земля на тропе, ведущей в буковый лес, становится мягче. Я снова остаюсь один, пока не слышу гула машин за деревьями, похожего на шум далекого водопада. Вскоре тропинка пересекает мощеную дорогу,

на другой стороне которой показывается Лоик, фотографирующий статую Ронсесвальской Девы.

Он машет мне рукой. Мы подходим к просвету между деревьями, ставим наши рюкзаки на землю, и, как и тогда в автобусе, он достает фрукты и сыр на обед. Этот человек – ходячая корзина для пикника. В отличие от вчерашнего дня, сегодня он вялый, вероятно, с похмелья. Да и я не лучше. Так что мы едим в тишине.

Потом мы лежим на траве и смотрим, как солнце пробивается сквозь облака, пока оно согревает наши лица. Лениво стрекочет сверчок. Не так уж и плохо на этом Камино. Пара новых друзей, легкие пешие прогулки, сиеста – и через семь дней возвращение домой.

«Послушай, Лоик».

«*Oui?*¹⁶»¹⁶

«Насчет вчерашнего разговора о волшебстве. Небольшой вопрос».

«Слушаю».

«Туман расступается перед Шангри-Ла, это я понимаю. Хорошая метафора. Но падение с обрыва – что в этом хорошего?»

Он смеется. «На самом деле, *ton ami*¹⁷, это самое лучшее. У тебя вырастают крылья».

У этого человека есть ответ на все.

«Слушай внимательно, – говорит он, – это очень важный момент. Ты стоишь на краю обрыва и ждешь, пока у тебя отрастут крылья, прежде чем прыгнуть». Он садится лицом ко мне. «Но жизнь хочет, чтобы ты сначала прыгнул, а потом у тебя вырастут крылья. Будь уверен – они тут же отрастут».

Он поднимает ладонь, затем быстро опускает ее. На лице улыбка.

«Потому что, ну… внизу земля».

«Что-то вроде веры?»

«Так устроена жизнь, – он пожимает плечами. – Я не знаю почему».

«То есть в любом случае, – говорю я, – будь то обрыв или Шангри-Ла, это…»

«Волшебство».

Он замолкает. Над нами плывут облака. Шелестят листья.

«Ты сегодня какой-то молчаливый», – говорю я.

«Ну, сегодня мой день рождения».

«Ух ты! С днем рождения!»

«Моим желанием сегодня было предаться созерцанию, находясь на Камино».

Мне следовало понять это раньше. Путешествия учат вас понимать, когда кто-то хочет, чтобы его оставили в покое. Если, конечно, вы не я. Я сажусь и тянусь за своим рюкзаком. Он выглядит благодарным.

«Ты будешь праздновать вечером?»

«В моем возрасте праздновать не сильно хочется».

«Что ж, созерцание – это своего рода празднование».

Он кажется довольным. Лучше всего на этом и остановиться.

«Дар зрелого возраста, – говорит он. – Ты осознаешь свое собственное лицемерие. Это помогает тебе прощать других. Но ты должен простить и себя тоже. Это не всегда просто».

Я ловлю себя на том, что хмурюсь. Он улыбается, слегка смущенный.

«*À bientôt*¹⁸, – говорит он, протягивая мне персик. – На дорожку».

«С днем рождения, дружище».

¹⁶ Да? – фр.

¹⁷ Мой друг – фр.

¹⁸ До скорого – фр.

Возвращаясь в лес, тропа сужается, шум машин затихает, а полог становится плотнее. Далеко за деревьями местность резко переходит в долину, пересеченную белыми песчаными дорогами.

Я просовываю большие пальцы за лямки на груди и тяну рюкзак вперед, облегчая нагрузку на плечи. Вчера вечером в ресторане, когда пьяные паломники начали делиться причинами своего нахождения здесь, мне показалось, что всех их что-то гнетет. Да и что здесь делать людям, которые всем довольны?

Тропа начинает петлять, затем поднимается вверх под крутым углом. Острые камни – некоторые размером с кирпич, другие похожи на валуны – торчат из земли. Облака медленно закрывают солнце. Ветер проносится сквозь ветви, заставляя сосны дрожать. На гребне холма я поскользываюсь на покрытом мхом камне и едва успеваю ухватиться за куст, чтобы не скатиться вниз по склону.

Чуть ниже виднеется стройная фигура в синих шортах, белой футболке и со светло-голубым рюкзаком за плечами. Но мое внимание привлекает не внешность паломницы, а то, как она спускается с холма. Пока я скользжу и цепляюсь за камни, она спускается вниз, как будто их вовсе не существует. Торопясь наверстать упущенное, я снова падаю, на этот раз жестко приземляясь на спину, так что мой рюкзак оказывается подо мной.

Какое-то мгновение я лежу на земле, задаваясь вопросом, что я здесь делаю, куда катится моя жизнь, почему я не отдыхаю где-нибудь на прекрасном теплом пляже, почему, ну почему я должен быть собой и творить все это безумие? Через пару минут я ощупываю себя. Несколько царапин, уязвленное самолюбие. Женщина наблюдает за мной. Я отряхиваюсь и осторожно спускаюсь вниз.

«Еще раз привет», – говорю я, подходя к ней.

Она загорелая, с короткими темными волосами, тонкими морщинками от смеха вокруг глаз. Должно быть, несколькими годами старше меня. Серебряные висячие серьги в форме дельфинов, выразительные карие глаза. Есть нечто такое в том, как она стоит, в ее осанке, – сам и не поймешь почему, но стоит ее заметить, как глаз отвести не можешь.

За ужином она сидела в дальнем конце стола – бразильянка по имени Розанджела. Я был слишком погружен в себя, чтобы обратить на нее внимание. Или на кого-либо еще, если уж на то пошло.

«У вас все в порядке?»

Я показываю на свои брюки, покрытые грязью: «Бывало и лучше».

Она хихикает, прикрывая рот рукой: «Я слышала, как вы упали».

«Ах, это? – я соскребаю грязь со щеки. – Просто немного проехался».

Она тихо смеется. Дельфины вздрогивают. «Звук был такой, как будто вы изрядно проехались».

Когда мы спускаемся вниз, я – Мистер Пехотинец, который когда-то лазал по горам в армии, – использую свои руки и ноги для опоры на камни, в то время как она идет так, словно местность была создана специально для нее. Она ни разу не поскользнулась. Я же несколько раз чуть не встретился со своим Создателем.

Тропа расширяется и выходит на поляну, справа от нас виднеется двухарочный каменный мост. Линии электропередач тянутся от деревянных столбов по обе стороны ручья. Мы останавливаемся передохнуть.

«Вы часто ходите в походы?» – спрашиваю я.

«Никогда в жизни не ходила».

«Серьезно?»

Она кивает. «Я беспокоилась о том, как все пройдет. Но все идет чудесно, вам не кажется?»

«До тех пор, пока не упадешь».

Она снова смеется. На этот раз, я подозреваю, что надо мной.
За мостом, на склоне холма, виднеется небольшая деревушка.

«Я отдохну несколько минут», – говорит она, и у меня возникает то же чувство, что и с Лоиком. В первый день имеет смысл прогуляться в одиночестве, проникнуться совершенно новым опытом, применить все эти созерцательные штучки.

«Увидимся в приюте», – говорю я.

Она мягко улыбается. Улыбка озаряет все ее лицо – от глаз до уголков рта.

Желтая стрелка на валуне возвращает меня в лес. Небо становится сероватым, темным. Я надеваю накидку от дождя и ускоряю шаг. Ветви начинают дико раскачиваться. Листья и прутики кружатся на ветру. Раздается громкий треск, звон гальки, затем градины обрушаются мне на голову. Вскоре уже накрапывает дождь, и мои ботинки увязают в земле, замедляя ход. Я то ли иду, то ли ковыляю, придерживая одной рукой капюшон своей накидки, щурясь от дождя.

Дорожка сужается до узкой тропинки, ведущей на открытый луг. Идет косой дождь. Молния ударяет в холм у горизонта, жуткая голубовато-белая вспышка ослепляет меня. Секундой позже раздается приглушенный раскат грома. Затем еще один удар, на этот раз ближе. Раскаты грома проносятся по холмам. Черт, все это полный отстой.

На мосту, ведущем в Ларрасонью, дождь ослабевает и превращается в морося. Ручей коричневый, вода быстро течет. Нижние части облаков окрашены в красный цвет. Мои ботинки заляпаны грязью. На дорожном указателе указано название деревни и расстояние до Сантьяго: 760 километров. Теперь доводы паломников, высказанные прошлой ночью, обретают смысл.

Только отчаявшийся человек будет подвергать себя такому испытанию
целый месяц.

Я даже вообразить себе не могу предстоящие мне шесть дней.

Приют представляет собой двухэтажное белое здание с небольшим фонтаном перед входом. Я протираю запотевшие часы: 6:42 вечера, позади более десяти часов ходьбы.

Вслед за двумя паломниками с рюкзаками я направляюсь за дом к раковине для стирки белья, чтобы помыть свои ботинки и постирать накидку. Моросящий дождь ослабевает. Облака скатываются с холмов, покрывая склоны. Временами ветер обнажает сосны и видны пятна зелени. Воздух чист, и иногда, когда ветер меняется, я чувствую запах древесного дыма. Мое тело ноет, на плечах саднят красные натертости от лямок рюкзака, а лодыжки болят при каждом шаге. Тем не менее после такого дня, как сегодня, для счастья достаточно непрятязательного вида и кроссовок на ногах вместо ботинок.

Группа собирается вокруг раковины, все громко разговаривают, сравнивают впечатления о своем первом дне на маршруте, обсуждают боли, недомогания, мозоли. Все это и мне хорошо понятно. Но когда они переходят к причинам своего похода, говорят о том, как долго они его планировали, некоторые даже ждали годами, я чувствую себя не в своей тарелке. Мне здесь не место.

*Hospitalero*¹⁹ – человек, управляющий приютом, встречает всех в гостиной, кричит, хлопает паломников по спине, выставив вперед свой большой живот. По словам одного паломника, он еще и мэр Ларрасоньи. Все стены в его кабинете увешаны фотографиями паломников, которые останавливались здесь. Книги, брошюры, наклейки – все, что связано с Камино де Сантьяго, – загромождают его стол.

Фелипе, паломник из Мадрида, входит в кабинет вместе с мэром. Тот подводит его к трем сертификатам в рамках, висящим на стене над его столом.

¹⁹ Гостеприимный – исп.

«Что это такое?» – спрашиваю я.

«*Compostelas*²⁰, – говорит Фелипе. – Они подтверждают совершенное паломничество. Он трижды прошел по Камино».

В верхней части каждого сертификата изображен паломник в рясе, несущий посох и бутыль, сделанную из тыквы-горлянки. Надпись сделана на латыни. Внизу – изображение раковины морского гребешка. Я поворачиваюсь к мэру.

«Трижды?»

Он выпрямляется и гордо кивает, как будто я только что похвалил его военные медали. Это убивает желание спросить, зачем делать это больше одного раза. У меня такое ощущение, что каждому посетителю приюта показывают эти *compostelas*. С другой стороны, если этот первый день с его камнями, грязью, градом, молниями и почти вывихнутыми лодыжками хоть немного похож на то, что нас ждет дальше, он более чем заслужил эту похвалу.

Я расписываюсь в журнале регистрации гостей и оплачиваю проживание. Он ставит на моем *credencial* штамп с эмблемой Ларрасони, подписывает внизу свое имя, затем хватает меня за руки, крепко сжимает их и говорит: «*Buen viaje*»²¹. Он отпускает мои руки и продает мне раковину морского гребешка, чтобы повесить ее мне на рюкзак. Он и ее подписывает.

Пока остальные отправляются осматривать деревню, я выхожу на улицу и облокачиваюсь на перила у входной двери. Капли дождя скользят по гладкому металлу. Паломники идут по улице, шлепая сандалиями по мокрому булыжнику.

Мэр, оставшийся без слушателей, тоже выходит и присоединяется ко мне. Он хлопает меня по спине, показывает на холмы и рассказывает о своем детстве. Он говорит о своей юности, когда он наблюдал за проходящими мимо паломниками, о том, как он трижды проходил по Камино, и о том, как он плакал каждый раз, когда добирался до собора в Сантьяго. Он рассказывает о своей работе в поле, где он трудился, как и его отец и дед до него. Его голос впервые срывается, когда он упоминает о своих детях и внуках, которым он передаст в наследство заботу о паломниках.

По крайней мере, я надеюсь, что он сказал именно это. Я не мог понять ни слова из того, что слетало с его губ. Он мог с таким же успехом поносить мою внешность, мою семью и страну, откуда я родом. Когда он понизил голос, то, возможно, он проклинал тот факт, что я вообще родился и теперь дышу тем же воздухом, что и он.

Это не имеет значения. Мне нравится этот человек, который живет в маленькой деревушке на холмах и обслуживает паломников, которых он никогда раньше не встречал. Он нашел свое место в мире. Я восхищаюсь им за это.

Мэр хмурится и смотрит на часы, затем хлопает по перилам.

«*Mira*²²». Он показывает на улицу.

Из-за угла выходят паломники. Он нашел более широкую аудиторию, которую сможет развлекать. Он смеется, кричит, пьет с нами вино, пока мы ужинаем в ресторане. Затем он по очереди пожимает нам руки и откланивается.

Раскаты грома отдаются эхом над крышами. Снова начинается дождь. Держа газеты над головами, мы бежим в приют. Пока паломники ложатся спать, я отдыхаю на диване в кабинете и читаю. Окно открыто, и ветерок доносит запах земли. Фелипе сидит за столиком в углу и что-то пишет в блокноте. Его седые волосы зачесаны назад, мокрые после знаменитого горячего душа, за которым паломники стояли в очереди. Настольная лампа отбрасывает его тень на стену.

Через некоторое время он откидывается на спинку стула и зевает.

«Что ты читаешь?»

²⁰ Компостель – исп.

²¹ Приятного путешествия – исп.

²² Смотри – исп.

Я поднимаю книгу – подарок моей тети в аэропорту.
«*Gita*»²³.

«Учения моих предков», – сказала она, сунув ее мне в руки у линии безопасности, а затем заставила меня поклясться, что я прочитаю ее. Мой приезд в Индию доказал ей, что, независимо от того, что я чувствовал, если я дал обещание, я его сдержу.

«Интересно. Расскажешь немного?»

Название: «Заключительные откровения абсолютной истины».

«Все эти действия следует совершать,
отказываясь от привязанности к плодам своих действий».

«Не испытывая отвращения к неприятной работе
и не привязываясь к приятной,
отрекающийся разумен и свободен
от всех сомнений».

Он постукивает по своему блокноту, на мгновение задумывается.

«Хороший совет для похода по Камино».

Я представляю себе, как тетя, услышав это, говорит: «Еще бы. Наш народ изобрел паломничество». Меня это смешит.

«И для твоего поиска».

«Моего поиска?»

«Прошлой ночью – то, что ты сказал этому французу, – насчет выбора, который ты хочешь сделать в отношении карьеры».

Теперь я припоминаю, как внимательно он слушал наш с Лоиком разговор за ужином. Тот спрашивал, почему я больше не хочу быть врачом, и мне удалось уклониться от ответа, сказав, что я просто не уверен, что это мне подходит.

«Ах, это? Ничего особенного, просто пытаюсь во всем разобраться».

Он качает головой: «Нет, нет. Это самое важное решение».

«Надо думать».

«Когда я начинал получать образование, я изучал физику. Но потом я бросил физику, поступил в школу менеджмента в Штатах и присоединился к бизнесу моего отца, – он вздыхает. – Возможности. Надо внимательно их изучать, чтобы понять, куда они ведут».

За окном холмы озаряются быстрыми белыми вспышками. Секундой позже все оконные стекла дребезжат.

«Я преуспел, – продолжает он, – у меня прибыльный бизнес, хорошая семья, комфортная жизнь. Но чем дальше, тем больше я ненавижу свою работу. Я бы предпочел сидеть в кабинете и мечтать об атомах».

Он подходит к другому окну, открывает его и вглядывается в ночную тьму. От сквозняка становится хорошо, и я заканчиваю читать последнюю главу. Когда он возвращается, то придвигает стул поближе и садится, наклоняясь ко мне.

«Дай-ка я тебе кое-что расскажу. Доктор Ричард Фейнман приехал читать лекцию в мой университет. Это было, когда я еще занимался физикой. Это был очень известный американский ученый. Для меня было честью учиться у него, – в его голосе звучит волнение. – Доктор Фейнман был самым любопытным человеком, которого я когда-либо встречал. Он всегда спрашивал себя: “А что, если сделать так?” “Что это значит?” “Почему, почему?” Для него задавать вопросы было все равно что дышать».

Он зевает, скрещивает руки на груди.

«Теперь я понимаю, что это был секрет доктора Фейнмана. Он выбрал для себя профессию, которая пришла к нему естественным путем. В конце концов, физика – это всего лишь

²³ Гита – инд.

постановка вопросов, – он пожимает плечами, затем улыбается. – Доктор Фейнман, должно быть, был счастливым человеком».

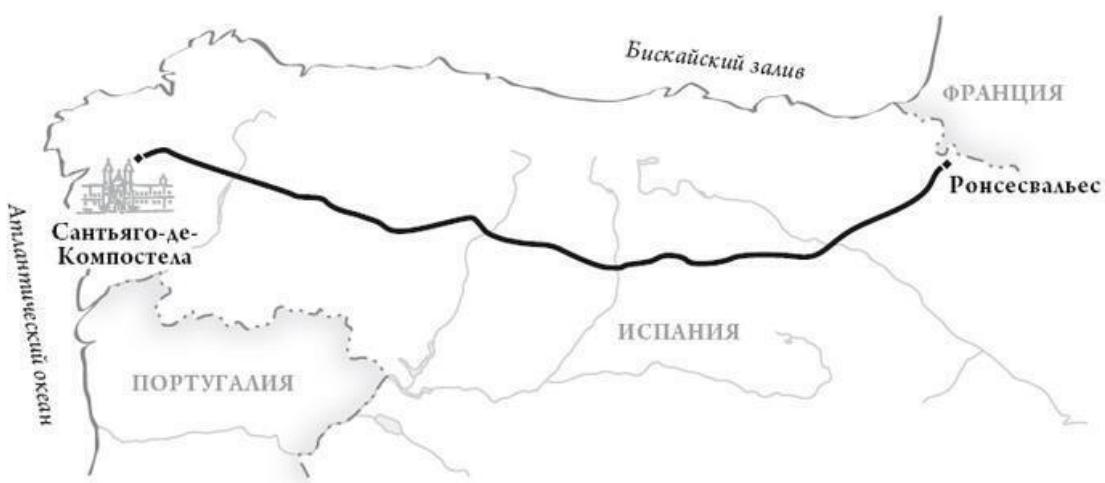
Однажды Сью навестила меня на работе в отделении неотложной помощи. С тех пор она начала настраивать меня на то, чтобы я поступил в медицинскую школу. Она сказала, что я был более естественным и расслабленным рядом с пациентами, чем где-либо еще. Ей бы понравилось то, что только что сказал Фелипе.

«Спасибо, что поделились этим, – говорю я. – Это было полезно для меня».

Он отразил удар.

«Знание – ничто, если не применять его на практике».

Потолок скрипит от звука чьих-то шагов наверху. Дождь становится громче. Он встает, собирает свои вещи. Я даю ему «Гиту». Книгами следует делиться, а не копить их впрок.

День второй

В 1961 году Советы взяли человека по имени Юрий Гагарин, посадили его в ракету «Восток» и запустили в космос. Вращаясь на ней вокруг Земли, он выглянул из своего иллюминатора и увидел проплывающие внизу континенты и покрытые облаками океаны. Он знал, где началось его путешествие и где оно закончится. При скорости семнадцать тысяч миль в час в консервной банке у него была перспектива.

Все, что я вижу, – это мокрое, скользкое, двухполосное шоссе, петляющее между гранитными утесами. Второй день на Камино я иду по краю дороги. С одной стороны – пшеничные поля колышутся на ветру. С другой стороны – ключья тумана скатываются со скал. Мимо проезжают большие грузовики, их шины забрызгивают мою накидку и брюки ниже колен. Красные маки на полях опадают, с их лепестков капает вода.

Я хочу добраться до какого-нибудь укрытия, обсохнуть, выпить чего-нибудь горячего, покончить с этим днем.

«Привет», – окликает кто-то запыхавшимся голосом. Это Розанджела, одетая в накидку.
«Эй, откуда вы взялись?»

Она указывает себе за спину.

«Вы могли бы крикнуть, – говорю я. – Я бы подождал».

Из-за поворота выезжает грузовик, и мы поворачиваемся лицом к полям. Брызги бьют нам в спину, как дробинки.

«Вы смогли бы услышать меня сквозь это?»

«Верно подмечено».

Мы идем медленным шагом. Три паломника, одетые в желтые мешки для мусора вместо накидок, быстро проходят мимо нас. Розанджела машет рукой.

«Вы знаете, что особенного в этом Камино?» – спрашивает она.

Я демонстративно оглядываюсь по сторонам. «Погода?»

Она смеется. Дельфины дрожат под капюшоном ее накидки. «Мы ищем, все что-то ищем. Это делает нас немного безумными. Нужно быть сумасшедшим, чтобы отправиться в чужую страну и пройти пешком восемьсот километров, не правда ли?»

«Да уж, чокнутым».

«У нас может не быть ничего общего: вы из Нью-Йорка, я из Сан-Паулу, но в глубине души у нас есть одна общая черта – мы в поиске. Это нечто особенное, совершенно уникальное».

Мимо проезжает машина, включаются и выключаются фары. Своего рода приветствие. Или, может быть, «какого-черта-вы-дураки-делаете»? Троє паломников впереди уже превратились в маленькие пятнышки.

«Я тоже ищу, – тихо говорит Розанджела, глядя на поля. – Вы уже знаете».

Я киваю. Вчера вечером за ужином, когда разговор снова зашел о том, почему паломники оказались здесь, она без стеснения рассказала о разрыве своей помолвки и о разбитом сердце. Тонкие морщинки вдоль ее глаз пролегли не только от смеха.

«Мы, бразильцы, открытые люди, – сказала она нам. – Такова наша культура.

Бот почему я нахожусь на Камино. Мое сердце закрыто, и я хочу, чтобы оно открылось».

Это было незадолго до того, как я извинился и встал из-за стола.

«Мне трудно находиться вдали от своей семьи, – говорит она. – Но я знаю, что когда я вернусь, мне будет что дать своим близким. Я стану лучшим человеком, лучшей дочерью».

«Вы не кажетесь такой уж плохой. Не то чтобы я знал вас как дочь, конечно».

Это высказывание заставляет ее рассмеяться. Мне нравится, когда она смеется. Ее глаза моргают, дельфины танцуют и издают мягкий и музыкальный звук, в котором нет никакой фальши.

«Спасибо, – говорит она. – А в чем заключается ваш поиск?»

«Понятия не имею», – говорю я чуть-чуть поспешно.

Она наклоняет голову, наблюдая за мной. Мгновение длится долго. Капли дождя стучат по моей накидке.

«Вы поймете, – она поворачивается к дороге. – Что бы ни случилось, этот опыт не пройдет бесследно. Он должен оставить зарубки. Иначе и быть не может».

Некоторое время мы просто идем, потом видим указатели на Памплону, каждый из которых приближает нас к городу. Городу, где нас ждет кров, тепло, вино и, смею надеяться, испанский аналог куриного супа. Дождь стихает, затем прекращается. Мы снимаем накидки и вешаем их на рюкзаки. Она расстегивает молнию на куртке, встрихивает головой, с ее волос летят капли воды.

«Я хотела бы приехать в следующем году, – говорит она, – если бы не мое сердце».

«А что будет в следующем году?»

«Ну, когда вы пройдете по Камино, это сократит срок вашего пребывания в чистилище вдвое. Но если вы приедете в святой год – это будет в следующем году, – все ваши грехи будут прощены. Это особенное место, и люди приезжают сюда со всего мира».

«Я здесь всего на неделю, сделают ли мне скидку на четверть?»

Она снова смеется своим певучим смехом.

«Возможно, я и вернусь, – говорит она. – Мое сердце будет открыто. Когда вы влюбляетесь, разве это не всегда похоже на первый раз? Возможно, к тому времени я снова буду любить».

Я мог бы провести с этой женщиной весь день и прекрасно себя чувствовать, даже в мокрой одежде и с ноющей поясницей. Я улыбаюсь.

Шоссе петляет среди холмов, затем заходит в небольшой город с переполненными уличными кафе, бетонными офисными зданиями и пробками. Вскоре они уступают место каменному мосту и Памплоне.

Древние стены делают ее похожей на средневековую крепость, хотя в наши дни все, что они защищают, – это, как объясняет нам проходящий паломник, более семисот баров. Это дает городу право быть самостоятельной целью паломничества.

Мы идем по узкой улочке. Автомобили и скутеры лавируются между пешеходами. Мы проходим мимо продуктовых киосков, рынков, ресторанов и магазинов с запотевшими витринами. Запахи доносятся, видоизменяются и смешиваются. Оливки, колбасы, масла и специи.

«Почему на неделю? – спрашивает Розанджела, нарушая молчание. – Вы должны вернуться на свою работу?»

«Нет. Нет никакой особой причины».

«Но Камино – это такое особенное место, – говорит она. – Почему бы вам не дойти до конца?»

«Я как-то не думал об этом с такой точки зрения. Я просто не могу представить, как можно пересечь пешком целую страну. Я не вижу в этом смысла».

Она поджимает губы, вздыхает: «А какой смысл в этой... этой недельной прогулке?»

То, как она это произносит, заставляет меня сжать челюсть.

«Простите, – она нежно касается моей руки. – Я веду себя прямолинейно и....»

«Все в порядке». Долгая пауза. «Это показалось мне отличным предлогом сбежать оттуда, где я был. Мне кажется, я устал плыть по течению».

За затемненной витриной магазина висит свиной окорочок. Он выглядит таким одиночным. Вероятно, скучает по остальным трем ножкам.

«От чего вы бежите?»

Это застает меня врасплох. Я пожимаю плечами.

«От чего?» Ее лицо приблизилось. Капли дождя блестят на ее щеках. «Бегство или поиск – часто это одно и то же».

Мимо проезжают машины, но я их больше не слышу. Я вижу лишь слабый намек на свое отражение в ее карих глазах и говорю первое, что приходит на ум: «От воспоминаний».

Она моргает. На краткий миг мое отражение исчезает. Это возвращает меня из задумчивости.

«Ваше сердце, – тихо говорит она. Понимающий взгляд. – *Saudade*»²⁴.

«Что?»

«*Saudade*. Слово, которое существует только в португальском языке. Когда вы чувствуете *saudade*, к вам возвращаются все те переживания и чувства, которыми вы с кем-то делились».

«Хорошее слово, – я смотрю вперед. – Но я говорю не об этом».

«Ну что ж... – она кивает. – Я не удивлюсь, если увижу вас в Сантьяго. Камино становится частью тебя. Да, я это вижу. Это...»

«Я здесь пробыл всего два дня».

«Это неважно. Я вижу».

«Все, что я видел, – это дождь».

Она улыбается, но ничего не отвечает. Мы больше не заговариваем на эту тему.

Большинство коек в приюте уже занято. Поверх матрасов разложены спальные мешки, и все огромное помещение пахнет, как сохнущие носки. Мы находим две соседние пустые койки, ложимся отдохнуть и прислушиваемся к звукам города за окном, к тому, как люди, спотыкаясь, входят и выходят из семисот баров.

В конце концов мне становится скучно, и я отправляюсь исследовать знаменитую площадь Пласа-де-Торос – арену для корриды. За воротами установлена статуя Эрнеста Хемингуэя – писателя, который прославил этот город на весь мир. Он выглядит грустным, вроде того окорока.

«Я знаю, что ты чувствуешь, – я провожу рукой по его каменному плечу. – Двигаться определенно лучше, чем сидеть на месте».

Я вспоминаю ленивый день в Нью-Дели, когда я отдыхал в тетушkinом саду, писал в своем дневнике, задаваясь вопросом, как долго еще пробуду здесь, и каково это – наконец вернуться домой. Тихо звякнули браслеты. Я поднял взгляд. Тетя села на траву, подогнула ноги вбок и наклонилась ко мне. Уголки ее глаз были влажными.

«Он... – начала она, а потом заколебалась. – Ты был там... – ее рука коснулась моей. – Он страдал?»

Я выпрямился, и наши глаза встретились. Тонкая жилка на ее шее слегка дрогнула. До сих пор мне удавалось избегать разговоров о моем отце, но теперь меня осенило: он был не только моим отцом. Он был ее братом.

«У тебя красота твоей матери, – тихо сказала она, проводя пальцами по моей щеке, – и глаза твоего отца».

Худое тело на больничной койке, кожа как старые простыни, скелет, опустошенный раком костей, движущиеся глаза. Те же самые глаза, которые в детстве пугали меня своим пьяным гневом. Мне не нужны были его глаза.

«Нет, – сказал я, – с ним все было в порядке, он не сильно страдал».

Она долго и пристально смотрела на меня, и что-то в ее глазах изменилось. В любом случае я никогда не был хорошим лжецом. Ее лицо смягчилось, и она почти улыбнулась.

²⁴ Тоска – *порт.*

«Он бы гордился тобой, – она потянулась, взяла меня за руку, ее ладонь сжала мою. – Он очень сильно любил тебя».

Я открыл свой дневник и пролистал страницы. Он был почти полон.

Я слышал барабанный бой своего сердца у себя в ушах. Могла ли она почувствовать это по пульсации вен на моем запястье?

«Ты его ребенок». Я почувствовал, как ее хватка усилилась. «Ты был там? Ты заботился о нем?»

Я пожал плечами, сказал: «Немного» – и ощущил, как чувство вины в моем животе распустилось, словно цветок, и начало гноиться, наполнив меня жгучим жжением. Как я мог объяснить его сестре, что с тех пор, как мои родители развелись, когда мне было двенадцать, я отрезал его от своей жизни до самой его смерти и даже тогда не смог позволить себе сблизиться с ним?

Она вглядывалась в мое лицо, как будто там были ответы. Нарисованные на внутренней стороне моих губ, спрятанные за бровями, завернутые глубоко в складках ушей. Сокровище, которое, если бы она присмотрелась достаточно внимательно, появилось бы само собой. Почему умер ее брат? Насколько сильно он страдал? Почему его единственный ребенок отказывался говорить о нем? «Ты ищешь не в том месте, – подумал я. – Я закрыл крышку сундука со своими воспоминаниями. Здесь ты не найдешь ответов».

Тетя начала говорить, ее голос был низким и звучным, как будто она разговаривала сама с собой, вызывая воспоминания о брате, который умер на чужбине. Она говорила о вещах, которых я никогда не знал: они вдвоем – маленькие дети – купались в ручьях, набухших от муссонных дождей, бегали по манговым рощам, играли в прятки, ветер развевал их темные волосы, слезы смеха, она повязывала ему на запястье разноцветную нить – *ракхи*²⁵.

По ее словам, он всегда хотел стать певцом. Ему нравился ее домашний манговый чатни – она присыпала ему баночки на каждый день рождения. Когда ему было пятнадцать, его школьный друг погиб в автокатастрофе, и в течение нескольких месяцев после этого он ежедневно ходил пешком до дома его родителей – по три мили в каждую сторону – и утешал их.

Тихо, вкрадчиво, словно спохватившись, она упомянула, как он защищал ее, когда отец избивал их. Это потрясло меня. Мой отец, мой дед – все эти поколения людей, которые предшествовали мне, все они совершали одни и те же ошибки. Тетя внимательно наблюдала за мной.

«Он был хорошим человеком, – сказала она. – Глубоко внутри – хорошим человеком».

Я не ответил. Не кивнул головой. Ничего.

У края садовой стены в маленьком пруду среди сухих листьев рос белый лотос. Поднялся ветерок, пруд покрылся рябью, и листья закружились спиралью вокруг цветка. Затем тетя заговорила о вещах, которые я уже знал, некоторые – лучше, чем она: как мой отец уехал из Индии с мечтами о благополучной жизни, скопил достаточно денег, чтобы через два года привезти мою мать. Он руководил компанией по экспорт-импорту, пока бизнес не обанкротился, когда мне было три года. Говорила обо всех тех работах, за которые он брался, а потом не смог выполнять. Она упомянула мою мать – сказала, что понимает, почему мы ушли от моего отца.

«Как она?» – спросила она.

«Прекрасно, – сказал я. – Я звонил ей вчера. Она беспокоится обо мне, как обычно. Она шлет тебе привет».

Она кивнула. «Ему следовало остаться здесь, среди своих, – она с трудом сглотнула. – Он бы не стал пить. Не здесь».

²⁵ Ракхи – у индийцев священная нить, которую сестра повязывает брату вокруг запястья в знак своей любви (*прим. пер.*).

«Уже ничего не изменишь», – хотелось мне сказать. Человек, которого я знал, пил и избивал свою жену и сына. И даже когда рак убивал его, я не мог расстаться с прошлым. Теперь он мертв. Мертв. Мертв. Мертв. Ничего не изменишь.

Я встал, но она схватила меня за руку.

«Он всегда хотел, чтобы ты увидел Индию».

«Правда?» – спросил я. Это меня удивило.

«Да. Разве ты не знал?»

Я покачал головой. Если бы он попросил меня посмотреть страну, где он родился, я бы отказался. Но привезя сюда его прах, а затем побродив по окрестностям, я именно это и сделал. Может быть, он и положил начало этому путешествию, но остальное – только мое дело.

Мигают уличные фонари, очерчивая профиль Хемингуэя, отчего он выглядит еще печальнее, чем раньше. Я брошу по Памплоне, прохожу мимо закрытого туристического офиса, сажусь на скамейку на главной площади. Истории, рассказанные Хемингуэем, жизнь, которой он жил, – все это закончилось нажатием пальца на спусковой крючок. Что еще он мог сделать, если бы отложил дробовик и вернулся в постель? Чему бы он научился в тот момент, когда сделал выбор в пользу жизни, какие еще книги написал бы?

Тем временем мой отец цеплялся за жизнь, доверяя врачам, химиотерапии и облучению, и все это время рак, словно рой термитов, пожирал его тело, пока он спал. Даже в ту последнюю ночь, когда его органы медленно отказывали и он не мог ни говорить, ни слышать, – он держался, пока я не добрался до больницы. Почему? Что заставляет одного человека – совершенно одинокого, в чужой стране – держаться, в то время как другой, с его славой, достижениями и почестями, выбирает иной путь?

Деревянные рейки холодят мне спину сквозь футболку. Внезапно я ощущаю усталость от бесцельного скитания, которая накапливалась в течение нескольких месяцев. Вопросы следуют за вопросами, но ответов нет. Это больше не может продолжаться.

Я возвращаюсь в пустой приют: все ушли ужинать. Идеально. Время побыть одному. Я делаю несколько отжиманий, затем принимаю долгий и восхитительно горячий душ. Обернув полотенце вокруг пояса, не ожидая встретить никого поблизости, я выхожу из ванной, а там она – Розанджела – лежит на своей койке, ест бутерброд и что-то пишет в дневнике.

Я чувствую на себе ее взгляд. Она спохватывается и начинает быстро строчить. Я беспечно подхожу к своей койке и накидываю одежду. Затем приходит время поужинать твердым сыром и хлебом, купленными в Ларрасонье. Это не куриный суп, но, по крайней мере, я сижу в тепле и чистоте.

Раздается звон церковного колокола, глубокий и гулкий. Розанджела лежит на животе, согнув колени, босые ступни обращены к потолку. Она листает свой дневник. Верхний свет отбрасывает тени вокруг нас.

«О чём вы пишете?» – спрашиваю я.

«О первых паломниках, о том, как они страдали, – она указывает ручкой на мокрые накидки и рюкзаки, выстроившиеся вдоль стены. – У них этого не было. Вы знаете, что они несли? Посох, бутыль из тыквы и раковину морского гребешка. И свою веру. Когда поход кончался, они расходились обратно по своим домам».

Безумие. И все же у них была цель, к которой они шли. Никому не пришлося придумывать себе причину идти, по мере того как они продвигались вперед.

«Это смиряет, – говорит она. – У них было так мало, у нас так много. Тем не менее мы идем по их стопам».

Я сажусь, свесив ноги на пол.

«Они ведь просто шли на запад, да?»

«Многие были ограблены. Некоторые – избиты и убиты. Но они оставили свой след».

«Безумие, – тихо говорю я. – Потрясающее».

«Да, – говорит она. – Теперь наша очередь».
Направление, цель. Что они нашли?
Она громко стучит ручкой по дневнику, улыбается мне.
«Ваша очередь».
Я ухмыляюсь: «Мечтайте дальше».
Она смеется: «Посмотрим, мой паломник. Посмотрим».

День четвертый

На краю грунтовой тропы я ем яблоко на завтрак, наблюдая за восходом солнца. Оно уже высоко, среди холмов, а далеко внизу река извивается среди полей. Дневной свет разливается по дну долины, проходит через деревню, окрашивает дома и церковные шпили в ярко-оранжевый цвет, взирается вверх по склону холма. Река искрится.

Я писал в своем дневнике, сидя в уличном кафе в этой деревне, когда заметил женщину, пьющую из бокала белое вино за нашим общим столом. Пятидесяти с небольшим лет, лицо слегка загорелое; волнистые каштановые волосы до плеч, седеющие на висках; резкие морщины вокруг глаз и губ. Ее ботинки были грязными, а глаза темно-синими.

Она нежно поцеловала тыльную сторону своей ладони. Я не смог отвести глаз, и она заметила меня.

«Приятно с вами познакомиться», – сказала она. У нее красивый французский акцент, а ее голос тих, как шепот.

Я выдавил из себя смущенное «Здравствуйте».

«Я делаю это ежедневно, – сказала она. – В основном по утрам, когда просыпаюсь».

«Могу я спросить зачем?»

«Это значит дарить себе любовь. Все равно что любить ребенка. Чистая любовь».

Я уставился на нее.

«Попробуйте, – сказала она. – Это изменит вашу жизнь».

«Я не думаю, что жизнь так проста», – сказал я.

Она засмеялась надо мной.

«Вы даже не представляете, – сказала она, качая головой. – Вы даже не представляете».

Она медленно развернула свой шарф, отложила его в сторону и посмотрела на меня со спокойной силой. Поперек ее горла виднелись длинные острые шрамы, похожие на порезы. Она увидела выражение моего лица.

«Рак».

Я с трудом сглотнул: «Мне жаль».

К моему удивлению, она улыбнулась: «Нет, что вы. Он подарил мне мою жизнь».

«Вашу жизнь?»

«Он дал мне знак. Жить».

Затем она сделала еще глоток белого вина и рассказала мне свою историю.

«Десять лет назад, – начала она, – мне сказали, что я скоро умру».

Преуспевающая юрист, жившая на одной из самых дорогих улиц Парижа, она была вынуждена наблюдать за своей жизнью с яростью человека, который знает, что времени осталось не так уж много.

«Большую часть своей жизни, – сказала она, – я была своим злейшим врагом. Тогда рак преподнес мне подарок в виде вопроса. Возможно, вам он покажется слишком простым».

Она замолчала и усмехнулась.

«Вы хотели бы его услышать?»

«Еще бы».

«Так вот: “Если бы я любила себя, что бы я сделала?”».

«Вы правы, – сказал я. – Это простой вопрос».

«Обратите внимание, что в вопросе есть “если”. Это совершенно не предполагает, что так оно и есть. Просто “если”. Так что я могла спрашивать, независимо от того, было ли мне больно, смеялась я или плакала. Просто “если”».

Она сделала большой глоток.

«Я спрашивала, и спрашивала, и спрашивала, и это позволило мне избавиться от всего того, что меня сдерживало. Мне не пришлось ничего делать. Просто ответить на один вопрос».

Она оставила свою карьеру, отдалилась от людей, избавилась от имущества. Все, что, по ее ощущениям, ей мешало, исчезло из ее жизни.

«Я больше не выбирала друзей по их статусу. Я начала окружать себя людьми, которые делали меня счастливой. Любой мой выбор, начиная с того, чем мне пытаться и что пить, и заканчивая тем, где мне поселиться, – определялся ответом на один лишь вопрос. Я верю, что все мы связаны, так что это было благом и для всех, кто меня окружал».

«Волновой эффект, – сказал я. – Когда вы бросаете камень в пруд, рябь распространяется далеко за пределы первоначального удара».

Теперь она управляла приютом для бездомных в Париже и совершила поход по Камино, чтобы воздать должное своей жизни. За десять лет она перенесла тринадцать операций и знала, что может умереть в любой момент. Рак все еще таился, как старый детский страх, отказываясь отпускать ее. Но та же самая болезнь, которая грозила ей смертью, подарила ей свободу.

«Не имеет значения, умру ли я через два месяца, – сказала она, допивая свое вино. – Важно то, что последние десять лет я жила так, как хотела».

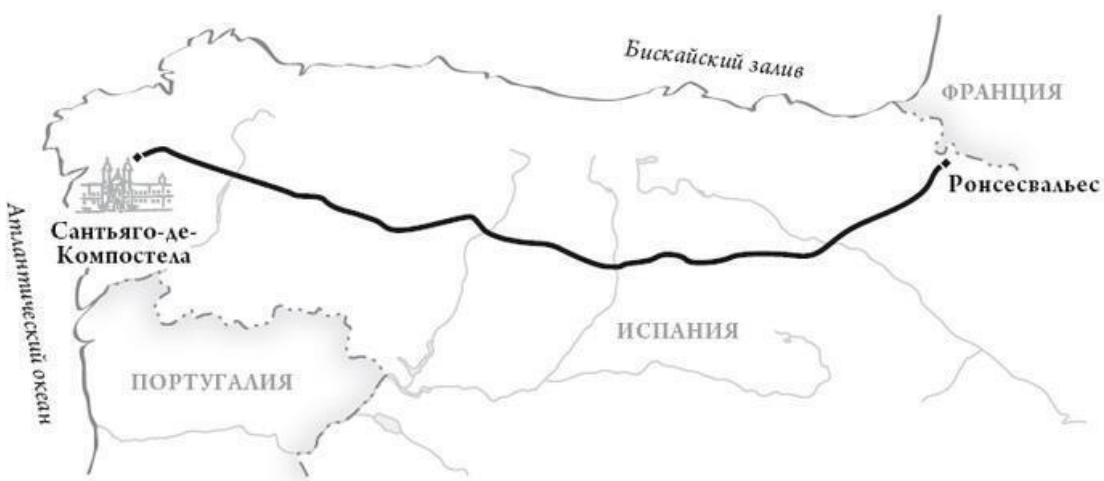
Ее слова преследуют меня и день спустя. Солнечный свет пробивается сквозь облака, заставляя отдельные части деревни светиться.

«Сегодня, – сказала она, когда мы расставались, – я – свой самый лучший друг».

«Вопрос стал вашей желтой стрелкой», – сказал я. Это так обрадовало ее, что она крепко обняла меня.

Я разминаю шею, надеваю рюкзак, затягиваю лямки. Впереди тропа резко взбирается на холм, где на гребне возвышается ряд высоких белых ветряных мельниц. Лопасти медленно врачаются. Я чувствую себя Дон Кихотом, только без Санчо, лошади и копья.

Поднимается ветерок, ерошит мои волосы. *Cafuné*²⁶ – еще одно слово, которому научила меня Розанджела, – по-бразильски означает нежно проводить пальцами по чьим-то волосам. «*Cafuné*», – говорю я ветру и знаю, о ком я думаю. Мне нужно сделать телефонный звонок.

²⁶ Нежно почесывать, поглаживать – *porm*.

День пятый

В городе Логроньо я нахожу телефонную будку и протискиваюсь в нее со своим рюкзаком через складную стеклянную дверь. Уже середина дня, и туманные белые облака скрывают солнце. Сью сейчас, должно быть, спит, но я хочу сказать ей, что возвращаюсь, что я настоящий паломник. Это рассмешит ее.

Я набираю цифры. Щелчок, серия звуковых сигналов, пауза, затем раздается телефонный гудок. Один гудок. Два гудка. Три. На меня внезапно нахлынули воспоминания и чувства: как она спала рядом со мной, прижав руки к лицу, тихо дыша. Иногда я просыпался и обнаруживал, что она наблюдает за мной. Она улыбалась и говорила: «Ты спиши так тихо, как младенец», а потом нежно целовала мой лоб, мои скулы, мои глаза, мои губы. Закончив, она прижалась ко мне и клала голову мне на грудь. Я крепко обнимал ее, и мы засыпали.

Saudade. Она берет трубку после пятого гудка.

«Привет, это я».

После стольких месяцев это мое монументальное приветствие. Наступает неловкий момент молчания.

«О, привет. Где ты?»

«В Испании. Я совершаю паломничество».

На заднем плане, из приемника, по кабелям, проложенным глубоко под Атлантикой, по телефонным линиям, змеящимся под улицами Манхэттена, доносится приглушенный мужской голос. Кровать скрипит. Он кутается в пуховое одеяло, которое всего несколько месяцев назад касалось моей кожи. Она знает, что я его слышал. Тишина.

«Подожди», – говорит она почти шепотом.

Ноги шаркают по голому полу. Дверь со скрипом открывается, затем закрывается. Я вижу, как она хватает телефон, проходит через гостиную, садится на диван, откидывает голову на подушку, убирает волосы с лица. Это легко себе представить. Мы прожили вместе один месяц, встречались – пять. «Мы друзья, – говорил я. – Близкие друзья. Больше, чем друзья». «Тебе повезло, что ты такой красавчик, – отвечала она, – иначе это ни за что не сошло бы тебе с рук». Я скучаю по ее смеху. Я так много всего могу себе представить. Что могло бы случиться, если бы я вернулся домой прямо с Ганга? В дом, наш дом. Или это теперь ее и как-там-его-зовут дом? Может быть, у меня больше нет дома. У меня пересыхает во рту.

«Ты в порядке?» – снова ее голос.

«Я не знаю».

Она делает паузу, затем глубоко вздыхает: «Ладно. Ты должен знать».

«Знать что?» – говорю я громким голосом.

«Прекрати. Даже не начинай. Ты бросил меня».

Правда – это пощечина.

«Черт».

«Ты исчез».

«Я прошел через многое и я бы не стал втягивать в это ни тебя, ни кого-либо еще».

«В этом-то и проблема, Амит».

Когда она это произносит, ее голос звучит печально и покорно. Каким же я был идиотом, пытаясь думать за нее, когда даже сам не знал, чего хочу. Мне хочется биться головой о стекло.

«Хорошо, что ты позвонил, – говорит она. – Мне нужно кое-что сказать тебе».

Я качаю головой. Мне трудно говорить.

«За три месяца ты позвонил один раз, Амит. И только для того, чтобы сказать, что ты не вернешься еще какое-то время. Я повесила трубку и спросила себя: “Что со мной не так? Почему он не возвращается ко мне? Или не попросит меня приехать к нему?” Я бы так и

сделала, ты же знаешь. Дурачок. И я спрашивала себя до тех пор, пока что-то внутри меня не сломалось. Сломалось, Amit. Окончательно».

«О боже, – вырывается у меня. – Прости».

«Я сломалась, Amit. Я достигла дна, и это было лучшее, что когда-либо случалось со мной. Знаешь почему? Потому что я забыла о своей собственной ценности».

Она молчит, давая мне возможность осознать это. Затем ее голос понижается.

«Ты остаешься самим собой. Это не имеет ко мне никакого отношения. К тому, кем я была для тебя. Никем. А потом я встретила Пола. Он стал для меня тем, кем ты отказался становиться. Я люблю тебя, но ты...»

«Прости».

«Послушай», – говорит она, шмыгая носом. Вот тогда-то я и замечаю, что мои щеки намокли.

«Мне очень жаль», – говорю я.

«Послушай».

«Прости», – я практически рыдаю.

«Послушай меня».

Я беру себя в руки. Я просто говорю себе: стоп. «Ладно».

Ее голос снова смягчается:

«Хочешь знать, что хорошего в том, чтобы достичь дна?»

«Скажи мне».

«Есть только один способ подняться оттуда».

«Через люк?»

Она вздыхает: «Ох, Amit, вечно ты со своими шутками».

Я думал, что ей это во мне нравится.

«Оттуда дорога только наверх, – говорит она. – Ты можешь взлететь, как феникс. Но ты должен этого захотеть».

Что, если бы я вернулся домой? Что, если бы я просто позвонил и все ей рассказал?

«Я стала лучше, стала сильнее. Полагаю, благодаря твоему исчезновению».

«Всегда к твоим услугам». Даже сейчас я ничего не могу с собой поделать.

«Остряк».

Я думаю о чем-нибудь еще более язвительном, но одергиваю себя. Мы оба долго молчим.

«Ты никогда не узнаешь, как сильно я беспокоилась о тебе, – тихо говорит она. – Все эти ночи».

В этот момент я вижу, как мимо – словно колода карт – проходят мои бывшие подружки: шлеп-шлеп-шлеп. К тем, кто вытикал об меня ноги, я относился хорошо. С теми, кто был добр со мной, я вел себя как козел. О боже. Поиските слово «идиот» в энциклопедии, и вы найдете рядом с ним мою улыбающуюся физиономию.

«Ты все еще кое-что значишь для меня и всегда будешь значить».

Идиот. Идиот. Я чувствую, что меня сейчас вырвет.

«Прости», – повторяю я.

«Все в порядке, – говорит она. – У меня все хорошо. Это все в прошлом».

Прошлое. Я ненавижу прошлое. У меня вырывается единственный вопрос, на который я не хочу получать ответа.

«Ты счастлива?»

«У меня все хорошо».

Снаружи кабинки ветерок теребит кленовые листья на тротуаре. Опавшие листья поднимаются в воздух, кружатся все быстрее и быстрее, затем разлетаются в стороны, расплзаясь по улице.

«Ты счастлива?» – спрашиваю я снова.

«Да. А ты?»

«Я не знаю... Иногда, когда я иду по этим тропам, я чувствую себя лучше. Путешествие по разным странам, знаешь ли, выводит меня за пределы самого себя».

Поскольку я больше ничего не говорю, она рассказывает мне об урагане, пронесшемся через город на север штата Нью-Йорк. «Ветер дул со скоростью девяносто миль в час, – говорит она. – Власти даже объявили чрезвычайное положение». Она диктор новостей, зачитывающая заголовки в разгар шторма.

Я страстно желаю протянуть руку через расстояние, коснуться ее нежных пальцев, ее темных волос, мягкой внутренней стороны ее локтей, округлости ее грудей. Что-то внутри начинает болеть.

«Прости меня, – я как чертова заезженная пластинка. – Я хочу объяснить, – я делаю глубокий вдох. – Я не знаю, что я делаю. Я просто знаю, что не смог бы вернуться, что-то со мной было не так. И я подумал, что если буду бежать достаточно быстро, то сожгу все дотла».

«Ох, Амит, – тихо произносит она. – Я знаю, что с тобой не так».

«Держу пари».

«Не в этом смысле, глупышка. Что с тобой сейчас не так».

По сравнению с тем, что было раньше? Должно быть, я заслужил услышать это.

«Ты достиг дна, когда умер твой отец, – говорит она. – Ты просто не хочешь этого признавать».

Она ждет, пока я проникнусь. Если это было дно, то только что я опустился еще глубже. По-видимому, дно имеет уровни.

Затем, через тысячи миль между нами, я вновь слышу ее.

«Верил ли ты мне, когда мы были вместе? Что я была бы рядом, несмотря ни на что? Ты... верил... мне?»

Она была рядом, когда мне позвонили и сказали, что мой отец вряд ли доживет до вечера. Она обнимала меня – нежно, как будто я был хрупким. Как будто, если бы она отпустила меня, я бы разбился вдребезги.

«А как насчет этого – как-там-его-зовут?»

«Пола?»

«Без разницы».

«Ты не ответил».

«Это не имеет значения, – говорю я. – Люди все время предают. Они причиняют друг другу боль, сбегают, исчезают, умирают. Я не могу вернуться ко всему этому, – я качаю головой в кабинке, – не сейчас».

В телефоне раздается треск.

«Ты это слышал?» – спрашивает она.

«Что это за звук?»

«Снаружи сверкают молнии и гремит гром. Мне скоро нужно будет идти».

Я слышу только приглушенное эхо в своей голове.

«Хорошо».

«Еще кое-что, – говорит она. – Скажи мне хоть что-нибудь приятное».

Ее повадка. Если я становился ворчливым, она начинала меня донимать, и после того, как я наконец делился своей проблемой, я всегда чувствовал себя лучше. Делает ли она так сейчас с ним? Может, он никогда не ворчит.

Пожелтевший лист прилипает к стеклу, прожилки на нем похожи на вытянутую ладонь. Я думаю о том, как иду по расстилающимся вокруг полям, провожу руками по стеблям пшеницы, слушаю их шелест, вдыхаю их запах.

«Знаешь, в этом походе, – говорю я, – были моменты, когда я просто переставал думать, и мне казалось, что все будет хорошо».

«Ух ты, – говорит она, – звучит неплохо».

«Люди, которые меня здесь окружают, кажутся сумасшедшими. *Bona fide*. Но они мне нравятся».

«Я рада, что ты это испытываешь, – говорит она шепотом. – Правда, рада. Тебе это нужно».

Меня так и подмывает выпалить: «Ты мне тоже нужна», но я сдерживаюсь. Мы оба молчим, кажется, целую вечность.

Я слышу тихий голос: «Позвони мне, когда будешь возвращаться домой».

«Домой? – я издал саркастический смешок. – Мои вещи все еще у тебя дома?»

«Они в камере хранения».

«Ну разумеется, – говорю я, а затем во мне поднимается подспудный гнев. – Не плати за хранение. Пусть их выбросят. Мне все равно».

Я злюсь на себя самого. Идиот. Чертов напыщенный идиот.

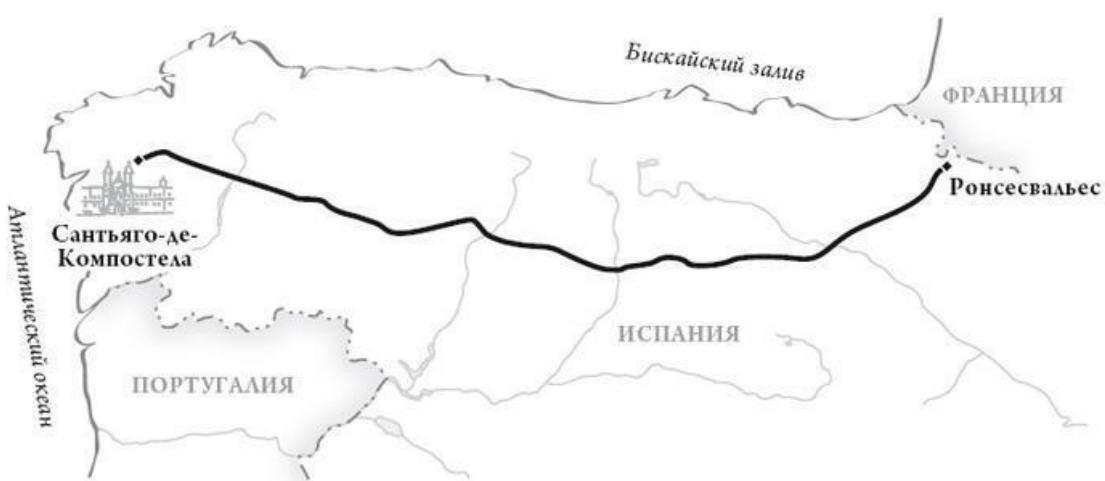
«Прости. Я не знаю, когда вернусь».

«Я оплатила вперед». Ее голос звучит напряженно.

«Спасибо».

«Пока».

И я остаюсь один.

День шестой

Утром, убедившись, что все ушли, я иду в ванную. После того как ею воспользовались более тридцати паломников, там грязно, а на полу царит беспорядок. Повсюду мокрые следы. Горячая вода закончилась, и я быстро принимаю холодный душ.

На улице стаи ворон – нижняя часть их крыльев темнеет на солнце – сидят на линии электропередач, арках, крышах. Я пересекаю мост на окраине города и оглядываюсь через реку на ряды домов, окна, веревки с развешанным бельем. Это помогает мне определить хоть какое-то направление, в котором нужно двигаться, когда голова не хочет думать.

Остаток дня я иду один – в основном по двухполосной дороге через города, которые становятся все больше. Когда я добираюсь до небольшого города, мне требуется больше часа, чтобы пройти по мощеным улочкам, которые переходят в асфальтированные дороги и петляют мимо жилых кварталов, детей, шумно играющих в парках, уличных киосков со свежими продуктами, и, наконец, я оказываюсь у входа в собор.

Войдя внутрь – а это церковь с огромными арочными колоннами, высоким куполообразным потолком, свечами и витражами, через которые струятся пучки синего, красного и желтого света, – я на мгновение испытываю благоговение. Из-за этой атмосферы мне почти хочется стать верующим. Я сажусь на деревянную скамью, закрываю глаза и отдыхаю.

«Я не хочу молиться тебе, – тихо говорю я. – Это не молитва».

Люди приходят и уходят. Эхом раздаются шаги. Кашель.

«Но если там что-то есть, если ты слышишь меня, просто сделай так, чтобы все стало лучше. Это все, чего я хочу».

В этот момент я понимаю, что не прошу вернуть Сью. Если бы это случилось, я бы все равно все испортил. Все, чего я хочу, – это чтобы боль ушла.

«Пожалуйста, – шепчу я, – не позволяй мне оставаться на дне».

Когда я выхожу из дверей и шурюсь на солнце, реальный мир с его нищими и туристами за воротами шокирует меня.

Я иду в дальний конец площади, подальше от толпы, и сажусь на пустую скамейку. Позади меня какой-то человек расслабленно сидит на складном стуле у стены. Бумбокс у его ног играет нежную фортепианную музыку.

Мимо, смеясь, проходит группа паломников. Их легко опознать: загорелые, в сандалиях и шлепанцах после длинного дневного перехода, с бледными лодыжками, не тронутыми солнцем из-за ботинок и носков, некоторые прихрамывают из-за волдырей. Вечернее уличное движение и шум из близлежащих кафе становятся громче.

Я оглядываюсь назад. У бездомного растрепанные каштановые волосы, на лице – седая щетина. Он мягко двигает руками в воздухе в такт музыке.

«Немного холодно», – говорю я. Прошло меньше недели, а я почтиправляюсь с базовым испанским.

Он опускает руки на колени. «Привет».

«Тепло?»

Он стучит по тележке для покупок слева от себя. Она набита одеялами и спальными мешками.

«У меня есть одеяла», – говорит он.

Я подхожу и пожимаю ему руку. На ощупь она грубая, мозолистая. На ней видны черные разводы, похожие на жирные пятна.

«Полицейские, – говорит он, – они позволяют мне ночевать здесь. Они знают меня много лет».

Я киваю на переполненную площадь: «Здесь лучше, чем там».

«Днем жарко, – говорит он, натягивая на ноги блестящий зеленый спальный мешок, – а ночью холодно. Прошлой ночью дул сильный ветер».

Он указывает на две маленькие металлические решетки, вделанные в тротуар.

«Я там спал, – говорит он. – Я спал там, и там было тепло».

Я бросаю несколько монет в пустую чашку, которая стоит на бумбоксе: «Не замерзни».

«Да благословит тебя Бог», – говорит он, улыбаясь.

Я иду в кафе и заказываю сэндвич. Пока я ем, у меня появляется идея. Я покупаю еще один, прошу официанта завернуть его и возвращаюсь на площадь.

Музыка эхом отдается под навесом: фортепиано со струнными. Вальс Чайковского. Я чувствую, как слезы подступают к глазам, но сдерживаюсь. Протягиваю бездомному сэндвич.

Он разворачивает газету и медленно поднимает взгляд на меня.

«Спасибо, – говорит он. – Ты идешь в Сантьяго?»

«Да», – вру я. Нет необходимости вдаваться в подробности.

«Где твой дом?»

«Я из Нью-Йорка».

Он откусывает бутерброд. «Ну и как ты?» – спрашивает он, жуя.

«Паршиво, – говорю я. – Пытаюсь сделать так, чтобы стало лучше».

«Все так говорят».

Я поворачиваюсь, чтобы уйти: «Пусть тебе будет тепло».

Он поднимает руку ладонью вверх: «Прощай, паломник из Нью-Йорка».

За его рукой я вижу две металлические решетки. Я ухожу, все еще чувствуя себя паршиво. Но уже чуть меньше.

Вместо того чтобы отправиться в местный приют, я провожу ночь в *pensión*²⁷. Это просто дополнительная комната в квартире на верхнем этаже с балконом, с которого открывается вид на шпили собора. Это пробивает брешь в моем бюджете, но мне все равно. Еще один день – и больше никаких паломников и их храпа.

Я беру на кухне бутылку виски, наливаю его в самый высокий из имеющихся стаканов, затем сажусь на балконе. Крепкое спиртное напоминает мне о моем отце, его запахе, гневе. Но прямо сейчас мне просто все равно. Чем быстрее я оцепенею, тем лучше. Я делаю большой глоток и взбалтываю виски во рту, прежде чем проглотить. Мои губы покалывает.

Каким же ослом я был. Пока я скитался все это время, Сью страдала в одиночестве, опускаясь на дно. Из-за меня. Ей будет лучше без меня. Я раз за разом повторяю одно и то же, корю себя и, когда уже больше не могу себя выносить, вспоминаю француженку и то, как она смеялась надо мной.

Терять нечего: я целую тыльную сторону своей ладони. Затем я снова целую ее. В третий раз – как будто осмысленно.

Я не то чтобы прыгаю от радости, но это меня трогает. Возможно, в этом что-то есть.

«Ладно, – говорю я вслух, – Если бы я любил себя, что бы я сделал?»

Перед моим взором проносится монах из Дхарамсалы. Его улыбка.

«Скажи “да”».

«Эй, – говорю я, затем слегка смеюсь. – Чему? Этому?»

«Скажи “да”».

«Если бы я любил себя...?»

«Скажи “да”».

²⁷ Пансион – испн.

Мне некуда возвращаться; у меня больше нет девушки; мне хочется бежать подальше от вида больницы, от всей этой смерти. Что, очевидно, ставит крест на моем стремлении стать врачом. Хорош бы я был на собеседовании в медицинском колледже.

Я помешиваю мизинцем лед в стакане. Шпили собора – темные тени в ночи. Я мог бы поехать куда-нибудь еще, сидеть на пляже и пить, пока у меня не кончатся деньги. Или поехать домой.

«Домой», – произношу я вслух с преувеличенной интонацией.

Поехать домой, купить оружие, найти Сью и застрелиться у нее на глазах.

«Разве это не было бы забавно? – говорю я. – Выстрел».

Он стоит молча, вытянув руку ладонью вверх, в другой – четки.

«Нет никакого “да”, а?» – я насмехаюсь над ним. Я насмехаюсь над настоящим монахом.

Я пью большими глотками. Все, что я сжигаю в своем организме, постепенно уменьшается.

«Скажи “да”», – улыбается он.

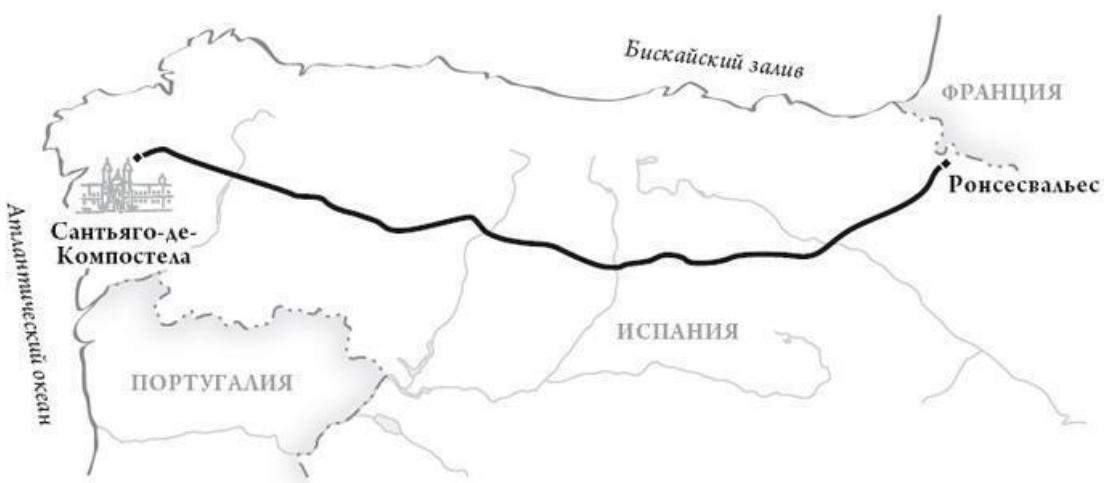
«Тебе легко говорить, – бормочу я. – Ты все бросил».

Потом я понимаю, что сам в некотором роде сделал то же самое.

«Скажи “да”».

Я смотрю на тыльную сторону своей ладони.

«Я подумаю об этом».

День седьмой

Держа стаканы в руках, мы с Лоиком сидим на ступеньках перед приютом. Громко щебечут птицы. Нижние слои облаков окрашиваются в фиолетовый цвет в лучах заходящего солнца. Я делаю глоток виски. По мере того, как мы продвигаемся вдоль Камино, встречается все больше и больше баров по соседству с приютами. Совпадение?

«Слушай, Лоик, – говорю я, чокаясь бокалами, – а я думал, французы любят только вино».

«Ну, нам многое нравится».

«Что еще французы любят, кроме вина?»

Он медленно улыбается: «Женщин».

Несмотря на мое настроение, мне нравится этот парень.

«Я имею в виду – в стакане».

«Ах да, еще мы очень любим виски. Но, к сожалению, оно английское».

Я усмехаюсь, вспоминая, как он сказал мне, что французы согласились на Чаннел²⁸, чтобы наконец-то окультурить англичан. Мы смотрим на закат. Дети пинают футбольный мяч через улицу, останавливаясь, когда мимо проезжает машина. Они кричат друг на друга и бегают взад и вперед, размахивая руками. К тому времени, как наши стаканы почти опустеют, мне нужно выговориться.

«Вчера я разговаривал с подругой, – говорю я. – Она думает, что я достиг дна».

Он поворачивается, и на его лице появляется озабоченное выражение. Я хватаю его за запястье. Он пристально смотрит на меня, затем похлопывает по плечу.

«*Oui*. Я не буду давить».

Я отпускаю его запястье: «Прости».

«Ничего страшного, *ton ami*». Долгая пауза. «Могу я кое-чем поделиться с тобой?»

Я пожимаю плечами: давай.

«*Félicitations*²⁹, – он действительно протягивает руку и сильно сжимает мою ладонь. – Поздравляю».

Если бы у меня во рту было хоть немного виски, я бы выплюнул его от удивления.

«В своей жизни я знал нескольких великих мужчин и женщин, – говорит он. – Все без исключения стали великими после того, как они, как ты говоришь, достигли дна. Как будто впервые в жизни им открылось, кто они такие. Из чего они сделаны».

Он долго молчит.

«Книга Иова, – говорит он наконец. – “Чего я боялся, то и пришло ко мне”».

«Хорошо, что ты не религиозен».

Он смеется: «Хорошо. Иначе я был бы опасным человеком».

Я поднимаю руку в воображаемом тосте.

«Есть еще кое-что, – говорит он. – Я пережил свое собственное падение. Что это было, в данный момент не имеет значения. Но я… я восстал из пепла».

Пепел. Дно. Феникс. Сью.

«Я отбросил то, что не было мной. Я стал самим собой. Это, пожалуй, лучшее, что произошло в моей жизни».

Он встает, хлопает меня по плечу.

«Но я далек от того, чтобы быть великим человеком».

Я держу его за руку. «Ты не так уж плох».

²⁸ Chunnel – название тоннеля под Ла-Маншем, который соединяет Францию с Великобританией (*прим. пер.*).

²⁹ Поздравления – *фр.*

Он улыбается, затем уходит в свой отель. Вечер становится темно-синим. Виски подействовало довольно благотворно, и мне приятно побывать одному, в тишине. Единственная проблема: чем больше ты этого хочешь, тем больше людей тебе мешают. Два паломника подходят и садятся рядом со мной.

Один из них – немецкий архитектор из Шварцвальда. Довольно приятный парень. Другой – Ник – шотландский паломник примерно моего возраста, который меня мало интересует. Я встретил его в предыдущем приюте и сделал ошибку, назвав его англичанином. В тот вечер мне пришлось выслушать веселенькую лекцию по истории Шотландии.

Это закончилось обсуждением волынки, на которой, по его словам, он играл, и я сказал ему, что она звучит так, словно овцу забивают до смерти. После такого лучшими друзьями нас не назовешь.

Пока они болтают без умолку, я допиваю оставшееся виски и перестаю обращать на них внимание.

«Я забыл вас спросить, – говорит мне немец. – Что вы думаете об Игнасио?»

«О ком?»

«Ну этот, – говорит Ник. – Сумасшедший художник».

«Сумасшедший кто?»

«Игнасио, – говорит немец, придвигаясь ближе. – Вы хотите сказать, что пропустили его?»

Я чувствую себя в ловушке. Ник вытягивает свои длинные ноги, скрещивает и разгибает их. Я бы хотел, чтобы он перестал двигаться.

«О, – говорит Ник, – ты будешь ненавидеть себя за это».

Затем они начинают говорить – больше друг с другом, чем со мной. Из того, что я могу разобрать, я узнаю, что сегодня днем они проходили знак, указывающий на некий дом. Он был явно предназначен для паломников. В итоге они последовали, куда он указывал, и оттуда вышел человек дикого вида, пригласил их и налил им вина в золотые кубки.

С болью в сердце я вспоминаю знак с изображением раковины морского гребешка. Он был прибит гвоздями к дереву, но когда я проходил мимо него, то был слишком занят жалостью к себе, чтобы обратить на него внимание.

«Мы опьяняли от вина, – говорит немец, похлопывая меня по руке, чтобы убедиться, что я слушаю. – Затем он попросил нас закрыть глаза. Он хороший парень. Я доверился ему. Он надел нам на шеи кресты. Он вырезал их сам».

Ник обхватывает себя за шею обеими руками. «Он дернул за веревочку, как будто душил меня, но я услышал, как он смеется, сумасшедший придурок, и когда я открыл глаза, то увидел крест».

«Он щедрый человек, – говорит немец. – Он не позволил бы нам ничего дать взамен. Его кресты знамениты на Камино».

От того, что я пытаюсь уследить за их разговором, у меня кружится голова. Я пытаюсь встать, но замечаю, что Ник достает из кармана крест. Я сажусь. Крест толстый, размером примерно с мою ладонь, и вырезан из темного дуба. Архитектор вытаскивает свой. Каждый из них уникален и повторяет естественные изгибы дерева.

Ник снова начинает тараторить. Когда немец присоединяется, я выясняю остальное. Игнасио устроил им экскурсию по своей студии. В ней было полно скульптур, сделанных из металла, дерева, зеркал. У него в столовой даже висел оригинал картины Пикассо.

«Все с ним встречались, – Ник указывает на приют позади нас. – Можешь спросить их. Жаль, что ты все пропустил».

Он убирает крест. Я просто хочу, чтобы этот день закончился.

Ужин подают в небольшом зале на цокольном этаже бара. Паломники сидят за длинным столом, громко разговаривая и смеясь. На их шеях висят деревянные кресты. У всех, кроме

меня. Я молчу, двигая еду вилкой по тарелке. В основном я пью вино, а когда больше не могу этого выносить, беру бокал и бутылку и выхожу на прохладный ночной воздух.

Парковка у бара пуста. Я сажусь у стены на асфальт и быстро выпиваю стакан, чтобы согреться. Огни в деревне гаснут один за другим. Я чувствую себя одиноким путником в пустыне. Он знает, что там многое есть: оазисы, пальмы, путешественники, ищащие убежища, верблюды, которым нужна вода. Но когда он смотрит на небо над головой, на песчаные дюны впереди, он видит только пустоту.

Дверь открывается – женский голос, смех – дверь закрывается. Шаги. Розанджела.

«У вас все в порядке?» – спрашивает она.

От того, как она это произносит, у меня на глазах наворачиваются слезы. Я моргаю и киваю, отводя взгляд. Она проводит рукой по месту рядом со мной и садится. Наши плечи соприкасаются, и я чувствую ее тепло. Боже, это так приятно.

«Вы были таким молчаливым», – говорит она.

«У меня все в порядке».

«Очень по-американски, – говорит она, ставя пустой стакан на колени. – «Я в порядке». Очень вежливо, но это ничего не значит».

Я наполняю ее бокал, снова наполняю свой. Мы чокаемся и пьем в тишине. Высоко над крышами деревни в яркой дымке виднеется Млечный путь.

«Я позвонил своей девушке».

«О, как мило».

«Теперь она моя бывшая девушка».

«О». Пауза. «Мне очень жаль».

«Так бывает». Этой женщине предстоит нести свой собственный крест. Нет необходимости увеличивать его вес.

Сквозь темноту я чувствую, как она наблюдает за мной.

«Вы о многом не любите говорить», – тихо произносит она.

«Я не это имел в виду, – говорю я, делая глоток. – Даже когда я был в Индии, моя тетя хотела, чтобы я рассказал о своем от… – я умолкаю. – Неважно. Но зачем говорить? Это только пробуждает воспоминания».

«Вы будете говорить, – замечает она. – Когда придет время. Когда вам это будет необходимо».

Я поворачиваюсь к ней лицом. «Прошло около четырех месяцев с тех пор, как я уехал из дома, – говорю я, – и теперь я не знаю, к чему мне возвращаться».

Она откидывается назад, опираясь на руки, и смотрит в небо.

«Когда я был в Гималаях, – продолжаю я, – я кое-что видел. Зазубренные вершины флуоресцентно-белого цвета. Я никогда не видел ничего подобного. Понимаете, когда светило солнце, эти горы сияли. Они были такими яркими. Они…»

Она нежно касается моего запястья: «Я понимаю».

«В любом случае они были здесь задолго до нас и будут еще долго после нас, – я киваю на ночное небо. – Совсем как те звезды».

Я делаю большой глоток.

«Держу пари, они смеются над нами. Как близко к сердцу мы все принимаем».

Она мягко улыбается. Даже уголки ее глаз улыбаются.

«Что?»

Она качает головой, продолжая улыбаться. Что-то в моей груди начинает теплеть. Я наполняю наши бокалы.

Она издает смешок: «Я немного пьяна».

«Добро пожаловать в клуб».

Она наклоняется вперед, натягивает куртку на колени.

«Вы находитесь на Камино. Вы паломник, – она бросает взгляд на бар. – Мы все паломники».

«У меня другая ситуация, – говорю я. – Это не было какой-то грандиозной целью моей жизни. Я просто оказался здесь».

Она качает головой, улыбаясь.

«Случайный паломник, – медленно произносит она, – все равно остается паломником».

Ночь достаточно светлая, чтобы я мог разглядеть ее лицо. У нее длинные изогнутые ресницы.

«Смотрите, – Розанджела указывает вверх. – Смотрите!»

Я смотрю вверх. Везде звезды. Луны нет.

«Что?»

Она делает рукой дугообразное движение.

«Падающая звезда?»

«Да. Очень красивая».

Мы видим несколько падающих звезд, и каждый раз, когда мы замечаем их, она смеется. Я показываю ей крошечную белую точку, медленно движущуюся по небу.

«Спутник».

«Люди могут создавать звезды», – говорит она, хлопая в ладоши. Чистый восторг.

От того, как она это произносит, у меня возникает внезапное желание поцеловать ее. Вместо этого я делаю глоток прямо из бутылки. Мои конечности покалывает, и они немеют от холода.

«Что вы думаете об Игнасио?» – спрашиваю я.

«Это замечательный человек, – говорит она. – Совершенно уникальный».

«Я злюсь на себя за то, что все пропустил, – я указываю на ее крест. – И за это».

Она хихикает, прикрывает рот рукой и разражается смехом.

«Что вас рассмешило?»

«Вы», – удается ей сказать, затем она снова начинает хохотать. «Вы такой серьезный, – говорит она, когда наконец перестает смеяться. Ее голос становится выше. – Я должна была бы сейчас сидеть дома у мамы и плакать у нее на плече, но я здесь. Почему? Потому что пройти по Камино – моя мечта. Я выбираю быть здесь. Мы сами сдерживаем себя, а вовсе не жизнь».

Если бы я любил себя...

«Жизнь велит двигаться вперед. Например, по Камино».

... то что бы я сделал?

«Это мне кое-что напомнило», – говорю я и рассказываю ей о теории Лоика о противостоянии сердца и разума. О волшебстве. Я рассказываю ей о монахе. Она улыбается и опирается на мое плечо, чтобы встать.

«Мне кажется, – говорит она, занимая устойчивое положение, – мне кажется, что вы приняли свое решение».

«Какое решение?»

«Вы знаете».

Она наклоняется за своим стаканом. Дельфины проплывают мимо ее щек, и я начинаю тянуться, чтобы коснуться ее лица, почувствовать ее тепло, но одерживаю себя. Она замечает мой взгляд.

«Это, – говорит она, снимая крестик Игнасио со своей шеи, – вам».

Я начинаю протестовать, но палец, приложенный к моим губам, останавливает меня.

«О, мой серьезный паломник, – говорит она своим певучим голосом, – опустите голову».

Я подчиняюсь. Она надевает шнурок мне на голову и дергает.

Ее голос звучит нежно: «Вам это нужно больше, чем мне».

С крестом на груди я смотрю на нее снизу вверх. Она улыбается медленной, восхитительной улыбкой и проводит пальцем по моей щеке. Прикосновение такое мягкое. Стук моего сердца отдается в ушах. Затем она выпрямляется и направляется к приюту.

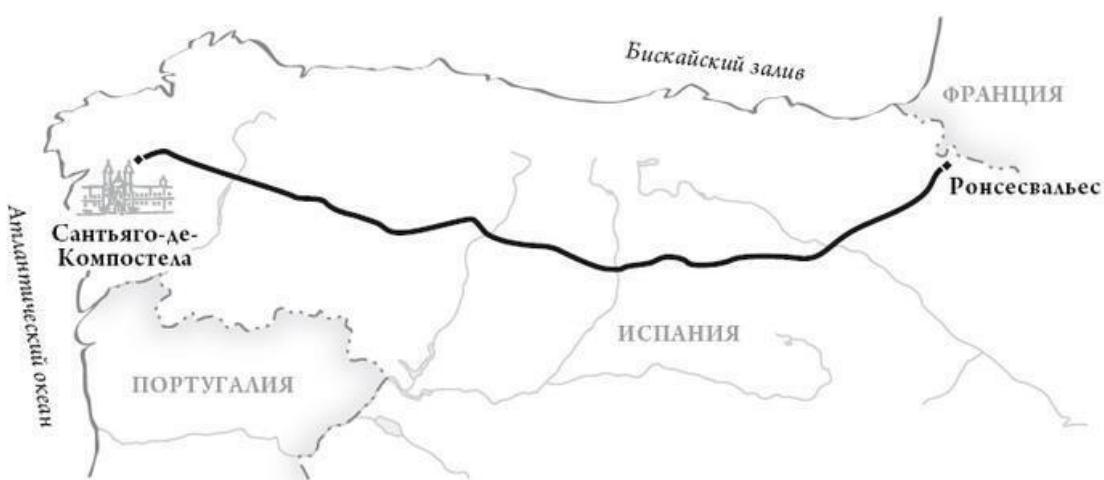
«Boa noite»³⁰, – ее голос растворяется в ночи.

Я долго смотрю на крест у себя на груди.

Если бы я любил себя, я бы...

Наконец-то я это говорю. Монаху. Камино. Тому, кто дергает за чертовы ниточки.

«Да».

³⁰ Спокойной ночи – *порт.*

День девятый

Начинается рассвет: темный оттенок красного с примесью оранжевого, как пестрое сари на индийской свадьбе. Паломники направляются на запад. Я нахожу телефонную будку и делаю еще один звонок.

«Мам».

Через Атлантику слышится радость в ее голосе.

«Привет, бета».

«Я совершаю паломничество».

Пауза. Затем смех.

«Ну, твоей тете это понравилось бы».

Несмотря на ее беспокойство, она понимает меня. Может быть, поэтому мыссорились всего дважды в моей жизни. И когда я говорю «мы», я имею в виду себя.

В первый раз из-за мужчины. После того как мы ушли от моего отца, их было несколько, и каждый следующий нравился мне все меньше, пока однажды, когда я учился в старших классах, Боб, или Шмоб, или как там его звали, не нагрубил ей за ужином. Я схватил его тарелку, выбросил еду в мусорное ведро и сел напротив, свирепо глядя на него. Вскоре после этого он ушел, а она плакала и ничего не говорила. Больше никаких мужчин поблизости не появлялось.

Второй раз это случилось в прошлом году, когда она призналась, что ухаживала за моим отцом после курсов химиотерапии. Я начал орать на нее, чтобы она прекратила это делать. Она молчала по телефону, позволяя мне продолжать, затем наконец тихим и твердым голосом произнесла: «Он умирает, бета. Так надо было».

И это несмотря на все, через что ей пришлось пройти. Это сразило меня. Я повесил трубку, не в силах говорить. Мои руки дрожали.

«Когда ты будешь готов вернуться домой?»

«Я правда не знаю, мам».

«Тебе нужны деньги?»

«Нет». Я должен справиться со всем сам.

Я рассказываю ей о Камино. Она слушает, ни разу не перебив меня.

«Я бы хотела совершить что-нибудь подобное», – говорит она.

Я рассказал Сью немного о нашей с мамой жизни, о том, как усердно она трудилась. Бралась за любую работу с минимальной оплатой труда, за уборку домов – за все, на чем можно заработать. В тот раз, когда мы ушли от отца, мы стояли на вокзале: два чемодана, идти некуда, мама держит меня за руку и тихо плачет.

«Вы сильная женщина», – сказала ей Сью при первой встрече. «Нет, – сказала моя мать. – Но у меня был ребенок. Я посмотрела на него, и это придало мне сил».

Я часто чувствую вину за то счастье, которым она пожертвовала ради меня. Я почти начинаю рассказывать ей о Сью, но останавливаюсь. Не нужно усугублять ее беспокойство. Она считала, что Сью мне подходит.

«Позвони мне поскорее, – говорит она. – И береги себя».

«Я так и сделаю, мам».

«Послушай, – говорит она, – я знаю, тебе пришлось нелегко. Делай то, что считаешь нужным, хорошо? Я знаю, ты можешь позаботиться о себе, но я волнуюсь».

«Я знаю, мам».

«И знаешь что, бета?»

«Да, мам?»

«Забудь. Просто забудь, *бета*».

Я делаю вдох и говорю это ради нее.

«Я постараюсь, мам. Я обещаю».

После того как мы поговорили, я принимаю несколько обезболивающих таблеток, чтобы притупить боль в плечах, и запиваю их. Впереди раскинулись золотистые пшеничные поля, простирающиеся до горизонта. Я вхожу в них.

День одиннадцатый

«Ты заметил, как англичанин громко плакал в своей постели?» – спрашивает Ник.

«Нет». Я продолжаю читать путеводитель.

«Но он же был прямо там».

Я переворачиваю страницу. «Я его не видел».

Мы сидим за переполненным кухонным столом в приюте в Санто-Доминго-де-ла-Кальсада. Снаружи на площадь въезжают автобусы. Туристы с фотоаппаратами в руках выходят и смешиваются с усталыми, загорелыми паломниками. Приближаются сумерки, и булыжники на площади приобретают тускло-серый оттенок.

Я скучаю по Розанджеле. Несколько дней назад, когда я сбавил скорость из-за вывихнутой лодыжки, которую я подвернул из-за довольно эффектного падения посреди грязного поля, она увеличила темп.

«Мое сердце подсказывает мне двигаться быстрее», – говорит она.

На Камино есть такая проблема: стоит тебе обогнать кого-то на один приют или, наоборот, отстать, и ты можешь больше никогда не увидеть этого человека. С каждым днем перспектива отдаления друг от друга становится все более ощутимой.

Я хватаюсь за лодыжку, надавливаю на нее обоими большими пальцами. Боль почти прошла. Как бы то ни было, я могу снова ускорить темп и попытаться догнать Розанджелу. В регистрационной книге указано, что она проходила здесь вчера. Как раз в тот момент, когда я разрабатываю свое новое расписание, раздается громкий стук. Звук удара тела обо что-то твердое.

Мужской голос, приглушенный закрытой дверью. «Я в порядке. В порядке». Затем – раскатистый смех.

Дверь распахивается, ударяясь о стену. Лицо Ника замирает. Внезапно какой-то человек выскакивает из дверного проема в переполненную кухню.

«Ха! – выкрикивает тощий мужчина, свирепо глядя на молчаливых паломников. Он вваливается внутрь, громко стучас ботинками, уперев кулаки в бедра. – Ха!»

У него красное лицо. Не обгоревшее на солнце, как у всех нас, а просто ярко-красное. Всклоненная седая борода, растрепанные ветром волосы, налитые кровью глаза. Он пошатывается, затем опирается на пятки. Он ухмыляется.

«Это он, – взволнованно шепчет Ник. – Он! Плачущий англичанин».

«Я Рон, – он хватает ближайшую женщину за руку. – Очень приятно». Он несколько раз небрежно целует ее.

«Прекрасное начало, а?»

Тишина.

«Готова?»

«К чему?» – спрашивает женщина.

Он осторожно подводит ее к переполненному столу, отодвигая паломников в сторону, чтобы освободить место.

«Отсюда тебе будет лучше видно, милая», – говорит он, лукаво подмигивая.

Затем начинает петь ковбойскую песню «Баллада о полудне». Топает ногами, посыпает женщинам воздушные поцелуи, танцует вокруг столов. Деревянный пол трястется. Я представляю, как с потолка на нижнем этаже сыплются кусочки штукатурки. Должен признаться, я наслаждаюсь выражением лица каждого из присутствующих.

Закончив, он кланяется, и мы хлопаем в ладоши. Пока он занят тем, что пожимает руки всем, до кого может дотянуться, я замечаю, что за окнами уже темно, и выхожу на улицу.

Фонарные столбы отбрасывают длинные тени на тротуар. Мимо меня проходит женщина, ее каблуки громко цокают по булыжникам. Я выхожу на улицу, вдоль которой протянулись

ряды магазинов – стальные ставни опущены и заперты, – и останавливаюсь у телефона-автомата на углу.

Я набираю домашний номер. Я чувствую тошноту. Мой бывший дом. От этого лучше не становится. Раздается телефонный звонок, а затем включается автоответчик.

«Сейчас я не могу ответить на ваш звонок...»

Она изменила текст сообщения. Я вешаю трубку.

На что я надеялся? Может быть, как-там-его-зовут – это уже история и Сью дождется меня. Но что, если она скажет, что только в том случае, если я немедленно вернусь? К этому я не готов. Что, если она избегает меня? Что, если он с ней? Я пробую еще раз.

«Ответь, – шепчу я, прижимая пластик к уху. Проходят секунды. – Пожалуйста».

Сразу включается автоответчик. Я швыряю трубку и возвращаюсь в приют.

В темной кухне пахнет помидорами и чесноком. Я зажигаю свечу на столе и накладываю себе остатки спагетти. К счастью, здесь также есть множество бутылок с недопитым вином. Я работаю над тем, чтобы опустошить их.

Через некоторое время я слышу кашель, затем Рон присоединяется ко мне.

«Все в порядке?» – спрашивает он.

В его глазах я вижу красные трещинки сосудов.

«Конечно».

Я наполняю стакан, пододвигаю его к нему.

«О, да, – он облизывает губы. – Так намного лучше. Намного лучше».

Он допивает вино и позволяет мне снова наполнить стакан.

«Старые пердуны, – он показывает большим пальцем на спальню комнату. Дрыхнут».

Судя по возрасту, он, должно быть, самый старый паломник в приюте. Однозначно.

«Люди, – говорит он с отвращением в голосе, – они не живут. Ты уезжаешь на пять лет, видишь мир и возвращаешься, а они все те же. Едут на работу, – он крутит воображаемый руль негнувшимися руками, – пьют свой чай. Знаешь, о чем это мне говорит? Они просто ждут своей смерти.

Чертовы зануды. Жизнь коротка. Надо брать ее за жабры и жить на всю катушку».

Он хлопает себя по затылку, стряхивает что-то с руки.

«Прошлым летом я провел две недели на Амазонке, путешествуя на каноэ от деревни к деревне. Вот туземцы живут как надо».

Он замолкает и отворачивается. Проходят мгновения.

Он тихо продолжает: «Я знаю, куда я отправлюсь, когда умру».

Я пропускаю очевидный вопрос. Прямо сейчас мне все равно, где оказываются пьяные англичане после смерти. Вероятно, во Франции.

Он роется в карманах и достает черно-белое перо. Он проводит им по щеке, нюхает.

«Камино – это нечто особенное для меня. Я здесь уже во второй раз. Пусть я не ученый, но я знаю, что правильно, и это, – он машет рукой, – это правильно». Он кладет перо мне на ладонь. «Ты не возражаешь?»

«Нет», – говорю я. Перо такое мягкое и щекочет ладонь.

«Камино, – его лицо дрожит. – Он был добр ко мне. Видишь? Это орлиное перо. Я нашел его. Однажды утром я вышел из этого приюта, и оно лежало у моих ног, как будто ждало меня. Я знаю, что мой внук здесь, я точно знаю».

Что-то внутри меня говорит: «Приехали».

«Ты идешь один?» – спрашивает он.

Я утвердительно киваю.

«На этот раз я тоже». Он указывает на свое лицо, на дугообразные линии по краям рта. Они видны сквозь редеющую бороду. «Некоторые – от смеха, но не все, заметь. Не все».

«Почему на этот раз вы один?»

«Чтобы отгонять призраков, – говорит он сдавленным, глухим голосом. – И попрощаться, – он крепко хватает меня за руку, его голос понижается. – Я эмоциональный человек. Мне нравится быть эмоциональным, особенно когда я выпью».

Рон замолкает и достает из бархатистого фиолетового мешочка желтую трубку в форме льва. Пасть льва открыта, как будто он собирается зарычать. Он сыплет табак, зажигает его от спички и медленно затягивается. Сладкий табачный запах наполняет кухню.

«Я знакомлюсь с людьми на Камино, – говорит он. – С самыми разными замечательными людьми, и я смеюсь и плачу вместе с ними. Я проливаю свои слезы».

Его серые глаза устремлены мимо меня, куда-то далеко-далеко.

«Мой внук умер четыре месяца назад», – тихо говорит он.

Темнота проникает через окно, оставляя глубокие морщины на его лице. Свеча мерцает. Он закрывает глаза, внезапно становясь очень старым и очень усталым.

«Ему было шестнадцать, – его голос едва слышен. – Совсем мальчик. Я даже не успел попрощаться».

«Мне очень жаль».

Он похлопывает меня по руке. Слезы скапливаются в уголках его глаз, стекают по бороздкам морщин, теряются в бороде. Я протягиваю ему салфетку. Он качает головой.

«Я скучаю по нему. О, как я скучаю по нему. Когда я плачу, мне кажется, что я забываюсь. Но слезы не могут смыть тоску».

Берег реки. Пыль, похожая на древесный уголь. Никакого пути назад, никакой возможности отменить уже сделанное или исправить совершенные ошибки. Мне хотелось швырнуть урну в воду и уйти. «Ты причинил мне достаточно боли, – хотелось закричать мне. – Я не буду плакать из-за тебя». В моих глазах пульсировала боль, но я остановил слезы.

«Они помогают?»

«Вино помогает. Каждый вечер я выпиваю целую бутылку, – ему удается слегка улыбнуться. – Иногда больше».

Я воспринимаю это как намек и пытаюсь наполнить его стакан, но он отталкивает бутылку.

«Нет, это хорошо – думать о нем прямо сейчас».

«От воспоминаний становится тяжело».

«Это все, что у меня осталось». Он выхватывает салфетку у меня из рук и вытирает лицо. Он сморкается. «Я эмоциональный человек».

«Все в порядке».

Он прочищает горло. «Я не могу заснуть, – говорит он, – пока не выпью. Вот почему я здесь. Видишь ли, мальчик любил сельскую местность. Он бы это понял. В Сантьяго я попрощаюсь с ним».

Неужели я тоже это делаю, сам того не осознавая, – иду попрощаться? Я надеюсь, что нет. Одного прощения у берегов Ганга было достаточно.

«У каждого своя боль, – говорит он. – И свои радости. Помни об этом. Понимаешь, он ведь тут, со мной. Я чувствую его, разговариваю с ним. Я знаю, что он меня слышит».

Трубка гаснет. Он чистит ее и кладет обратно в сумочку.

«Слушайте, – говорю я. – А вы встречались с Игнасио, сумасшедшим художником?»

Он качает головой: «Нет. Но мне он нравится по рассказам».

Я улыбаюсь: «Подождите минутку».

Я бегу в спальню комнату и возвращаюсь с крестом. Я протягиваю его ему. Он поворачивает его, любуется им.

«Что это?»

«От сумасшедшего художника. Подарок».

Он проводит большими пальцами по мелким деталям. «Он потрясающий», – говорит он и пытается вернуть мне его обратно.

«Он ваш, – говорю я. – Вам он нужен больше, чем мне».

Мгновение мы смотрим друг на друга.

«Ох», – говорит он. Наклоняется вперед, натягивает шнурок на свои редеющие волосы и выпрямляется. Крест висит рядом с его сердцем. «Ох, – говорит он очень тихим голосом. – Я сентиментальный человек».

Уже слишком поздно. Если я собираюсь идти пешком долгие дни, чтобы догнать Розанджелу, мне лучше отдохнуть. «Я иду спать», – говорю я.

Он кивает. «А знаешь что – возьми перо. Оставь его себе».

«Рон, я не могу...»

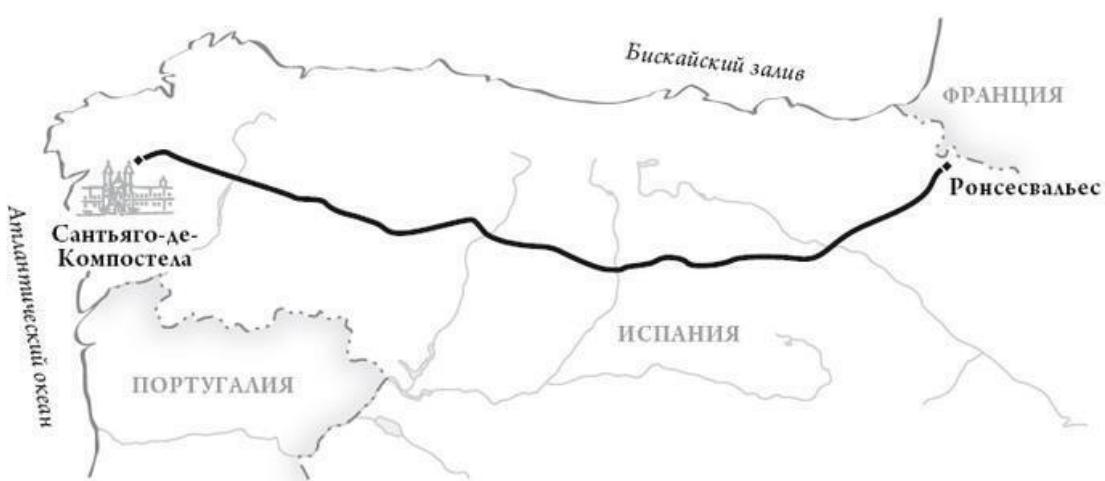
«Нет, нет. Оставь его себе, пожалуйста. Подарок от моего внука. Для тебя. Думается мне, ты тоже гоняешься за призраками».

Мне хочется обнять старика. Я так и делаю. Долго и крепко.

«Есть два партнера, – шепчет он мне на ухо. Голос его звучит хрипло. – Страх и вера. Тот, с которым ты танцуешь, и определяет твою жизнь».

Умолкнув, он хлопает меня по плечу.

«Иди. И не оглядывайся назад, потому что именно там живет твоя боль».

День тринадцатый

В баре тепло и многолюдно. Паломники входят, топают ногами, потирают руки, покупают выпивку и направляются к камину. Этот участок Камино, Монтес-де-Ока, известен своей суворой непредсказуемой погодой и крутыми холмами, поросшими сосновыми лесами. Здесь легко заблудиться и пропасть. Раньше здесь прятались разбойники: грабили и убивали проходящих паломников, но в двенадцатом веке некий монах по имени Хуан расчистил путь через холмы и помог построить дороги, мосты и больницы. После своей смерти он каким-то образом приобрел репутацию исцеляющего бесплодие, его монастырь обслуживал паломников и какое-то время был также средневековой клиникой по лечению бесплодия. В наши дни монастырь все еще существует, вместе с этим баром и священником, знаменитым приготовлением чесночного супа.

Вечером мы идем в церковь. Несмотря на то, что это паломничество, многие паломники, включая меня, не посещают мессу регулярно. Но здесь все хотят увидеть священника, который готовит чесночный суп.

Внутри церковь освещена рядами высоких свечей. Могила святого Хуана находится между скамьями и защищена решеткой с шипами. Невысокий и коренастый, с копной седых волос, священник приветствует нас, затем встает у алтаря.

«Каждый из вас находится в поиске, — говорит он. —

Вы позволяете дороге вести тебя. В этом и заключается сила Камино. Не имеет значения, почему вы здесь или как вы доберетесь до Сантьяго. Важно то, чему вы учитесь».

По дороге в Памплону Розанджела сказала мне нечто подобное. Она проходила здесь день назад. Я скучаю по тому, как дрожат ее серьги в виде дельфинов, когда она смеется.

Священник раздает причастие. Даже со скамьи я вижу, как сияют его глаза. Я хочу поговорить с ним, выведать его секрет, но он мне и так уже известен: он живет своим предназначением. Я встаю в длинную очередь и впервые на Камино съедаю просфору и пью из чаши, как и паломники, которые проходили здесь до меня. Священник кивает мне и улыбается, заставляя меня чувствовать себя желанным гостем. Это прекрасное чувство.

После службы в зале на первом этаже монастыря подают знаменитый чесночный суп. Это место битком набито паломниками, многих из которых я начинаю узнавать. Но самое главное — Лоик здесь. По нему я тоже скучал. Через открытый дверной проем мы видим священника, который громко разговаривает и смеется на кухне.

Наконец он выходит вместе с двумя другими мужчинами, несущими большой красный котелок. Они ставят его на стол и разливают суп по тарелкам. Священник болтает и наблюдает, как мы едим.

«Мы немцы, испанцы, итальянцы, французы, англичане, американцы, — громко говорит какой-то паломник. — Здесь, вместе. Вы можете себе представить, что во времена моего деда мы убивали друг друга?»

Какое-то торжественное мгновение мы все молчим, глядя друг на друга, и вдруг, как по команде, расплываемся в улыбках. Будем уважать прошлое, но давайте оставим его позади в интимности этого простого совместного опыта. Мы продолжаем трапезу.

Приятно держать в обеих руках чашу, медленно потягивать суп и чувствовать, как пар согревает лицо. Я ждал этого весь день. Сам по себе суп — не более чем горячий бульон, но компания и общий смех превращают его в наслаждение.

День четырнадцатый

«Он вовсе не мягкий. Не такой, каким я его себе представлял».

«Думаешь?»

«Когда открываешь урну и опрокидываешь пепел в реку, ветер относит его обратно к тебе».

Позади нас остались холмы, поросшие сосновами. Впереди, насколько хватает глаз, колосится золотисто-коричневая пшеница. Облака плывут над головой, их тени темными крупными пятнами ложатся на поля внизу.

«Представь, вот ты стоишь, а пепел мертвого человека, твоего отца, застrevает у тебя в одежде, на коже».

Мой голос становится громче. Я не могу сдержать его.

«Ты чуть ли не вдыхаешь его».

Рука мягко ложится на мое плечо и слегка его пожимает. *«Mon ami».*

«А самое паршивое заключается в том, что ты не знаешь, что тебе со всем этим делать дальше? Вернуться домой, к обычной жизни, притвориться, что все в порядке? Ведь про себя ты только и думаешь о том, что должен был сделать, чего не должен был... А теперь уже слишком поздно».

Тропа поднимается под небольшим уклоном, затем опускается и снова поднимается. Я останавливаюсь, ветер дует мне в лицо, и я наблюдаю, как колышутся поля.

«Лучше бы я не знал, что он умирает, – тихо говорю я. – Как бы я этого хотел. Было бы намного легче не видеть, как он страдает».

«Это никогда не бывает легко. Только не в таких делах».

«Знаешь что? – говорю я, отворачиваясь от него. – Легче вообще не думать об этом».

«А иногда, – слышу я его слова, – негоже руководствоваться рассудком. Есть вещи, которые надо проживать сердцем».

Я медленно поворачиваюсь к нему лицом. Он смотрит на меня ласковыми карими глазами.

«Я тронут тем, что ты рассказал мне, – он похлопывает меня по руке. – Вот что я могу тебе посоветовать: воспринимай все, что произошло, – смерть твоего отца, свою поездку в Индию, сомнения в профессии, Камино, – как часть одного и того же пути. Все связано. Возможно, сейчас ты этого не осознаёшь, но со временем ты поймешь, что на то была причина».

И вот я здесь, у меня заканчиваются деньги, я все еще понятия не имею, чем хочу заниматься, моя девушка ушла от меня.

«Ты поймешь, – он сверкает своей фирменной улыбкой. – Поверь мне».

Мы продолжаем движение и молчим. Он напевает что-то себе под нос, и всякий раз, когда наши глаза встречаются, мы улыбаемся.

«Я могу тебе еще кое-что рассказать?» – спрашиваю я через некоторое время.

«Да, конечно».

«Когда я уезжал, я жил от зарплаты до зарплаты. Перед смертью отец перевел моей тете деньги для меня. Я узнал об этом, после того как приехал в Индию. Благодаря этому я могу себе позволить быть здесь».

«Прощальный дар, – говорит он, – чтобы ты мог осуществить то, что должен».

«Он не знал меня, Лоик».

«Он знал. Отец знает».

Мгновение я наблюдаю за ним. У него есть дочь примерно моего возраста и сын пятью годами старше.

«Лоик?»

«Что?»

«Опыт отцовства... Мне интересно, стоит ли оно того?»

«Опыт? Поверь мне, иметь ребенка – это не опыт. Это образ жизни. Я ни на секунду не пожалел об этом. Я часто задумывался о таких людях, как Эйфель. Он построил много мостов во Франции и, конечно же, Эйфелеву башню. Его давно нет на свете, но плоды его труда остались». Он качает головой. «Твоя работа важна, да, но в твоих детях есть частица тебя самого, и никогда не знаешь, как именно она проявится».

Ремешок на его рюкзаке болтается, и я слышу, как его пластмассовая оплетка ударяется о бутылку с водой при каждом шаге. Я вспоминаю о том, как в последний раз видел своего отца в больнице: бегающие глаза, тело – покрытый синяками коричневый скелет. Аппарат искусственной вентиляции легких издавал хлюпающий звук, проталкивая воздух в его легкие. Вдох, хлюпанье, пауза, выдох, хлюпанье, пауза, вдох. В комнате стоял больничный запах антисептика. Студент-медик, судя по короткому лабораторному халату, вошел, чтобы взять у него кровь. Мне хотелось схватить его за белый халат и швырнуть на натертый воском пол. «От него ничего не осталось, – кричал я про себя. – Займись своей практикой где-нибудь в другом месте». Вместо этого я стоял молча. Студент-медик взглянул на меня, опустил глаза, отцепил капельницу от отцовской руки, прикрепил стеклянную трубку к игле. Она наполнилась темно-красной жидкостью. Сердце все еще билось, глаза все еще искали.

Ветер дует по полям, изгибая стебли рябью, словно волнами, набегающими на берег. Ветер становится громче, волны более бурными. Я один, пью каждую ночь. Что еще есть во мне от моего отца?

Тропа сворачивает влево, ведет в деревню и заканчивается у бара. Лоик придерживает дверь, и мы входим, постепенно глаза привыкают к темноте. Женщина стоит за прилавком и моет стаканы. Облегающее платье, прямые темные волосы до плеч.

Лоик бросает взгляд на нее, затем на бутылки, расставленные над стойкой. Он потирает руки:

«Ура, цивилизация».

Два паломника играют в пинбол на автомате возле двери.

«Взгляни на ее глаза, – Лоик наклоняется ближе и шепчет. – Такие таинственные, такие красивые. Она должна жить в городе. Что она здесь делает?»

Я пожимаю плечами. По крайней мере, снаружи, где прохладный воздух и запах полей, было легче забыться. Но сейчас, в темноте, я чувствую пульсацию у себя за глазами. Мне трудно сосредоточиться.

«Кажется, я знаю, – продолжает Лоик. – Она ждет нас».

Он подходит к стойке. Автомат для игры в пинбол работает громко, а мигающие лампочки усиливают мою головную боль. Я иду в туалет, закрываю дверь, мою руки, брызгаю водой на лицо. Я смотрю на свое отражение в грязном зеркале над раковиной. У меня покраснели глаза. Я прислоняюсь спиной к стене, закрываю глаза и пытаюсь дышать медленно, но сквозь темноту, сквозь цветные пятна, когда я крепко зажмуриваюсь, прошлое возвращается.

Маленький мальчик идет домой со своей матерью. На улице стоит вечер, щебечут птицы. Он скачет вприпрыжку, вместо того чтобы спокойно идти, а его мать смеется. Они входят в свою квартиру и проходят на кухню. Свет горит. Мальчик видит, что его отец сидит за столом: в правой руке он держит стакан, наполовину наполненный желтой шелковистой жидкостью. На столе стоят две пустые бутылки. Мотылек медленно кружит вокруг лампочки на потолке, его тень трепещет на стенах.

Мальчик чувствует, что его мать стоит рядом с ним. Все тихо. Он поднимает голову и видит, как мотылек кружит вокруг него. В комнате жарко, во рту металлический привкус. Он опускает взгляд и видит, что тонкие губы его отца сжаты, а сам он дышит через нос. Его глаза налиты кровью, и он крепче сжимает стакан, угрожая разнести мир на осколки.

Мальчик хватает руку своей матери, сжимает и чувствует, как ее страх просачивается сквозь кожу, пока не становится его собственным.

Несколько днями ранее мои глаза начали слегка розоветь. Я зашел в аптеку, купил лекарство, которое порекомендовал фармацевт, но они продолжали краснеть. Мой рациональный ум напомнил мне, что я мог подхватить инфекцию. Но ночью, когда я лежал без сна в темноте, я видел языки пламени, несущиеся по земле, пожирая все на своем пути и оставляя после себя пепел, который медленно оседал, подобно мягкому снегопаду.

Я открываю глаза и, прищурившись, смотрю в зеркало. Все еще красные. Когда я возвращаюсь, Лоик стоит, облокотившись на прилавок, и болтает с женщиной.

«Ты выглядишь усталым», – говорит он мне.

«Я просто проголодался».

С деревянной балки наверху свисает свиной окорок. Лоик просит женщину нарезать несколько кусочков и заказывает бутылку риохи. Мы едим соленую сухую ветчину и пьем холодное вино.

Лоик наклоняется ближе. «Испанские девушки – это класс, они очень хорошеные. Иногда по ночам я все еще не могу уснуть, когда думаю об испанках, которых встречал двадцать пять лет назад. Но они не любят, когда к ним прикасаются, – настоящие недотроги».

Он задирает нос кверху, рассмешив меня.

«Ты можешь только смотреть, – он печально качает головой. – Я не знаю, как они размножаются».

После обеда женщина подходит к двери и машет Лоику, пока мы гуськом идем по траве. Вино, кажется, благотворно подействовало на мою голову. Я не чувствую, что у меня слезятся глаза. Мы пересекаем шоссе, а затем тропа расширяется и ведет через поросшую травой равнину. Справа от нас высится изрезанные бороздами холмы.

«Дай-ка я расскажу тебе сон, который видел прошлой ночью, – говорит Лоик. – Чудесный сон, который я никогда не забуду: моя лодка плывет по пескам Сахары на всех парусах, а над ней висит большая круглая луна».

Он умолкает, как будто смахивает свой сон.

«Знаешь, однажды мне предложили поработать штурманом в команде Ротшильда. Он хотел участвовать в гонках на своей лодке – назовем ее так, хотя она была довольно большой, – он хотел пересечь Тихий океан, но я отказался». Он щурит глаза, как матрос, будто наблюдает за чем-то далеко за горизонтом. «Я хочу сказать, что никогда не стремился к этому».

Я пожимаю плечами, не совсем понимая, к чему он клонит.

«Если я скажу тебе правду, ты не поверишь. Я боюсь моря».

Я смотрю на него, ожидая смеха, продолжения шутки. Однако едва взглянув на его лицо, понимаю, что ошибаюсь.

«Мой отец тоже боялся моря, – говорит он. – По правде говоря, оно вселяло в него ужас».

Пока мы ехали на автобусе из Барселоны, он рассказал мне о своей семье, обо всех поколениях рыбаков из Бретани – региона, где в каждой деревне есть часовня в память о людях, погибших в море.

«Но когда человек обретает веру в детстве, – говорит он, – от нее нелегко избавиться».

Он откашливается, проводит рукой по своим коротким выщипанным волосам.

«Хочешь узнать, когда я острее всего чувствую себя живым?»

«Конечно», – говорю я.

«Когда управляю своей лодкой. Когда я сталкиваюсь лицом к лицу со своим страхом перед морем. Это и есть мой утес, с которого я прыгаю, и у меня вырастают крылья».

«Типа волшебного места?»

Он усмехается.

«Да. Там, где ты сталкиваешься со своими глубочайшими страхами, возникает волшебство».

Указатель выводит нас на двухполосную дорогу, которая петляет мимо пустынных парковок, автосалонов с сетчатыми заборами, а затем торговых центров. Тротуар потрескался, и по нему больно идти. Мы оба примолкли, как обычно бывает на Камино, когда покидаешь леса и бескрайние поля, окунаясь в многолюдные города.

Дорога расширяется до нескольких полос. Мы проходим мимо рядов тесно струдившихся многоквартирных домов с развевающимся на балконах сущащимся бельем. Мы вдыхаем городские запахи, и воздух становится горячим и гнетущим. Тротуары заставлены столиками уличных кафе.

Дорога примыкает к перекрестку с четырехсторонним движением, и трафик на ней становится напряженным. Как раз в тот момент, когда гудки и толпа становятся невыносимыми, мы входим в старый Бургос. Появляются мощеные дороги, старинные здания и церкви. Поток машин редеет. На площадях высится статуи и фонтаны, по обе стороны дороги растут отбрасывающие тень деревья, а в поле зрения появляется река. Лоик смотрит на меня и кивает. Мы оба ощущаем перемену.

Дойдя до своей гостиницы, он кладет руки мне на плечи, чмокает в обе щеки.

«Твой отец шел своей дорогой. А ты идешь своей».

Я сглатываю слезы и обнимаю его. Мы встретимся завтра вечером в следующем приюте. Я оставляю его у стойки регистрации и иду по стрелкам, нарисованным на уличных указателях. Снова один, ремни впиваются мне в шею и плечи с каждым шагом.

В такие моменты, как этот, я жалею, что не могу поддержать компанию, что у меня в кармане нет лишних денег, чтобы я мог остановиться в хорошем отеле, если захочу. С другой стороны, если бы у меня было достаточно денег, чтобы делать все, что пожелаю, я, вероятно, не отправился бы в этот поход. Режим вынужденной экономии тоже открывает новые возможности.

Я долго иду, потом останавливаюсь у реки, чтобы посмотреть на текущую воду. Берега обсажены деревьями с короткими белыми стволами и ветвями, которые тянутся к небу, как сложенные чашей ладони.

Выйдя из готического собора, я наталкиваюсь на самое странное зрелище из всего виденного мною на Камино: группа кришнитов танцует и поет на площади. Пока я сижу на ступеньках и наблюдаю, один из них пытается заговорить со мной. Судя по тому, что он говорит по-испански с акцентом, очевидно, что он американец.

«Знаете, – говорю я, – возможно, вы выбрали не самое удачное место для этого».

«Простите?»

«Инквизиция. Испанская инквизиция. Вы слышали о ней?»

«Да».

«Ее назвали в честь этой страны не просто так».

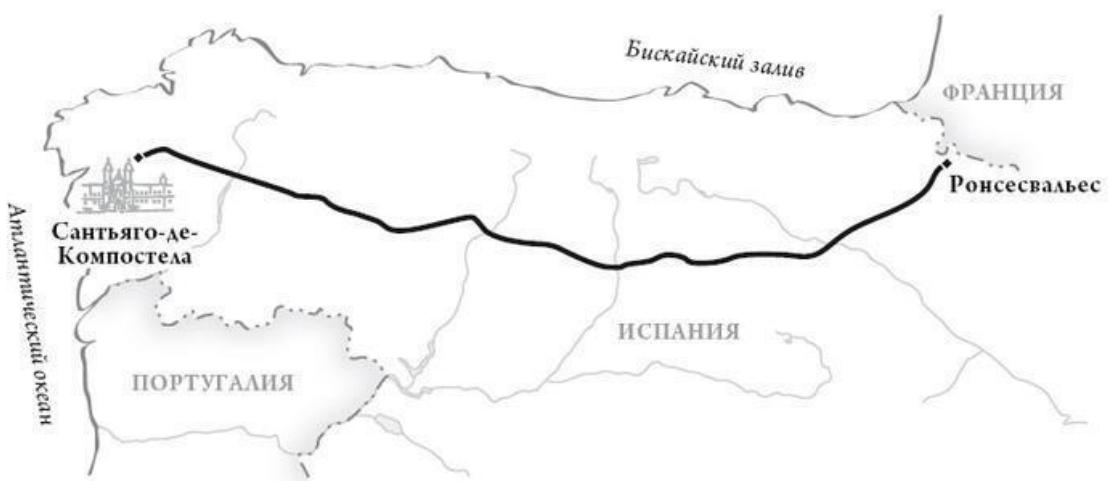
Шутка не удалась. Он не смеется. «Что ты здесь делаешь?»

«Я совершаю паломничество», – говорю я.

«Значит, ты ищешь божественное?»

«Вообще-то я ищу желтые стрелки».

Я покидаю площадь и, вместо того чтобы идти по бульвару, брожу по боковым улочкам, проходя мимо сувенирных лавок, магазинов одежды, ресторанов, баров. Стоя у магазина изделий из кожи, я смотрю на куртки в витрине, освещенной рядами лампочек на потолке. Мысль о том, чтобы надеть кожаную куртку, кажется странной. Моя жизнь свелась к тому, что я могу унести в своем рюкзаке: только самое необходимое. Даже лишняя футболка после ста миль пути заставляет ощутить ее вес. Прямо как воспоминания.

День пятнадцатый

В это воскресенье, все еще находясь на севере Испании, я вхожу в страну Смерти.

В Памплоне Розанджела рассказала мне, что Камино был разделен на три части: отрезок от Ронсесвальеса до Бургоса означал Жизнь; от Бургоса до Леона означал Смерть; от Леона до Сантьяго означал Возрождение.

В стране Жизни ты идешь по полям, виноградникам и зеленым холмам. Затем ты оказываешься на высоких равнинах – в стране Смерти. Там нет ни тени, ни укрытия: летом – от солнца, зимой – от холода. Оттуда ты поднимаешься вверх по горам и спускаешься в страну Возрождения. Пышные леса и пологие холмы простираются до самого Сантьяго-де-Компостела.

Я оставляю Бургос позади и спускаюсь по каменистой тропе в долину. Холмы голые, за исключением редких полей. Я слышу одинокий стрекот сверчка. Вдоль дорожки растут пурпурные орхидеи, маки, одуванчики и колючие кусты.

Многие паломники предпочли пропустить эту часть пути и сели на поезд из Бургоса в Леон. Некоторые не хотели иметь дело с изнурительной местностью, в то время как другие поступали так из суеверия. Я подумывал присоединиться к ним: концепция смерти была чем-то таким, что я больше не хотел исследовать, но Лоик предостерег меня от того, чтобы следовать за стадом. «Смерть, – сказал он, – преподносит свои собственные уроки».

Я останавливаюсь, оглядываюсь назад: голубое небо. Впереди – серое. Дует холодный ветер. Я застегиваю свою флисовую куртку и продолжаю идти по крутым спускам, известному как Куэста-де-Матамуло – Холм убийцы молов. Следы тех, кто прошел здесь до меня, отчетливо видны на сухой потрескавшейся земле.

По мере того как я приближаюсь к деревне, расположенной с краю долины, кусты становятся выше, некоторые почти четырех-пяти футов высотой, у них листья в форме шипов. Маленький жаворонок сидит на кусте и смотрит, как я прохожу мимо. Он цвета пожухлой травы. Доносится звук бегущей воды, затем тропинка пересекает ручей. Я снова оборачиваюсь и вижу извилистую коричневую тропу, ведущую на холмы. Птичка щебечет все громче и громче, пока я не ухожу.

Церковная башня в деревне имеет два отверстия для гигантских колоколов наверху. Они похожи на черные впалые глаза. Они наблюдают. Не осуждают и не ожидают – просто наблюдают. Я пересекаю каменный мост на окраине, и солнце пробивается сквозь тучи. Когда я смотрю вверх, это похоже на дырочку в небе.

Вдоль главной улицы выстроились дома с провалившимися крышами, отсутствующими дверями и окнами. Я прохожу мимо одного из них, где вместо двери рядами свисают бусы. Бусинки боятся друг о друга на ветру.

Приют находится рядом с церковью, а за ней лежит небольшое кладбище. Я занимаю койки для себя и Лоика, раскладывая на них свои вещи.

Два паломника лет двадцати с небольшим, которые прошли мимо меня сегодня утром, стоят во дворе церкви. Пожилой паломник сидит в углу и что-то пишет в блокноте. Один из молодых паломников родом из Исландии, другой – из Франции. Исландец высок, у него светлые, почти белые брови и волосы, в то время как у француза ключковатая борода, и от него пахнет так, словно он давно не мылся. Они хвалятся, что преодолевают в среднем пятьдесят километров в день. Большинство паломников, включая меня, проходят пешком где-то около двадцати.

«Вы готовитесь к марафонскому забегу по Камино?» – спрашиваю я.

Они пожимают плечами, открывают банки пива, делают большие глотки, говорят, что хотят мне что-то показать, и ведут меня на кладбище. То, что я вижу, лишает меня дара

речи. Несколько надгробий и памятников целы, в то время как остальные лежат сломанными или наклонены так, словно вот-вот упадут. Земля усеяна человеческими костями. Бедренные кости, позвонки, большие берцовые кости, малые берцовые кости, ребра, расколотые и целые черепа торчат из травы и грязи. Другие лежат в странных позах, как будто их швыряли куда попало.

Эти двое берут череп, водружают его на надгробие и прикрепляют пивные банки с обеих сторон, как уши. Затем они присаживаются рядом на карточки и фотографируются.

«Вот что происходит, когда ты слишком много пьешь», – говорит исландец, заставляя французского паломника рассмеяться. Он открывает еще одну банку.

Череп – словно вопросительный знак на фоне серого неба. Я отворачиваюсь. С того места, где я стою, мне видна долина, в которую я вошел сегодня. Я слышу, как они смеются, смотрю, как они обливают друг друга пивом и разбрасывают кости, и я больше не могу этого терпеть.

«Неужели у вас нет ни капли уважения?»

От этих слов они начинают хихикать. Когда француз собирается облить меня пивом, я делаю шаг вперед, беру банку из его руки и крепко сжимаю ее.

«Не смей, – выдыхаю я ему в лицо. – Не смей».

Он неуверенно пятится назад. Исландец разражается смехом. Как было бы здорово сбить его с ног. Я вырываю банку у француза и перебрасываю ее через кладбищенскую стену. Затем, скжав кулаки, я жду.

Их маленький пузырь веселья лопается, они теряют интерес и уходят. Я стою там, ожидая, чувствуя себя так, словно охраняю могилы и кости, как будто в данный момент – это моя единственная работа. К счастью, они перепрыгивают через низкую ограду и направляются в город.

Я делаю глубокий вдох. И тут я понимаю, что за нами шел пожилой паломник. Когда он подходит, я смузенно машу в знак приветствия. Кожа у него жестковато-коричневая, а вены на шее вздрагивают.

«Здесь похоронены паломники», – говорит он отрывистым голосом.

Я иду по их следам.

«Любой дурак может дойти до Сантьяго, – продолжает мужчина, – но у настоящего паломника есть честь».

Слишком взвинченный, чтобы говорить, я указываю на обвалившуюся могилу. Он кивает. Затем мы вместе собираем черепа и кости и помещаем их внутрь. Мы копаем землю голыми руками и засыпаем могилу. Стрекочут сверчки, и солнце садится. После того как мы заканчиваем, мужчина произносит короткую молитву по-испански и мы пожимаем друг другу руки.

Когда я возвращаюсь в приют, наступает время ужина, и сегодня за приготовление пищи отвечают бразильцы. Они раздают миски с макаронами и тушеной колбасой. Лоик сидит посреди многолюдного стола, как обычно, ведет себя непринужденно и всех смешит. Кажется, что некоторые женщины вот-вот в него влюбятся. Он совершенно их очаровал. Я машу ему, и он подмигивает в ответ.

Фелипе – паломник из Мадрида – тоже здесь. Я не видел его с нашей первой ночи в Ларрасонье. Он подбегает и обнимает меня.

«*Amigo*³¹, – говорит он, чуть ли не сияя. – Книга».

«Книга?» – спрашиваю я, присоединяясь к нему за столом.

«*Guitarra*», – говорит он.

Ах да, я совсем забыл о ней. Я киваю: «Нравится?»

«Нравится? Впервые за много лет на сердце у меня легко».

³¹ Друг – исп.

«Правда?»

«Суть в том, чтобы жить тем, для чего ты был создан. И для меня это физика. Я решил, что продам свою компанию и поступлю в университет, чтобы получить докторскую степень».

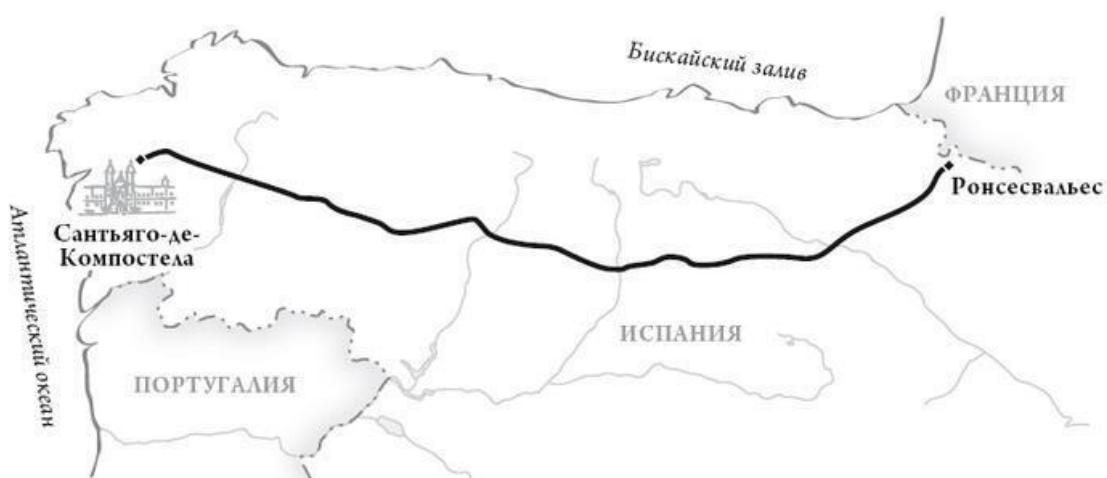
«Ого, – говорю я, – снова вернешься к своим атомам».

Он улыбается: «Камино принес мне то, что было мне нужно. Через тебя».

Камино становится частью тебя, сказала Розанджела. Вот только она не упомянула, что ты, в свою очередь, тоже становишься его частью.

Позже вечером я делаюсь этим с Лоиком. Он кладет руку мне на плечо и широко улыбается.

«Волшебство, *ton ami*. Оно началось».

День семнадцатый

Дождь хлещет по нам со всех сторон. Мы идем гуськом, опустив головы, накидки задевают зеленые стебли пшеницы. Ветер завывает в промежутках между ударами молнии. Поля простираются до горизонта, а над ними слоями плывут облака, все более темных оттенков серого.

Лоик нагоняет меня как раз в тот момент, когда я погружаю ногу в грязь, спотыкаюсь и останавливаюсь. Он не может удержаться от смеха при виде выражения чистого страдания на моем лице. Вода просачивается мне в ботинки. Внутри они напоминают плавучие бассейны, где живут, мечут икру и умирают поколения рыб. Снаружи они покрыты грязью. Это все равно что ходить с утяжелителями, прикрепленными к ногам.

Такая погода стоит уже несколько дней подряд, и все, что у меня есть, включая меня самого, промокло насеквоздь. Иногда кажется, что дождь никогда не кончится, а в другие дни он идет порывами, когда мы сидим в барах с бокалом в руках, пережидая ливень. Я надеюсь, что сегодня будет один из таких дней.

Разочарованный нашим медленным продвижением, я ускоряюсь и обгоняю Лоика, пока он не становится пятнышком синей накидки позади меня. Тропинка превращается в дорогу, пролегающую через деревню и, к счастью, приводит к бару. Я снимаю накидку и рюкзак, оставляя их у двери, и сажусь у окна. Из подсобки выходит женщина, вытирает руки о фартук и принимает у меня заказ. Вскоре я смотрю на дождь, передо мной тарелка с сырором и ветчиной и чашка горячего шоколада.

Вчера днем я наконец сдался и позвонил Сью. Она уже собиралась уходить, но взяла трубку. «Так и знала, что это ты», – сказала она. Я сказал, что скучал по ней. Она не ответила, и когда я начал говорить что-то еще, она остановила меня. «Ты ушел, – сказала она напряженным голосом. – Прости, но мне нужно продолжать жить своей жизнью».

«Ты любишь этого как-там-его-зовут?»

Последовало долгое молчание, поэтому вместо того, чтобы вытянуть из нее ответ, которого я боялся, я сказал ей, что мне пора идти, что деньги на моей телефонной карточке заканчиваются. «Хорошо, – сказала она. – Но вообще-то ты звонишь за мой счет. Что ж, будем оставаться на связи». Она повесила трубку. Оставаться на связи? Например, посредством дымовых сигналов? Рождественских открыток?

Даже если бы я захотел, ее невозможно винить. Так что вместо этого я виню этого как-там-его-зовут. Я виню его за то, что он воспользовался моей безалаберностью. За то, что я потерял ее. За дождь, грязь, холод, ломоту в ногах, болезненные вмятины на плечах, натертые лямками рюкзака. Так можно убивать время, но это выматывает. Так что теперь я виню себя – что легко мнедается в такой день, как этот. Несколько минут спустя Лоик медленно проходит мимо. Я бы предпочел побывать один, но не судьба. Он замечает меня в окно, машет рукой и заходит внутрь.

Он стучит ботинками в дверь, снимает свое снаряжение, делает заказ у стойки и тяжело опускается на зеленый пластиковый стул напротив моего.

«А-а-а», – выдыхает он.

Женщина приносит ему *café con leche*³², и он пьет его медленными прерывистыми глотками. Он ведет светскую беседу, пока дождь барабанит в окно. Листья плавают в узких желобах, вода капает с навеса над дверью.

«Ты кажешься сердитым, – наконец говорит он. – Похоже, эта погодка тебе не по душе».

³² Кофе с молоком – исп.

Щетина на его лице достаточно длинная, чтобы стать зачатком бороды. Пока он ждет, что я что-нибудь скажу, я понимаю, насколько сильно полюбил этого человека.

«Я думал».

«Я заметил. Приятное хобби».

«Когда ты оставляешь что-то позади, иногда и это что-то оставляет тебя позади».

«Ты имеете в виду что-то сентиментальное? Женщину?»

«Это настолько очевидно?»

Он делает глоток и смеется: «Я буду великодушен и скажу “нет”».

Ветер задувает дождь в дверной проем. Он отставляет чашку в сторону, потирает щеку.

«Жизнь бывает сложна. Отношения между мужчинами и женщинами тоже не так просты. Но быть с женщиной – это очень приятная часть жизни. Ты должен последовать моему совету в том, что касается этого вопроса».

Я пожимаю плечами. Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

«Ну что ж, – он складывает руки на груди. Стул скрипит. – Возможно, это слишком серьезное дело, чтобы поручать его моряку».

Я заставляю себя улыбнуться: «Нет, продолжай».

Он выглядит довольным. Кладет обе ладони на стол. «Я сказал это, чтобы заставить тебя улыбнуться, потому что нет ничего настолько важного, чтобы заставить тебя переживать».

«Как тебе такое?» – говорю я и рассказываю ему о Сью, обо всем случившемся.

«Что ж, – говорит он, когда я совсем выбиваюсь из сил, – ты мог бы провести ночь, играя на гитаре у нее под окном. Могу спорить, что дело не обошлось бы одной ночью. Я уверен в этом».

«Я сомневаюсь, что это сработает, – говорю я. – Дело в том, что я думал, что хочу обрести свободу. Я полагал, что принятие обязательств будет сдерживать меня...»

«Но у свободы есть цена, – говорит он, и улыбка исчезает с его лица. – Свобода также означает быть свободным любить».

Я снова пожимаю плечами. Сегодня это жест дня.

«Знаешь, совсем не трудно найти женщин, которые готовы разделить с тобой что-то, скажем, постель. Но вот найти ту самую женщину, это непросто, – он откашливается, комкает салфетку. – Перед Камино я пошел поужинать с другом и его женой. Они несчастливы вместе, но никогда не говорят об этом. Они останутся вместе до конца своих дней, чужие друг другу, молча, но ненавидя».

Дождь льет как из ведра.

«Я думаю, что, прежде чем выбрать девушку, ты должен хорошо чувствовать себя в своей шкуре. Тогда твое истинное “я” привлечет ту самую женщину, а не любую приглянувшуюся с первого взгляда. Мне потребовалось много времени, чтобы понять это».

«Лоик, она с этим как-там-его-зовут, и я...»

«Как его зовут?»

«Как-там-его-зовут».

Он громко вздыхает. Я отчетливо это слышу.

«Послушай. Мы можем быть либо французом и американцем, обсуждающими политику, либо я могу быть твоим другом. Что ты предпочитаешь?»

Подняв руки, я делаю преувеличенный жест капитуляции.

«Друзья».

«Хорошо, – говорит он. – Она выбрала его. У него есть имя. Когда ты примешь ее выбор, ты будешь свободен».

«Не так-то все просто, приятель».

«*К тебе* это не относится. Она на своем Камино, ты на своем Камино, и, возможно, они больше не пересекаются. Ты любишь ее?»

«Да».

«Тогда люби ее».

«Я так и делаю», – говорю я.

Он качает головой: «Если тот, кто делает ее счастливой, – это не ты, то так тому и быть. Это и есть любовь».

«Черт, – говорю я. – Это больно».

«Больно не от любви. Больно от нелюбви».

Вот же черт, черт, черт… Я отвожу взгляд, чтобы он не видел, как я сглатываю слезы. Он делает вид, что не замечает.

«Я планировал поступить в медицинскую школу, вероятно, где-то далеко от города, а вся ее семья была в Нью-Йорке, и ты знаешь, я…»

«Ты перечисляешь факты. Это и есть страх. В любви факты становятся неуместными».

По водостокам течет, с навесов капает, машина с плеском проезжает по луже. Повсюду слышен шум воды.

«Мне кажется, я повел себя как трус», – тихо говорю я.

«Очень глупая привычка, уверяю тебя. Чем больше ты закрываешь свое сердце, тем чаще оно разбивается. Ирония жизни».

Он наклоняется вперед, похлопывает меня по груди.

«Можно я скажу тебе кое-что как настоящий друг?»

«Сделай одолжение».

«Глупо думать, что твоя боль какая-то особенная. Тебе больно, мне больно. Мир полон боли».

Я поднимаю руку, чтобы возразить, но опускаю ее.

«*Il n'est pas votre blessure qui vous rend spécial*»³³.

Затем он откидывается назад, ждет.

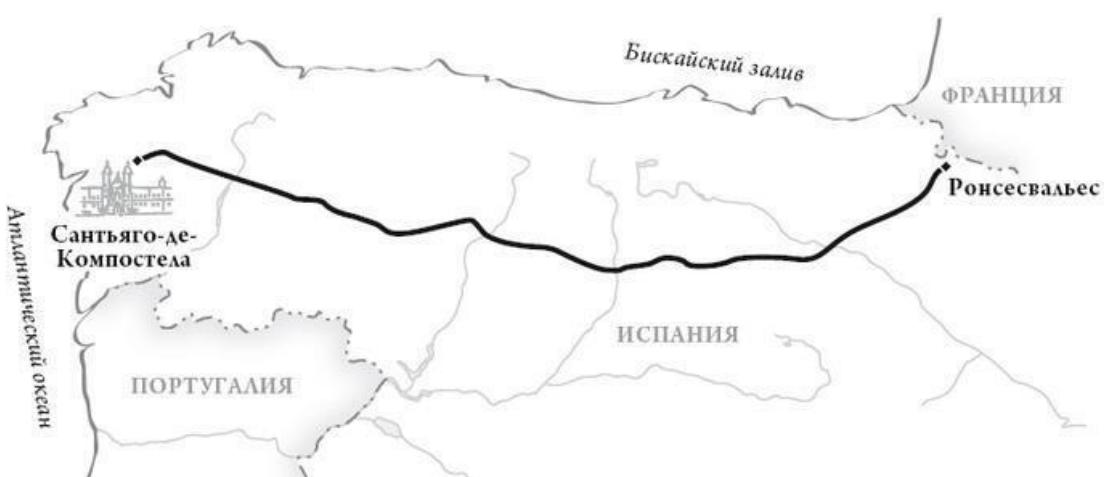
«Что это означает?»

«Не твоя рана делает тебя особым».

На его усталом лице появляется добрая улыбка.

«Особенным тебя делает свет, который пробивается сквозь нее».

Ветер свистит на узкой улочке. Он врывается в дверной проем, сдувает салфетки со стола.

³³ Не твоя рана делает тебя особым – фр.

День восемнадцатый

Дорога резко спускается в сочную долину, ведет мимо развалин монастыря и выравнивается рядами толстых тополей, растущих по обочинам. Листья мокрые, и когда их колышет ветерок, кажется, что идет легкий дождь. Здесь нет автомобильного движения и щебечут птицы.

«Как же здесь хорошо», – тихо говорит Лоик, шагая рядом со мной.

В такие моменты, как этот – под открытым небом и плечом к плечу с отличным другом, – нет на свете другого места, где я хотел бы оказаться.

«Знаешь, – говорю я, – я, кажется, слегка запал на одну паломницу».

«Превосходно».

«Хотя она не чета мне. Немного старше. Определенно мудрее».

«Женщина всегда мудрее тебя», – говорит он. – Особенно в сердечных делах. *Mon ami*, ты избавишь себя от десятилетий страданий, как только смиришься с этим».

«Она бразильянка».

Он одобрительно кивает: «Хороший выбор».

Впереди виднеется деревня с церковной башней, высоким красно-белым журавлем и тесно сгрудившимися домами. На белом указателе на обочине дороги указано название: Кастрохерис.

«А если я совершаю ошибку?»

«К счастью, ты молод, – говорит он. – Если тебе от этого легче, то знай, что ты совершишь еще много ошибок. Тех, что похуже».

«И как это должно помочь мне?»

Он разражается смехом: «Я не хотел тебя обескуражить. Скорее вдохнуть надежду».

Я смеюсь, а потом вспоминаю это слово. Впервые, когда я позвонил отцу после того, как ему поставили диагноз, я спросил, могу ли я что-нибудь сделать.

«Надежда», – сказал он. – Ты можешь дать мне надежду».

Как же давно это было. Что имел в виду мой отец?

Лоик пристально наблюдает за мной: «У тебя опять изменилось настроение».

Я гоню воспоминания прочь.

«Итак, любовь к женщине».

«О, – говорит он, – ощущение прикосновения женской кожи к твоей – ни с чем не сравнимое чувство. Даже хорошая еда и выпивка не идут ни в какое сравнение».

Он подыгрывает мне, и я улыбаюсь, чтобы дать ему понять, что ценю это.

«Даже, скажем, самое лучшее французское вино?»

Он задумывается над этим – на этот раз серьезно. По-видимому, это обоснованный вопрос.

«Это зависит от вина. Но быть лучше женщины – он целует кончики большого и указательного пальцев, – это должно быть подобно крови Христа».

За крышами Кастрохериса земля становится плоской, затем поднимается вверх, как утес. Справа остается побуревший холм с развалинами замка. Мы входим в деревню и идем по узким улочкам к приюту.

Внутри на стенах пятна от воды, пахнет мокрой сосной, и я вижу пар, поднимающийся от моего дыхания. Группа паломников стоит у входа и поет по-испански. Грузный мужчина с темной бородой до живота стоит лицом к ним и дирижирует, безумно размахивая руками.

Эта сцена напоминает мне о Роне. Я скучаю по англичанину, который днем гонялся за призраками, а ночью пел и плакал. Каждый встреченный тобою паломник, независимо от того,

как долго вы общались, оставляет в твоей душе свой отпечаток. Я начинаю понимать, что в этом-то и заключается особенность такого рода путешествий.

Когда представление заканчивается, мужчина забирает листы с текстами песен и подходит к стойке регистрации. Очки с толстыми квадратными стеклами закрывают верхнюю половину его лица, в то время как остальную часть закрывает борода. Он ставит печати на наших *credenciales*, собирает плату, затем подает сигнал Лоику подняться по лестнице.

«Пошли», – говорит мне Лоик и начинает подниматься.

Мужчина кладет обе руки мне на плечи и поворачивает меня к спальной комнате слева. Сквозь темный дверной проем я вижу бельевые веревки, натянутые от стены к стене. Комната разделена на отдельные зоны, каждая из которых похожа на тесное купе поезда с четырьмя кроватями. Но кроме этого здесь нет ни окон, ни вида холмистой местности, ни стука колес. Только серый цемент.

Лоик останавливается. «Нет, – говорит он *hospitalero*. – Он со мной».

Все еще держа руки на моих плечах, мужчина ворчит и толкает меня в сторону темной комнаты так, что я почти спотыкаюсь. Лоик бросает свой рюкзак и сбегает вниз по лестнице.

«Мы друзья, – говорит он, в упор глядя на *hospitalero*. – Мы будем вместе».

Мужчина выпрямляется. Он на голову выше Лоика и в два раза шире в плечах.

«Все в порядке, – говорю я Лоику. – Я все равно просто хочу поспать».

«Нет. Друзья должны быть вместе».

Мы заглянули на лестницу раньше, пока ждали. Там было гораздо лучше: деревянные полы, высокие потолки, двухъярусные кровати и множество окон.

«Послушай, – говорю я Лоику, – не велика беда».

Он поднимается по лестнице, хватает свой рюкзак и спускается вниз. Я следую за ним в цементную комнату, и мы бросаем наши рюкзаки на пустые койки.

«Спасибо. Но тебе не стоило...»

«*Hospitalero*, – шепчет он, оглядываясь по сторонам, – любят все контролировать».

«Может, он фашист», – говорю я.

Кажется, это поднимает ему настроение. «Ну да, наверное. Приют, которым управляет фашист. Фашист из Камино. Это глупо, конечно. Такие уж правила на Камино. Кто их только придумал?»

После ужина я сворачиваюсь калачиком на своей койке и слушаю громкий храп паломников, отдающийся эхом. В темном купе, снова наедине со своими мыслями.

Когда я навещал своего отца, Сью тоже пошла со мной. Мы подошли к группе небольших кирпичных многоквартирных домов. Они стояли рядом, как ящики для игрушек. Она нежно поцеловала меня в щеку, а затем зашла ждать меня в ближайший продуктовый магазин. Я хотел пойти к нему один.

Я вздохнул, вошел и стал подниматься по лестнице, когда стальная дверь с громким стуком захлопнулась за мной. Лестница была серого металлического цвета, краска на ней облупилась. На первой ступеньке был грязный отпечаток ботинка.

Четвертый этаж, квартира С. Дверь была открыта. Внутри кто-то разговаривал. Я поступил и услышал скрипучий голос: «Войдите».

Я медленно заглянул внутрь. Напротив двери стояло сложенное инвалидное кресло: синее сиденье провисло между колесами. Справа от меня были ходунки: яркие, блестящие, с бледными резиновыми рукоятками. Мне потребовалось все мое мужество, чтобы не развернуться и не сбежать.

Он сидел на диване у стены, прижав телефон к уху. Перпендикулярно стоял еще один диван, а посередине кофейный столик. Он поднял глаза и улыбнулся.

«Ты здесь», – сказал он. Это прозвучало как вопрос.

На нем была белая футболка и белые брюки, но они так свободно висели на нем, что было похоже, будто он одет в занавески. На голове у него была синяя бейсболка с надписью «Янкиз». Мы пожали друг другу руки, и его ладонь утонула в моей. Через дверь в спальню я увидел стены, увешанные фотографиями, полками с книгами и всяkim мелким хламом, собранным за жизнь.

Человек, которого я знал только по воспоминаниям.

Его глаза следили за каждым моим движением. Он повесил трубку, предложил мне поесть или что-нибудь выпить.

«Я уже поел, – сказал я ему. – Плотно пообедал». Ложь.

«Поешь немного, – сказал он. – Попробуй».

Я похлопал себя по животу: «Я наелся».

Я был слишком напуган. Чтобы подойти ближе, чтобы есть из его тарелки, пить из его чашки.

В разговоре были паузы, и я чуть не заснул, уставший от того, что не спал накануне ночью. За окном росло дерево. Небо было светло-голубым, и листья дрожали. Откуда взялся ветер в бетонном городе?

Он встал и пошел в спальню, используя ходунки. Это был медленный процесс: он с усилием держал их, навалился всем весом на металл и сделал несколько осторожных шагов. Это заняло бесконечность, но я увидел торжество на его лице. Он порылся в своем шкафу и предложил мне рубашку.

«Я всегда покупаю все по две штуки», – сказал он.

Я не смог взять ее, вместо этого придумал отговорку о том, что сам выбираю себе одежду. Он повесил рубашку на вешалку и кивнул. В тот момент я понял, что он знает, и что-то внутри меня сжалось. И все же я не мог ее взять.

«Похоже, ты часто тренируешься, мой мальчик, – он похлопал меня по плечу. – Я очень впечатлен твоим телосложением».

Его тело было худым и хрупким. Большие ладони, прикрепленные к тощим рукам. Из его груди торчал катетер, похожий на крошечное копье. Я вспомнил тот вечер, когда он позвонил мне рассказать об этом. Ординатор-хирург неправильно вставил его, и ему пришлось повторить болезненную процедуру.

«Они режут меня на части, – сказал он надтреснутым голосом. – Кромсают меня».

Стоя рядом с ним, я чувствовал, как во мне нарастает ненависть к профессии, которую я выбрал, к тому, как медицинская система уничтожает тело, пытаясь спасти его.

«Ты только сравни, – он указал на фотографию со своим портретом на прикроватной тумбочке. Волосы зачесаны назад, рубашка и галстук, лицо не такое худое. – Снято в прошлом году. Когда я был здоров».

Он замолчал, глубоко задумавшись.

«Судьба – странная штука».

Наконец, впервые с тех пор, как я вошел, я посмотрел ему в глаза. Запавшие, уставшие – и все же те самые, что я помнил. Крики. Удары. Я боялся этих глаз. Но вместо прежнего страха я почувствовал глубокое беспокойство, укол гнева.

Он вернулся на свой диван в гостиной. Сказал, что планирует встретить Новый год через четыре года. И тут же он наклонился вперед и попросил меня перевезти его прах в Индию, чтобы продолжить традицию его предков. Наших предков.

Я неловко рассмеялся.

«Давай поговорим об этом через четыре года», – сказал я.

Несколько месяцев спустя он скончался. И не успел я опомниться, как оказался здесь, где-то на задворках Испании, лежа без сна в темной комнате, напоминающей тюрьму.

«Есть причина, по которой ты здесь», – сказал Лоик, и когда-нибудь эти слова обретут смысл.

День девятнадцатый

Мы идем по глинистой тропе, петляющей мимо рядов вспаханной земли. На полях нет посевов. Ветер поднимает в воздух мелкие частицы песка и глины. Это все равно что идти сквозь тонкий красный туман.

Я иду вместе с епископальным священником из Северной Каролины. Это спокойный и вдумчивый человек – неплохие качества для служителя церкви. Он рассказывает мне о своем приходе и о том, что, хоть скучает по нему, хорошо побывать вдали.

«Могу я задать вам вопрос?»

На мгновение я чувствую себя глупо. Человек в отпуске, а я прошу его поработать. Но он поощрительно улыбается. Это одна из самых теплых улыбок, которые я когда-либо видел: ласковая и медленная, она расползается по его лицу и бороде, пока не разглаживаются даже тонкие морщинки вокруг глаз.

«Конечно».

«Почему на свете существует страдание?»

Улыбка слегка угасает, и он изучает меня. Выражение лица у него доброе.

«Возможно, вам стоит быть более конкретным», – наконец говорит он.

«Я думаю о своем отце, – говорю я. – Я могу смириться с тем, что он должен был умереть. Это часть жизни. Чего я не могу понять, так это его мучений от рака. Почему его тело должно было распасться при жизни? Никто, ни один человек не заслуживает так страдать».

Ветер снова усиливается. Я ощущаю на губах привкус глины и прищуриваюсь.

«Вопрос о страдании, – говорит он, и его южный акцент усиливается на фоне ветра, – это извечный вопрос. В книге Иова вопрошаются о том же. Вы читали “Братьев Карамазовых”?»

Я утвердительно киваю головой.

«Достоевский спрашивает: если Господь всеялаг, то почему существует страдание? – он оглаживает рукой бороду. – За неделю до моего отъезда в Испанию я присутствовал на похоронах молодого человека, который только что окончил среднюю школу. У него была вся жизнь впереди. Он погиб в автомобильной катастрофе. Что я должен был сказать его семье? Как я должен был их утешить?»

Чуть дальше Лоик смеется с двумя малолетними сыновьями священника.

«По правде говоря, – продолжает священник, – я не уверен, что у кого-то есть правильный ответ. Так что, возможно, вам нужно задать другой вопрос».

«Какой именно?»

«Ну, вы могли бы попробовать спросить почему. Почему я? Почему сейчас? Почему здесь? Почему это происходит? Но я не верю, что вы найдете то, что ищете. Задайте другой вопрос: что дальше? Теперь, когда это произошло, что мне делать?»

Ветер завывает над бесплодными полями.

«Люди обладают удивительной стойкостью, способностью переносить худшие испытания, которые только можно вообразить, – голод, геноцид, любые тяготы, и все равно они выживают. Не только выживают, но иногда и процветают. Как? Как им это удается? Я бы рискнул предположить, что это происходит не потому, что они сосредоточиваются на вопросе “почему?”, а потому, что продолжают жить, вопрошая “что дальше?” Возможно, и вам стоит попробовать».

Он отхлебывает из своей бутылки.

Мой отец умер.

Что дальше?

Он страдал в одиночестве, а я ничего не делал.

Что дальше?

Глазами ребенка я посмотрел на своего отца и увидел того, кого стоило бояться. Глазами взрослого человека я увидел в нем человека, который страдал. Глазами сына я наблюдал, как он умирал.

Что дальше?

Я не знаю ответа, но каждый раз, когда я задаюсь этим вопросом, мне становится немного легче. Я не могу изменить того, что произошло, но что я буду с этим делать? Я знаю, что ответ зависит от меня.

Он ждет, когда я скажу что-нибудь.

«Я чувствовал себя таким беспомощным после его смерти, – говорю я. – Я хотел что-то решить, исправить ошибки – как его, так и свои, – но я не мог. Но, может быть, я сумею выбрать то, что происходит из этого».

Он широко улыбается: «Возможно, вы уже сделали это».

Мы добираемся до приюта во Фромисте как раз в тот момент, когда солнце опускается за крыши деревни. *Hospitalero* замечает, что я заглядываю в пустые шкафы, и спрашивает, что я делаю. Когда я поясняю, что ищу одеяла, он спрашивает, что случилось с моим спальным мешком.

«У меня его нет», – говорю я.

«Нет спального мешка? – он хлопает себя по лбу. – Вы с ума сошли?»

Он подзывает какого-то человека из кухни, и они быстро говорят между собой по-испански, оглядываясь на меня и смеясь. «Вы вообще понимаете, куда идете? – спрашивает *hospitalero* высоким голосом. – В горы. Горы! Будет холодно. В приютах нет одеял, – он погрозил пальцем. – Вам будет очень холодно».

Я пожимаю плечами и ухожу.

«Подождите, – кричит он. – Вам что – все равно?»

Я спускаюсь по лестнице, ничего не отвечая. Этот человек разговаривает со случайным паломником, который провел последние пару месяцев, мотаясь по миру без каких-либо планов или подходящего снаряжения. Все улаживается само собой.

Во Фромисте есть несколько церквей, что не удивляет никого на Камино. Не имеет значения, найдется ли в деревне хоть пара коров, десять кур и три жителя. Там есть церковь. В некоторых их две или три, в то время как в каждом городе, кажется, есть собор.

В одной из них я нахожу Лоика, сидящего на задней скамье во время вечерней мессы, и присоединяюсь к нему. Несколько стариков и женщин внимают священнику, который стоит у алтаря, быстро читает, делая паузы, пока прихожане бормочут в унисон, затем снова читает. Это совсем не похоже на падре, который готовил чесночный суп. Когда мы выходим, Лоик молчит.

«Ты ведь будешь скучать по всему этому?» – спрашиваю я. Вчера он узнал, что ему нужно вернуться на работу. Сегодня его последний день на Камино.

Он улыбается, выглядя усталым. Складки у него под глазами становятся глубже.

«Пошли, – продолжаю я, – нам нужно найти бар, распить бутылочку вина».

«Да, да, конечно, – говорит он, затем улыбается. – Я горжусь тобой. Теперь ты мыслишь как француз».

Ночью, после пары бутылок вина, я лежу в спальном мешке, любезно предоставленном паломником, который решил остановиться в хостеле с чистыми простынями, одеялами и горячей водой. Лоик тихо похрапывает на соседней койке. Завтра, пока я буду идти на запад, он сядет на автобус до Бургоса, а затем на поезд до Парижа. Я буду скучать по нему. Очень. Я думаю обо всех встреченных людях, о пройденных вместе милях, об опыте, которым мы делились друг с другом, – а теперь все они ушли.

Дайте человеку несколько волнистых линий или набор точек, и он разглядит в этом узор.

Естественная попытка разобраться в случайности. Когда я оглядываюсь назад на это путешествие, я по-прежнему вижу лишь череду событий. Менее чем через день Камино де Сантьяго станет для Лоика воспоминанием, предметом для размышлений в свободную минуту. У него будет роскошь, которой нет у меня: перспектива.

Снаружи проезжает машина, свет фар отражается в окне. Тени скользят по стене. Чувствуя грусть и немного одиночества, я думаю о Сью и Розанджеле, и когда мне кажется, что я просто закрываю глаза, Лоик легонько тормошит меня. На улице уже светло.

«Извини, что разбудил тебя, – говорит он, – но я хотел попрощаться».

«Нет, нет, – говорю я, моргая, прогоняя сон. – Рад, что ты это сделал». Я встаю, пошатываясь. «Я буду скучать по тебе, Лоик».

Он кивает. «Я надеюсь, ты приедешь в Париж. Я буду очень рад видеть тебя своим гостем».

«Обязательно, – говорю я, мой голос слегка срывается. – Обязательно».

Я замечаю его рюкзак на полу, мои вещи лежат сверху. На нем надет мой рюкзак.

«Лоик».

Он качает головой.

«Я хочу быть уверенным, что у тебя есть нормальный рюкзак».

«О боже, – я крепко обнимаю его. – Спасибо».

Он отступает назад, кладет руки мне на плечи и улыбается.

«Никаких больше подделок, *mon ami*».

«*Mon ami*».

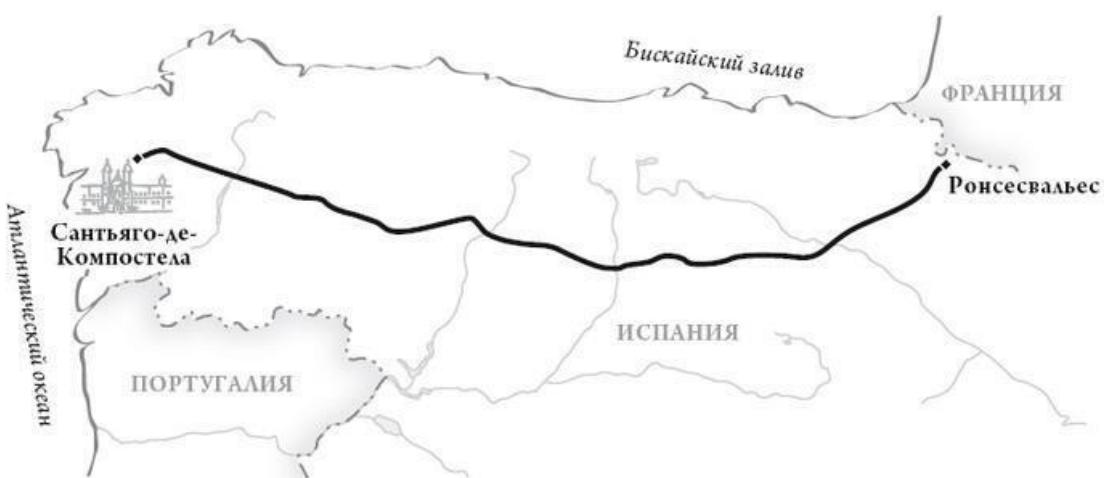
Он подходит к двери, поворачивается ко мне. Он явно хочет еще что-то сказать. Я жду.

«Я совершил много ошибок в своей жизни, – наконец говорит он. – Все, чем я поделился с тобой, основано на моем личном опыте. Я был предвзят, и ты должен это понимать. Дело в том, что когда ты любишь кого-то, ты хочешь, чтобы у него все было идеально. Даже боль. А вот чего ты хочешь избежать, так это ненужной боли у этого человека. Вот что я подразумеваю под идеалом».

Я начинаю что-то говорить, но он отмахивается от меня. Некоторое время усмехается.

«Я желаю тебе идеального Камино».

Он выходит за дверь. Я слышу его шаги на лестнице, затем вижу его в окно – моя старая подделка под Lowe Alpine подпрыгивает вверх-вниз на его плечах.

День двадцать первый

Два шоссе, разделенные широким участком коричневой травы, тянутся мимо сухих, бесплодных полей и уходят за горизонт, как параллельные линии, которые на расстоянии становятся ближе, но никогда не соединяются. Они направляются на запад. Мой рюкзак кажется тяжелым, а футболка влажной от пота.

Я ташусь по обочине одного из шоссе, один, если не считать редких грузовиков. Они мерцают на жаре, становятся громче и больше, а затем проносятся мимо с порывом горячего воздуха. Иногда я машу рукой. Иногда водитель нажимает на клаксон. Шум расходится рябью и повисает в воздухе до тех пор, пока грузовик снова не превращается в пятнышко.

Я следую по желтым стрелкам, нарисованным на дорожных знаках и технических столбах. Через дорогу стоит каменный памятник в форме стройной пирамиды со скамейкой перед ним. Он белый, высотой с меня.

Этот регион называется Месета, сказал мне один немецкий паломник. Начинается в Бургосе, заканчивается в Леоне. Страна Смерти. Эта область Испании, где выращивают кукурузу, расположена на высоте девятисот метров над уровнем моря.

«Это суровый край, – сказал он. – Здесь девять месяцев длится зима и три месяца – ад». Он смолк и повторил это снова: «Ад».

«Дайте угадаю, – сказал я. – Мы попали в эти три месяца?»

Он кивнул: «Здесь, на этой земле, человек может найти себя».

Я пью теплую воду с привкусом пластика из своей бутылки и немного отдыхаю на скамейке. Мемориальная доска на памятнике гласит, что местная комарка построила специальную дорогу для паломников длиной в тридцать шесть километров. Сухая грунтовая дорожка шириной около десяти футов, обсаженная небольшими голыми деревьями, начинается у подножия памятника и ведет в сторону от шоссе.

После кремации моего отца я сидел в его квартире, окруженный коробками и мешками для мусора. Я был здесь всего лишь второй раз в жизни. Первый визит был кратким. На этот раз у меня была определенная цель. Здесь было все, что он накопил за свою жизнь. У меня была неделя, чтобы все это выбросить.

Я наткнулся на лист бумаги с именами и номерами телефонов. Сверху обычными чернилами было написано: «В случае смерти звоните».

В случае смерти.

Я сжал список в руке и плохнулся на его кровать. Был серый, пасмурный день. Мимо прогрохотал поезд. У кого-то внизу был включен телевизор, и я услышал музыку. Она проникала сквозь полы, заполняла стены, плыла из окон.

Однажды я разговаривал с ним по телефону: я сидел на теплой кухне и собирался забраться в постель к Сью, а он на другом конце города говорил, что его должны повторно госпитализировать.

«От их лечения мне становится хуже, – сказал он. Затем, как ребенок, спросил: – Когда мне станет лучше?»

Я хранил молчание, никогда не упоминая о смерти, никогда не спрашивая, как онправлялся с болью, с химиотерапией, хотел ли он когда-нибудь, чтобы его кто-нибудь обнял, когда он лежал один в темноте, пока его тело пожирало само себя. Я боялся сближаться с ним, боялся чувствовать. Я боялся стольких вещей.

Маленькая желтая стрелка у основания памятника указывает путь. Именно тогда я понимаю, что не слишком задумывался о том, кто их рисует. Обо всех тех безымянных добровольцах, выполняющих эту работу на протяжении столетий – о тех, без кого паломники заблуди-

лись бы. Я бы заблудился. Это меня поражает. Как раз в тот момент, когда ты думаешь, что ты одинок, ты начинаешь понимать, что это не так.

Мои потрескавшиеся губы болят и имеют солоноватый привкус, когда я провожу по ним языком. Высоко в небе реактивный самолет оставляет за собой ленивый белый след. На небе ни облачка, и щуриться на солнце больно. Сколько времени потребуется самолету, чтобы пересечь этот участок? Наверное, несколько минут. У меня же это занимает дни.

Я впитываю этот момент. Грязь, бесплодные поля, жара, широко раскинувшееся небо. Желтая стрелка. Я поднимаю тяжесть всего, что несу, и продолжаю путь на запад.

День двадцать третий

Дорога длиною в тридцать шесть километров заканчивается за разрушающимися средневековыми стенами городка Мансилья-де-лас-Мулас. Зарегистрировавшись в приюте и заняв койку, я расслабляюсь в кресле во внутреннем дворе. Закрыв глаза, я откидываю голову назад и чувствую лучи вечернего солнца на своем лице.

Мимо проходят паломники, их сандалии шлепают по цементу. Рядом разговаривает женщина с британским акцентом, ее голос звучит нежно и умиротворяюще. Несколько раз она принимается смеяться.

«Но вот что я вам скажу, – слышу я ее слова. – Испанцы немного напоминают мне африканцев. Африканцы меня потрясли. Их красота, их дух просто неподражаемы».

Потом она что-то тихо говорит, смеется, и другой голос смеется вместе с ней. Знакомый мужской голос: Ник. Я смотрю налево и вижу, что он сидит за одним столиком с этой женщиной. Ей, должно быть, где-то чуть за шестьдесят. Ее серебристые волосы подстрижены коротко, почти по-мальчишески, и беспорядочно падают на лоб. У нее алые щеки и зеленые глаза.

Она замечает меня и улыбается, отчего морщинки вокруг ее рта разглаживаются. Я улыбаюсь в ответ, снова откидываюсь назад и закрываю глаза.

Кто-то пробегает мимо, стуча ботинками по полу. Я потираю затекшую шею и медленно разминаю ее: тяну левое ухо к левому плечу, правое ухо к правому плечу, подбородок к груди. Двое мужчин садятся позади меня, они громко и быстро разговаривают по-французски. Это наводит меня на мысли о Лоике. Путешествуя, привыкаешь к приветствиям и прощениям, но время от времени встречаешь того редкого человека, который заставляет тебя задуматься, как твоя жизнь вообще существовала без него.

Когда мужчины уходят, я снова слышу голос женщины.

«...а ведь нас предупреждали об алжирской таможне и о том, что там тебя запросто могут убить, и тому подобном».

Я открываю глаза. Небо темно-синего цвета, каким оно становится после захода солнца.

«Нам пришлось переночевать на таможне, – продолжает она, – потому что сотрудник ушел домой на ночь. На следующий день в его кабинете, пока мы заполняли стопки бланков, я увидела на стене длинный такой хлыст. Парень с таможни потчевал меня байками о том, как он убивал людей этим хлыстом, и я спросила: “Неужели это правда?”

“О да”, – сказал он. Я не знала, как правильно реагировать, поэтому много улыбалась и кивала головой.

“Вы же не собираетесь нас убивать?” – спросила я его.

“О нет – сказал он. – Вы слишком милая”».

Женщина определенно привлекла мое внимание.

«И знаете, – говорит она, – это может прозвучать странно, но я убедилась в том, что это так: гораздо страшнее подвергаться преследованиям со стороны полиции в собственной стране, чем оказаться на прицеле в какой-нибудь стране третьего мира. У нас на Западе существует система, и она с легкостью может быть направлена против тебя, тогда как в странах третьего мира – а на меня много раз наставляли оружие – всегда есть выход. Сигареты, деньги, что-то еще. Те, кто держит оружие, обычно просто мальчишки, еще более напуганные, чем ты».

«Что вы делали в Африке? – спрашивает Ник, озвучивая вопрос, которым задаюсь и я.

«Работала, – говорит она. – Я медсестра».

Я сажусь.

«Неужели вы все еще там работаете?» – спрашивает он.

«О боже, нет, – говорит она. – Вообще-то я только что вернулась из Турции, но в основном я работаю в Лондоне».

«Вы работаете по приглашению?» – я не могу удержаться от вопроса.

Это заставляет ее рассмеяться. «Да, – говорит она, – полагаю, что я работаю по приглашению, когда я на съемках. Видите ли, я работаю на съемочных площадках».

«На съемочных площадках? Там, где снимают кино?»

Она берет из пепельницы сигарету, затягивается. Выпускает дым из ноздрей.

«Разумеется. Я занимаюсь этим уже более двадцати лет. Полагаю, это все, что я теперь умею. Боже, а от этой мысли мне самой немного тревожно». Она шурится сквозь дым. «Послушайте, вы американец?»

Я киваю: «Угадали».

Длинные ноги Ника сложены под столом. Его бакенбарды стали еще гуще, чем когда я видел его в последний раз.

«Полагаю, ты уже встречался с Кэт?»

«Нет, – говорю я, а потом, обращаясь к ней: – Я Амит».

«Ну конечно, – говорит она, улыбаясь. – У вас красивый индийский оттенок кожи».

Она тушит сигарету в пепельнице и начинает писать в своем дневнике. Я извиняюсь и иду ужинать, а когда возвращаюсь в приют, уже темно. Во внутреннем дворе столы и стулья сложены в одном углу, и паломники сидят в кругу на цементном полу возле большого горшка. Постиранное белье свисает с веревок, растянутых наверху.

«Давай, присоединяйся к нам».

Этот певучий голос. Я наполовину иду, наполовину подбегаю и сажусь между Розанджелой и *hospitalera* – на удивление молодой женщиной, едва вышедшей из подросткового возраста.

«Привет. Где вы были?»

«Шла одна, – радостно говорит она. – Давала себе то, что мне было нужно».

Мы улыбаёмся друг другу.

«На сердце такая легкость... Оно начинает открываться».

Моя улыбка ширится.

«Тсс», – говорит *hospitalera*, помешивая в кастрюле половником. Внутри танцуют сине-оранжевые языки пламени.

«Что происходит?» – спрашиваю я Розанджелу.

«*Quemada*³⁴», – шагает она.

Hospitalera снова шикает на нас, пламя отбрасывает тени на ее лицо. Она добавляет кофейные зерна, апельсиновую цедру, сахар и продолжает помешивать. Мы должны сосредоточиться.

Сладкий запах *кеймады* смешивается с духами Розанджелы. Мы все сидим в тесном кругу, и всякий раз, когда кто-то двигается, она прижимается ко мне. Ее кожа мягкая и теплая, и я чувствую приятную боль в груди.

«Внимание, – громко произносит *hospitalera*. Она достает из сумочки свиток, разворачивает его и поднимает обеими руками, как трофеи. – Это очень важно. Когда я скажу “Сейчас”, завывайте».

Она читает со свитка, повышая голос в конце каждого предложения.

«*Ahora*³⁵», – говорит она.

Некоторые паломники тихонько подзывают.

«Нет, нет, – говорит она, – как собаки». Потом она воет так громко, что мне приходится заткнуть уши.

Она читает еще несколько предложений.

³⁴ Кеймада – горячий алкогольный напиток типа пунша, традиционный для Галисии (*прим. пер.*).

³⁵ Сейчас – исп.

«Ahora».

Мы воем.

«Ahora».

Мы воем, тякаем, гавкаем.

Когда она заканчивает читать, мы все еще воем. Она поднимает руку, пока мы не затихаем, затем наполняет чашку жидкостью и подносит ее ко рту. Мужчина воет. Она делает глоток. Мы воем и ликуем.

Она передает чашку мне. Достаточно просто подержать ее под носом, чтобы у меня закружила голова. Это чистый спирт. Я делаю маленький глоток. Он обжигает мне все горло, из-за чего я кашляю, а глаза начинают слезиться.

«Не так», – говорит испанец.

Выхватив у меня чашку, он запрокидывает голову и делает большой глоток. Он вытирает губы ладонью и ухмыляется.

Чашка наполняется заново всякий раз, когда она проходит мимо *hospitalera*. После трех раундов земля начинает уходить из-под ног, после четвертого я чувствую, что плыву. Женщина в кругу начинает петь по-испански. В одной руке она держит сигарету, а другой играет со своими длинными темными волосами. Ее голос напоминает мне о прогулке в одиночестве по пшеничным полям, о том, как ветер колышет золотистые стебли.

Один за другим паломники отправляются спать, пока не остаются только бразильцы, Ник, *hospitalera* и я. Бразильцы танцуют по очереди, в то время как остальные поют, хлопают в ладости, притопывают ногами. Я наблюдаю, как Розанджела, положив одну руку на талию, а другую высоко подняв, танцует в центре. Ее живот загорелый и гладкий. Она делает маленькие шажки, перебирая босыми ногами, ногти у нее на ногах выкрашены в темно-красный цвет.

Я хочу протянуть руку, обнять ее, почувствовать свою руку на ее талии, заглянуть в ее глаза. Забыть обо всем и просто танцевать – она и я, – двигаясь вместе, чувствуя и не чувствуя ничего – звезды кружатся над головой, как дуги света. *Hospitalera* хлопает в ладости.

«Слушайте, – громко говорит она. – Если вы хотите потанцевать, мы должны пойти в бар к моему другу».

Она ведет нас по городу, останавливается у двери без таблички рядом с пиццерией. Звонит в колокольчик и ждет, пока не щелкнет замок на двери.

«Заходите», – говорит она. Бар находится наверху, и он пуст. Бразильцы не теряют времени даром. Один переключает музыку в стереосистеме, в то время как другие убирают столы и стулья. Затем они танцуют.

Мы с Ником стоим у стойки, попивая пиво.

«Только посмотри на нее», – говорит он, указывая горлышком своей бутылки.

От нее невозможно отвести взгляда. Глаза закрыты, на губах улыбка, она танцует исключительно для себя. Словно по сигналу, Ник допивает свое пиво и идет прямо туда. Он присоединяется к ней, и они танцуют, он делает большие шаги, стучая ботинками по полу, она вьется вокруг него. Эта улыбка. Я остаюсь у стойки, пью виски и ловлю свое отражение в зеркале за стойкой: нечеткий образ, небритый, загорелый, в грязной белой футболке, серых туристических брюках. Вокруг моего отражения танцуют люди, пока оно остается неподвижным.

А затем я наблюдаю, словно в замедленной съемке, как он наклоняется, прижимается губами к ее губам. Она позволяет ему задержаться на мгновение, затем отстраняется. Он пробует снова, но на этот раз безуспешно. Он танцует вокруг нее, притопывая, притоптывая, притоптывая, а я смотрю, пока больше не могу этого выносить.

На лестничной клетке музыка звучит тише и приглушенней. Когда я выхожу на улицу, у меня громко звенит в ушах. Если бы Лоик был здесь, он бы сказал мне... тут я спохватываюсь. Его нет, и я один. Снова. Сью от меня ушла. Моя грудь сжимается от чувств к женщине, которая к этому явно не готова и, вероятно, не заинтересуется, даже если будет готова. Какой же я трус.

Я прохожу мимо закрытых магазинов, пока не натыкаюсь на недостроенную стену на строительной площадке. Она мне по плечо. Я взбираюсь на нее и балансирую на краю. Луна – размытая полоска в темноте.

Монах возвращается, подняв одну руку в благословении.

«Скажи “да”».

Я показываю ему средний палец.

«Всему, что происходит».

Обе руки, средние пальцы.

«Скажи “да”».

Я спрыгиваю вниз, хватаю кирпич и бросаю в него. Он громыхает по улице. Монах улыбается, но на этот раз это выглядит как ухмылка. Он по-детски смеется надо мной.

«Какой у меня есть выбор?» – бормочу я.

Его улыбка смягчается.

«Извини», – говорю я.

Улыбка становится шире, и я снова чувствую тепло.

«Скажи “да”».

Война на исходящие с монахом, превосходство явно на его стороне.

Я киваю: «Ладно. Ладно».

Затем я, спотыкаясь, возвращаюсь в приют. Завтра мне опять предстоит идти по Камино.

День двадцать пятый

По утрам в Леоне тихо. Кафе и магазины закрыты ставнями, уличное движение отсутствует. Кэт стоит за воротами собора, прикрыв глаза ладонью, вглядываясь в витражное окно на фасаде. Круглое, по форме напоминающее лучи солнца, оно самое большое из всех, что я видел.

Я бросаю свой рюкзак рядом с ее. «Красиво, правда?»

Она опускает руку и улыбается: «О, привет. Как у тебя дела?»

«Хорошо, – говорю я. – Прошлой ночью я побаловал себя: переночевал в *pensión* и принял ванну».

«Я тоже, – говорит она. – В приюте было довольно скучно: монахини, которые им управляем, забирают у тебя паспорт, настоящий, а не *credencial*, и к восьми вечера уже запирают всех внутри. Пожалуй, я немного старовата для этого».

Она вытряхивает сигарету из пачки, прикуривает и предлагает мне одну, но я отказываюсь.

«Вот и молодец, – говорит она. – Довольно паршивая привычка, но, как видишь, бросать я пока не собираюсь».

Паломники стекаются на площадь, сидят на скамейках, фотографируют собор. Один из них упоминает, что в нем более сотни витражей.

«Послушай, – Кэт кладет руку мне на плечо. – У тебя что – шея немного не в порядке?»

Она легонько сжимает ее, заставляя меня вздрогнуть, и убирает руку.

«Ну да».

Она кивает: «Тебе, должно быть, неудобно».

«Ванна помогла, – говорю я. – Как вы узнали?»

Она смотрит на меня ласковыми зелеными глазами: «Это очевидно для опытного наблюдателя».

Когда мы собираемся уходить, мы видим, как Ник пересекает площадь и машет нам, чтобы мы подождали.

«Забей, – бормочет он в качестве приветствия. – Проклятые монахини заставили меня пойти на мессу».

Мы покидаем площадь и идем по Леону. Кэт идет медленно, Ник не в настроении разговаривать, и в любом случае он не самый мой любимый собеседник. Мы находим открытое кафе, садимся внутри за столик, стоящий возле окна, и заказываем поджаренный хлеб и *café con leche*.

Телевизор над стойкой включен, но звука нет. Четверо мужчин сидят на барных стульях и наблюдают за боем быков. Опустив рога, тяжело дыша, бык поворачивается мордой к матадору, в то время как тот нацеливает на него шпагу и подходит вплотную.

«Уф, – говорит Ник, когда по телевизору показывают убийство в замедленном режиме. – Определенно, это не лучшая страна для вегетарианцев»

На это трудно смотреть, но еще труднее не смотреть. В отделении неотложной помощи новые сотрудники всегда украдкой заглядывали в травматологическое отделение, где лежали тела, ожидая, пока их спустят вниз.

«Людей влечет зрелище смерти, – объяснил мне хирург, – нам трудно устоять перед ним, – затем он сделал паузу. – За исключением тех случаев, когда это касается наших близких».

Кэт и Ник намазывают тосты сливочным маслом, а я ем их просто так, время от времени макая в густой кофе с молоком. Я достаю из пакета яблоко, нарезаю его ломтиками и выкладываю на тарелку.

«Ох уж эти американцы, – говорит Ник. – Вечно сидите на диете».

«Просто хочу быть здоровым», – говорю я.

«Здоровым? – говорит он. – Я грешным делом думал, что, пройдя бог знает сколько сотен миль, я стану загорелым и подтянутым. Но что я имею? Волдыри».

Лучше всего помалкивать, как делает Кэт. Она ест тост, медленно пережевывая, не сводя глаз с улицы. Стоит теплое июньское утро, и солнечный свет льется в окно. Снаружи мужчина выплескивает ведра с водой на тротуар, а затем разметает воду по улице. Один раз он останавливается, чтобы вытереть лоб подолом рубашки.

Мы оплачиваем счет, и я покупаю сыр у продавца за стойкой. Он отрезает его от квадратного бруска и заворачивает в газету. Как только мы оказываемся на улице, Ник уходит вперед, в то время как мы с Кэт немного отстаем.

«Я слышала о танцах прошлой ночью, – говорит она, идя рядом со мной. – Ник сказал, что это было великолепно».

Не самое лучшее воспоминание. «Жаль, что вы не пришли».

«Черт возьми, вы еще так молоды. Можете легко гулять допоздна. Кроме того, мне тоже пришлось кое-куда побегать».

Мы оба смеемся. В походе быстро учишься решать проблемы с пищеварением.

Город уже проснулся, и нам приходится петлять среди машин, чтобы перейти дорогу. Мы проходим мимо большого здания, снаружи которого на холостом ходу стоят машины скорой помощи.

«Мне нужно заглянуть в одну из этих испанских клиник, – говорит Кэт. – Пройти обследование».

«Что-то не так?»

Мимо нас проезжает машина скорой помощи с громкой и пронзительной сиреной и поворачивает в сторону больницы.

«Кишечник не в порядке, – говорит Кэт, когда сирена затихает. – Впрочем, он не доставляет мне особого беспокойства».

«Хотите зайти сюда? – я указываю на красный крест, нарисованный над дверями. – Я пойду с вами».

«О нет, мой мальчик, спешить некуда. Я была на приеме у специалиста в Лондоне».

«Все в порядке?»

«Представь, сижу я в его кабинете, и вот он входит, вешает рентгеновский снимок и восклицает: “Господи! Только взгляните!” И я думаю про себя: “Ну-ка посмотрим, что там”, а потом вспоминаю, что мы смотрим на снимок моего кишечника».

«Звучит не особо вдохновляюще», – говорю я. Работая в больнице, начинаешь понимать, что то, что доставляет удовольствие врачу – интересные случаи, – вовсе не доставляет удовольствия пациенту.

«Он сказал, что все ужасно. “Нам придется вас положить и удалить весь ваш толстый кишечник”. А я рассмеялась. “Так дело не пойдет – сказала я. – Вы приятный человек, вы мне даже нравитесь. Вы забавный. Но кишечники я вам свои не отдам”. Так что я ушла и сохранила их. Время от времени они капризничают, но в конце концов боль проходит. Я не могу представить, что у меня не будет кишечника, – она потирает свой живот, улыбаясь. – Знаешь, я трепетно отношусь к своему телу. Даже несмотря на то, что оно, кажется, трещит по швам».

Тротуар заканчивается четырьмя многополосными дорогами, сходящимися в кольцевую развязку. «Фиаты», «фольксвагены» и крошечные белые фургончики со свистом проносятся по кругу. Здесь нет ни пешеходного перехода, ни светофора. Желтая стрелка на почтовом ящике указывает прямо вперед.

Мы видим, как Ник бежит туда. Он находит просвет в потоке машин, пользуется им, добирается до кольцевой развязки, где его чуть не сбивает водитель мопеда, который в последнюю секунду сворачивает, подрезает красный «фиат» и мчится прочь.

«Боже милостивый», – восклицает Кэт, прикрывая рот рукой.

Он перебегает на другую сторону, его рюкзак подпрыгивает вверх-вниз. Какое-то мгновение мы не можем разглядеть его в потоке машин, а затем он оказывается на тротуаре, наклонившись вперед. Он выглядит так, словно его тошнит. Наконец он выпрямляется и машет нам рукой.

Мы переходим ничуть не лучше него. Вокруг меня визжат шины. Проносятся размытые изображения: сердитые лица за ветровыми стеклами, бамперами, номерными знаками, улыбающийся ребенок в автокресле. Мир гудит, издает звуковые сигналы и пахнет выхлопными газами. Не помню, чтобы я хоть раз в жизни бегал так быстро.

«Боже мой, – восклицает Кэт, когда мы снова готовы идти. – Это чуть не прикончило меня».

«Ха, – говорит Ник, – вот уж точно хлебнули мы действительности».

Машины проносятся мимо. Менее четырех месяцев назад я так же спешил. Та жизнь кажется мне теперь такой чужой, такой далекой.

Я не могу дождаться возвращения в поля, где единственный звук – это
шум ветра.

«Сюда», – Ник указывает направо.

Здания исчезают, на улицах становится меньше народу, и вскоре мы выходим за пределы города на окраину, где идем мимо мусорных свалок и старых фабрик с кирпичными трубами, разбитыми окнами и ржавыми металлическими крышами. Ник ускоряется до тех пор, пока мы не теряем его из виду.

Я остаюсь с Кэт. Она идет тихо и неторопливо, и мне приходится прикладывать сознательное усилие, чтобы замедлить шаг. Я нахожу занятной ту мысль, что среди большого числа встреченных мною паломников она единственная, кому довелось поработать в области медицины. Шла по тому пути, которого я желал, а теперь убегаю от него. По моему опыту, с медсестрами в любом случае разговаривать лучше, чем с врачами. Через некоторое время я вынужден задать вопрос.

«Я вроде как зашел в тупик, – говорю я. Она кивает. – Я собирался поступить в медицинскую школу, но теперь я не так уверен. И я тут подумал, что встретил человека из мира медицины таким неожиданным образом».

Она смеется: «Да, конечно».

«Почему медицина?»

Она смотрит вперед и улыбается.

«Я стала медсестрой, потому что думала, что хочу помочь людям, – улыбка исчезает. – Но потом я поняла, – она замолкает. – Я поняла, что стала ею потому, что все, чего я когда-либо действительно хотела, – это быть любимой».

Я сбит с толку. Такая откровенность со мной – незнакомцем. Не говоря уже о том, что в нашей профессии не каждый день слышишь слово на букву «Л». С другой стороны, такого понятия, как нормальный разговор, на Камино не существует.

Скоро мы оставляем фабрики позади. Дорога сужается и превращается в гравийную дорожку, затем в пыльную тропу. Доносятся только звуки далекого уличного движения.

«И вы нашли ее? – наконец спрашиваю я. – Я имею в виду любовь».

«Не там, где думала, – говорит она. – Я люблю своих пациентов, и они любят меня в ответ. Но любовь должна исходить изнутри. В первую очередь мы должны полюбить себя».

Два паломника – мужчина и женщина – проходят мимо нас, изнемогая от жары. Мы быстро обмениваемся *holas*³⁶.

«А кино, – говорю я. – Как вы там оказались?»

«Я как бы плюхнулась в него, правда, – она на мгновение задумывается. – Начнем с того, что я стажировалась в Африке».

«В Африке?»

«Ты бы удивился, узнав, что мне приходится делать на работе. Ко мне идут со всеми проблемами – от депрессии и герпеса до серьезных травм. Все эти киношники такие уставшие, такие переутомленные, что у них нет времени идти в больницу, поэтому они приходят ко мне на прием. И я должна их лечить. Так что лучше мне знать, что делать».

«Вы этому учились в Африке?»

«Верно».

Тогда она замолкает, и я не давлю на нее. Солнце висит прямо над головой. Сюда не доносится ни дуновения ветерка, и мне приходится постоянно вытираять пот с лица. Мы доходим до городка и следуем по стрелкам мимо черной шипастой ограды парка к единственной современной церкви, которую я видел покуда: массивное прямоугольное здание высотой в несколько этажей; бронзовые статуи апостолов и Богородицы над дверями; высокий белый крест на площади.

«Хотите зайти?» – спрашиваю я.

Она качает головой. «Я предпочитаю старинные церкви. Всегда кажется, что они немного разваливаются на части, – смеется она. – Прямо как я».

Мы выходим из города по однополосной дороге, которая ныряет под шоссе. В туннеле темно, над головой шумит уличное движение. На другой стороне шоссе земля совсем плоская и по колено заросшая травой. Над головой парят стервятники. Больно щуриться на солнце.

Это страна сиесты, где люди днем остаются дома и спят. Опустив головы, мы следуем по желтым стрелкам до шоссе и идем вдоль ограждения. Троє паломников на велосипедах притормаживают, проезжая мимо нас.

Я указываю на шины: «Должно быть, здорово так спускаться вниз».

«Здорово, – говорит один из них, и на его лбу вздуваются вены. – Но сначала всегда приходится подниматься в гору».

Он переключает передачу, велосипед издает щелкающие звуки, и двое других следуют за ним, становясь все меньше и меньше, пока три точки не сливаются с голубыми холмами.

Мы останавливаемся, и Кэт опирается на свою трость, покрытую лаком темного оттенка красного дерева, с вырезанным набалдашником в виде головы орла. Слева от нас, за кустами, растет большое дерево с толстым сучковатым стволом. Тень под ним выглядит заманчиво.

«Давайте перекусим».

Наши ботинки поднимают пыль, которая застревает у меня в горле, вызывая кашель. Подойдя к дереву, мы тут же сбрасываем наши рюкзаки.

«Боже, – говорит она, тяжело дыша, – это была чертовски хорошая идея».

Мы спокойно сидим на рюкзаках, наслаждаясь простым удовольствием от тенистого дерева в жаркий день.

«Ну что ж, – она открывает свой пакет и достает авокадо, помидор, длинную красноватую колбасу, пакетик зеленых оливок, буханку хлеба и несколько салфеток, которые служат нам скатертью. Все, что у меня есть, – это бруск сыр и батончики мюсли. Я разворачиваю сыр, края которого становятся резиновыми в моих руках, и добавляю его в общую кучу. Она нарезает все, кроме оливок.

³⁶ Привет – исп.

«Только взгляни, – говорит она, аккуратно раскладывая еду рядами, – у нас тут настоящий обед».

Мы едим бутерброды с авокадо, помидорами и сыром. Закусываем чоризо – испанской колбасой, толстой снаружи, жирной и маслянистой внутри. Просто вкуснятина.

«Обалденно, – говорю я, и мое настроение улучшается. – Спасибо».

Она ласково улыбается. Морщинки в уголках ее глаз разглаживаются.

«Итак, – спрашиваю я, – как вы стажировались в Африке?»

«На самом деле все довольно просто. Видишь ли, мой муж работал в Нигерии. Стоило нам только добраться туда, как через пять дней его руководство поинтересовалось, могу ли я поработать местным врачом. У предыдущего был нервный срыв, – она смеется, затем откусывает от своего сэндвича и задумчиво жует. – Я – врачом? Медсестры в мое время так не поступали. Они просто делали то, что им велел врач. Тогда я сказала, что не буду брать никаких денег, потому что боюсь кого-нибудь убить».

«Обучение без отрыва от производства, да?»

«Да, но мне повезло. Врач составила список самых распространенных заболеваний в этом районе. Двумя основными из них были гонорея и малярия, причем гонорея занимала первое место. Перед уходом она дала мне список и напутствовала меня: “Если больной скажет, что у него семейные проблемы, значит, это гонорея”. Когда они приходили с этим в первый раз, она давала им таблетки. Если они появлялись во второй раз, подцепив болячку снова, она делала им укол».

«Итак, в свой первый день я сидела в такой модной приемной, позади меня стояли пузырьки с таблетками, на столе лежали медицинские книги и мой французский словарь. На мне был элегантный белый халат, и я так нервничала, что мои колени стучали о стол. Первый пациент пришел и сказал, что у него семейные проблемы, поэтому я просто дала ему таблетки. Я не знала, как его осмотреть, я даже не знала, на что обращать внимание. Я никогда раньше не сталкивалась с гонореей».

Я смеюсь: «Не самое приятное зрелище».

Ее глаза слегка прищуриваются.

«Раньше я работал в отделении неотложной помощи, – поясняю я. – Много чего повидал».

«А-а-а», – говорит она, берет бутыль, делает глоток и прислоняет ее к ботинку.

«Итак, со списком все получилось?» – спрашиваю я.

«В самом начале да, – она кивает. – Часто я просто просматривала ее список и лечила пациентов по нему. Это было проще простого. На самом деле это мог бы сделать любой. Но постепенно я научилась. Я занималась, читая медицинские учебники и работая со своими пациентами, и когда мне что-то было не понятно, я везла их за сто пятьдесят миль к врачу и училась у него, – она делает паузу. – Ну, я не сбрасывала свои сабо».

«Что это значит?»

«Выражение, по-моему, с севера Англии. Раньше там носили сабо или что-то в этом роде. Это значит, что я не умерла и не совершила какой-то серьезной глупости». Она откусывает зеленую оливку: «Ох уж эти испанские оливки, они просто восхитительны».

Некоторое время она задумчиво жует.

«В любом случае то, чему я научилась, идеально подходило мне для работы в киноиндустрии, потому что там я занимаюсь диагностикой и лечением. Нас, медсестер, никогда не учили всему этому».

Она доедает бутерброд и вытирает крошки с губ.

«Сегодня все сильно отличается от того, как было раньше, когда я начинала. Это хорошо, но не всегда. Когда мы стажировались, нас учили делать такие вещи, как переодевать пациента или обмывать его».

Мне нравится, что она произносит «обмывать» как «обмыва-а-ать». Так очаровательно, так по-английски.

«Обмывание – это очень важно, – продолжает она. – Особенно для пациента. Ты такой уязвимый в больнице, и вот приходит кто-то, чтобы вымыть тебя, твои интимные места и все такое. Это был щадящий процесс, когда мы обмывали по одной части тела за раз, и это занимало некоторое время. Нас учили успокаивать пациента».

Она протягивает пакет с оливками, и я пробую одну. Она права. В солоноватой на вкус оливке в жаркий день есть что-то особенное.

«Мой младший сын – медбррат. Его не учили таким вещам. Его просто отправили к пациентке и велели вымыть женщину. Бедный мальчик – он не знал, что делать. Он поспешил вытер ее тут и там, и на этом все закончилось. Медицина кое в чем улучшилась, в то время как остальное пошло прахом. Я думаю, они забыли о самом важном».

Я сажусь: «И что же это?»

«Любовь, – говорит она. – Ты должен любить своих пациентов. Это как готовить. Когда блюдо приготовлено с любовью, это чувствуется».

Любовь. Француженка, Лоик, Розанджела и эта женщина.

«Поэтому каждый день, когда я работаю на съемочной площадке, я начинаю с того, что наполняю стальное ведерко медикаментами и совершаю обход, раздавая съемочной группе витамины. Вот это простое действие – раздача витаминов – заставляет их чувствовать заботу. Это позволяет им ближе узнать меня. А если они знают меня, то чувствуют себя достаточно комфортно, чтобы прийти ко мне. Понимаешь, это действительно работает. Они приходят ко мне. У меня есть табуретка, ведерко и деревянный ящик. Они сидят на ящике и рассказывают мне о своих похмельях, расставаниях, обо всей своей жизни. Я держу их за руки, слушаю, лечу их раны. В этом много личного».

Она делает долгую паузу: «Что бы человек ни делал, он должен делать это с любовью». А с кем бы я ни заговорил в этом походе, к этому сводятся все разговоры.

«Однажды, – рассказывает она дальше, – я работала в Турции на съемочной площадке. Меня приехал навестить мой младший сын. Мы разговаривали, смеялись. И вот он отошел понаблюдать за какой-то местной птичкой – он много интересовался ими, пока был там, – а ко мне подошел продюсер картины. Оказывается, он тоже наблюдал за нами. Он был слегка навеселе после ужина. И вдруг он говорит: “Вы с сыном так любите друг друга. Я всю свою жизнь был эгоистом. Никогда не испытывал ничего подобного”. Он заплакал. Я не знала, что ему ответить, поэтому просто обняла его и поцеловала. Члены нашей группы, оказавшиеся поблизости, должно быть, подумали: “Чем это там Кэт занимается?”».

Она хихикает, закуривает сигарету, затягивается и смотрит на изрезанную равнину. Она убирает седые волосы с глаз.

«На что это похоже? – спрашиваю я. – Находиться на съемочной площадке, работать с кинозвездами?»

Она пожимает плечами. «Актеры, когда они приходят поговорить со мной, точно так же сидят на моем ящике, как и все остальные. Но большую часть времени я разговариваю с другими членами группы. В любом случае актерам приходится общаться со слишком многими людьми, – она выдыхает, из ее ноздрей вырываются струйки дыма. – Я помню одну актрису, она была немного не в себе. К тому же довольно знаменита. С ней были личный тренер, травник, гомеопат и персональный помощник. Помощница готовила ей еду. Как-то раз врач-гомеопат заболела, и мне пришлось ухаживать за ней, что было довольно забавно, если вдуматься».

Я смеюсь. Она откидывается на свой рюкзак и стряхивает пепел с сигареты.

«Но на съемочной площадке есть и множество других людей – плотников, электриков, водителей, уборщиков туалетов, – именно с ними я провожу свое время. Никто не обращает внимания на уборщика туалетов, но я думаю, что он достаточно важный человек. Видишь ли, жизнь может стать довольно трудной без чистого туалета».

Это правда. Чистая уборная – это одна из первых вещей, которую учишься ценить во время пешего туризма. Особенно в Индии.

«У меня есть теория насчет мужчин и туалетов», – говорит она.

«Да ну?»

«Однажды на съемочной площадке я сидела в передвижном туалете и услышала, как в соседней кабинке переговаривались мужчины. На самом деле это глубокая философская штука. Так что у меня есть теория, что мужчины говорят о своих чувствах только тогда, когда мочатся».

Она ждет, когда я перестану смеяться.

«Киношники, – она качает головой, – они все так усердно работают. Люди, которые устанавливают освещение и монтируют декорации, работают в ужасных условиях – иногда по двадцать часов в день, и никому до них нет дела. Когда я работала на съемках фильма в Турции, этим людям пришлось тащить огромные светильники на вершину горы в четыре часа утра, работать весь день и спускать их, после того как все разошлись по отелям. Затем они повторили все это на следующий день. Просто ужас, – чуть вздрогнув, она смотрит на меня. – Ох, я все болтаю и болтаю, как будто у меня словесный понос. Ты там еще не уснул?»

«Все в порядке. Я вас с удовольствием слушаю», – я говорю вполне серьезно.

«Ладно, – отвечает она, улыбаясь, – ты уж останови меня, пожалуйста, если я увлекусь. Ты же знаешь, с меня станет».

Она делает последнюю затяжку, бросает сигарету и давит ее ботинком. Бросает взгляд на шоссе.

«Думаю, нам пора двигаться дальше».

Я совершенно забыл о сегодняшнем походе. Я тоже смотрю на шоссе: мерцающая черная линия, уходящая за горизонт. Мы упаковываем оставшиеся продукты.

«Знаешь, – говорит Кэт, – я вспоминаю один случай, когда у нас было особенно много работы, ужасно много. Я работала с половины шестого утра до половины двенадцатого ночи. Сколько это часов? Шестнадцать, восемнадцать?»

«Очень много».

«В общем, в ту ночь я принимала ванну с бокалом вина в руке и внезапно разозлилась. Я была так зла на то, как они изматывают людей. Прямо там я придумала страстную речь, чтобы высказать ее продюсеру. На следующий день он был на площадке, сидел в одиночестве, и я подумала, что должна ему все сказать. Потом я подумала: “Нет, это безумие”, но все равно заставила себя пойти. В общем, подошла я к нему – колени у меня, конечно, дрожали, и я сказала: “Нам надо поговорить”. Он спросил: “Точно надо?” Я сказала: “Да, надо”. И он медленно встал. Он был стариком: ему, должно быть, было за семьдесят. Мы пошли прогуляться в поле. Когда я планировала речь, я воображала, что усажу его на свой табурет и произнесу эти слова, но мы с ним просто гуляли».

Ее голос становится тише, и я пододвигаюсь ближе, чтобы расслышать ее.

«Я сказала ему: “Я хочу рассказать вам о своем рабочем дне. Вчера я работала с половины шестого утра до половины двенадцатого ночи. Я принимала пациентов каждые восемь-десять минут, и последний, кто ушел от меня, был в слезах от тяжелой работы. Взрослый мужчина в слезах! Это неправильно”.

Он стоял передо мной – невероятно богатый человек, – и я посмотрела на него и сказала: «Знаете, деньги – это еще не все. Вы заставляете людей работать так тяжко, что они теряют

свою страсть. Почему бы им не работать пять дней в неделю вместо шести? Относитесь к ним хорошо, и они отдаут вам себя полностью”».

«Неужели он сдался?» – я был восхищен этой женщиной.

Она кивает: «На какое-то время. Но бедняга закоснел в своих убеждениях».

Мы добираемся до шоссе, асфальт блестит от пятен тающего гудрона. Вдоль дороги вьется узкая грунтовая тропинка. Кэт идет впереди, а я следую за ней. Она идет медленно, и хотя больше всего на свете я сейчас мечтаю о прохладном душе в приюте, я подстраиваюсь под ее темп.

Холмы впереди подернуты дымкой. Периодически появляются грузовики и легковушки: они становятся ближе, четче, и когда они проезжают, я вижу водителей в солнцезащитных очках. Здесь нет ни тени, ни места, где можно остановиться и отдохнуть. Сейчас обеденное время. Мы продолжаем двигаться дальше.

Когда тропинка расширяется, мы снова идем рядом. Ее скулы ярко-красные, а волосы над ушами слиплись от пота.

«Ты чувствуешь этот запах?» – спрашивает она, принюхиваясь к воздуху.

Все, что я чувствую, – это жара. Я вижу ее, ощущаю ее, пробую ее на вкус. «Нет, а что?»

«Запах Камино. В нем есть и уличное движение, и красное вино, и сыр, и дождь, и дымчатые горы вдалеке».

«Вы все это чувствуете? Здесь?»

«Ну, я немного приукрашиваю. Но у Камино есть свой запах. Он меняется по мере того, как ты продвигаешься вперед, но чувствуется всегда. Ты понимаешь, что я имею в виду?»

Я не понимаю и качаю головой.

«У каждого места, у каждой страны свой особый запах. Я помню, как уезжала и возвращалась домой, и все вокруг пахло сажей. Стоит выйти из самолета и пройтись по взлетно-посадочной полосе – мокрой от дождя, конечно, это же Англия, – и в воздухе чувствуется запах сажи. То же самое – когда уезжаешь за границу. Разные запахи. Карачи: запах специй и иностранцев. В Дубае мы вышли из самолета пешком, и я была так взволнована. Я твердила детям: “Принюхайтесь! Разве это не экзотика?” А они, наверное, думали: “О, маму снова понесло”».

Я делаю глубокий вдох, вспоминая свежий воздух Гималаев, индийские храмы, пропитанные ароматом благовоний, волосы моей тети, пахнущие сандаловым деревом. Проезжает грузовик, и я вдыхаю горячий выхлоп. «Ну, – говорю я, когда перестаю кашлять, – прямо сейчас Камино пахнет дизельным топливом».

«Конечно, – говорит она, смеясь. – Имей в виду, запахи не всегда приятны».

Тропинка сужается, и, двигаясь в нескольких дюймах от машин, мы молчим. Я достаю из кармана батончик мюсли и предлагаю ей, но она отказывается. Шоколад растаял, и внутри он липкий. Я медленно ем батончик, облизывая пальцы.

«Слушай, – спрашивает она, закуривая сигарету, – что ты собираешься делать после Испании?»

«Пока не знаю, – говорю я. – Там видно будет».

Она вытирает пот с лица.

«Мне кажется, ты уловил суть, – говорит она. – Если в твоем возрасте ты уже понял, что все, что тебе нужно делать, это, так сказать, плыть по течению, то ты уже преуспел. В любом случае нужно верить в то, что жизнь все сама расставит по местам».

«Наверное, – говорю я. – Но я иногда задумываюсь, не пора ли мне стать серьезней. Начать строить планы».

«Я не люблю строить планы, – говорит она. – Я позволяю жизни разворачиваться. Конечно, иногда приходится строить планы, но я предпочитаю наблюдать и видеть, как эти планы согласуются с обстоятельствами».

На нашем пути начинают появляться дома. Захлопнутые ставни, лужайки, покрытые пятнами бурой травы. Все замерло, кроме транспорта или случайной птицы. Затем тропинка снова расширяется, наши тени на земле удлиняются. Иногда мимо нас проходят другие паломники, но никто не замедляет шага, чтобы заговорить.

Дорога превращается в одну длинную полосу домов и многоэтажек с магазинами на нижних этажах: их белые стены такие яркие, что на них трудно смотреть под солнцем. Мы проходим мимо большого дома, основная часть которого скрыта за высокими стенами. Камеры наблюдения следят за нами у ворот.

«Кто бы ни жил в этом доме, – печально говорит Кэт, – они, должно быть, живут в вечном страхе».

Когда мы добираемся до приюта в Вильядангосе – нашем пункте назначения на этот день, – наш темп снижается до скорости улитки. Узкий коридор внутри ведет в крошечные комнатки, каждая из которых заставлена двухъярусными кроватями. Я вижу, как женщина помогает мужчине ковылять босиком по кухне.

Полезный совет из моих пехотных дней: использовать тальк. Посыпьте им ноги, насыпьте в носки. Он уменьшает трение и впитывает влагу. Результат – практически полное отсутствие волдырей.

Я рассказываю им об этом способе и делаюсь с ними своими драгоценными запасами. Когда я вижу, как Ник ковыляет мимо, я молчу. Уж очень забавно наблюдать, как он морщится при каждом шаге.

После ужина я присоединяюсь к бразильцам на лужайке. Мы садимся в круг, и они поют своими прекрасными, мягкими португальскими голосами. Откинувшись на прохладную траву, зарываясь локтями в грязь – ночное небо над головой, пустая улица впереди, приют, полный паломников позади, звуки пения, танцев и смеха вокруг меня, – я думаю о любви и о Сью. И хотя ее у меня больше нет, она когда-то любила меня, а я ее. По крайней мере, это было в моей жизни.

День двадцать шестой

Мы с Кэт переходим по длинному мощеному мосту через реку Орбиго. Он назван Эль-Пасо-Онросо – Перевал чести – в честь случая, произошедшего здесь летом 1434 года, когда леонсийский рыцарь поклялся сломать триста копий. И все потому, что его отвергла женщина. Претенденты съехались со всей Европы, и тридцать дней спустя было сломано триста копий. Этот человек действительно сдержал клятву. Затем он отправился в Сантьяго-де-Компостела, чтобы поблагодарить святого Иакова за свою победу.

Однако он так и не заполучил девушку. Возможно, вместо этого она отдала руку и сердце какому-нибудь средневековому как-там-его-зовут. Мужчины. Кажется, мы никогда ничему не учимся.

Мы с Кэт идем медленным шагом, но мне все равно. Приятно быть с ней, видеть то, на что она обращает внимание, слушать ее смех. Она указывает на деревья, цветы, птиц и называет их, рассказывая истории из своей жизни.

Ветер разносит запах полей, над головой простирается большая голубая чаша неба, и я думаю про себя: я счастлив. Это меня удивляет. Мысль улетучивается так же быстро, как и появилась, но оставляет после себя приятное теплое чувство в моей груди. Оно напоминает мне о том, как я встретился в Индии со своей бабушкой, и она обняла меня и крепко прижала к себе, а мой нос прижался к ее теплой шее.

Мы проходим мимо человека, который пашет поле на лошади, затем мимо трех женщин, стирающих белье в деревенском фонтане. Вскоре мы оказываемся на небольшой дороге, справа от которой лежат поля, а слева высится холмы. Дорога изгибается и вьется в соответствии с неровностями ландшафта.

«В этом мире так много красоты, – Кэт останавливается, медленно поворачивается по кругу. – Так много. Боже мой, – она смотрит на холмы. – Однажды, когда я была на съемочной площадке, было утро, всходило солнце, и прямо передо мной лежала долина. Над долиной висел серый туман, и тут сквозь него начало просвечивать солнце. И туман вдруг стал розовым. Я смотрела на это, – она подносит руку к губам, – и думала про себя: “Как же это прекрасно. И почему я всегда так тороплюсь?” В этот момент ко мне случайно подошел продюсер, и я сказала ему: “Знаете, это стоит больше, чем все деньги в мире”».

Она улыбается мне, подмигивает.

«Ну, он, наверное, подумал, что я немного чокнутая».

Мы продолжаем идти. Ее рассказы имеют естественный ритм, длинные откровения перемежаются еще более долгими промежутками молчания. При том темпе, который мы поддерживаем, это идеально.

Желтая стрелка, нарисованная вдоль дороги, ведет нас на холм, где мы устраиваем пикник в дубовой роще. Большая полоса была вырублена, и остались только пни. Окруженные деревьями, они напоминают надгробные плиты. Даже птицы, словно изуважения, притихли. После обеда мы поднимаемся по периодически встречаемым указателям на вершину холма, откуда открывается вид на город Асторгу.

С такого расстояния Асторга представляет собой скопление серых бетонных зданий, домов с покатыми черепичными крышами, дыма, поднимающегося из печных труб, и церковных шпилей, окружанных высокими средневековыми стенами. В дальнем правом конце видны шпили и башенки замка, белые с серыми шиферными остроконечными крышами, развевающиеся флаги. За городскими стенами это выглядит как замок внутри замка.

Тропа идет вниз по склону, затем прямо по долине, петляет по полям и входит в Асторгу. За городом дно долины простирается вширь и поднимается к холмам.

«Ну что», – говорит Кэт, вглядываясь вдаль.

«Думаю, надо идти».

Она кивает. После длительной ходьбы по полям, лугам и открытым дорогам нам требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к городу с его шумом, уличным движением и толпами людей.

Мы торопимся пройти через Асторгу, минуем замок, и, несмотря на то что это красивый город, не сбавляем скорости, пока снова не оказываемся в полях. Никто из нас ничего не говорит, но мы выдыхаем.

Тропинка превращается в гравийную дорогу, окруженную низкорослой растительностью и полями. Никакого движения. Дорога поднимается все выше. Постепенно поля сменяются соснами, и ветерок становится прохладнее. Облака плывут над головой, сворачиваясь сами в себя. Кэт надевает голубой ирландский шерстяной свитер, а я застегиваю молнию на куртке и раскатываю рукава. Никогда бы не подумал, что в Испании может быть так холодно в середине лета.

Чуть подавшись вперед, мы ускоряем шаг. Наконец мы видим группу людей, не доходя до подножия холма: священника из Северной Каролины с его большим оливково-зеленым рюкзаком и двоих его малолетних сыновей, идущих слева от него. Несмотря на то, что я не могу разглядеть их отсюда, я знаю, что на рюкзаке висят сохнущие носки и все трое держатся за руки.

«О, эти дети, – говорит Кэт, – действительно особенные. И мне очень нравится их отец. Он так не похож на мои представления о религиозных людях. Часто они бывают такими недалекими. Они упускают истину, красоту посыла. Кажется, я все время возвращаюсь к одной и той же теме, но посып заключается в любви, – она поджимает губы. – Любовь. Удивительно, как люди не видят этого».

Кэт закуривает сигарету, и вскоре все трое скрываются из виду. Мы снова пускаемся в путь. Гравийная дорога сменяется мощеной и петляет по холмам, сосновый лес становится гуще. Мы добираемся до ручья, где дорога разветвляется. Главная дорога идет прямо и резко поднимается в гору, в то время как грунтовая тропа ведет в лес. Белый знак, прибитый к столбу на развилке, гласит: «Минас-де-ла-Фуэрака». Он указывает на тропу.

Почитав позаимствованные у других паломников путеводители, я знаю, что Минас-де-ла-Фуэрака – это руины древнеримского золотого рудника. На Камино я ходил по дорогам и мостам, построенным римлянами, но я никогда не видел рудников, не говоря уже о золотых приисках.

«Давайте сделаем небольшой крюк».

Она опирается на свой посох. «Что там?»

Я рассказываю ей о шахте.

«О, правда? Звучит заманчиво».

Мы идем по заросшей травой тропинке в окружении сосен. Трава становится выше, нам по пояс, и тропа обрывается. Никаких признаков пещер или шахты. Мы продолжаем путь, но все, что мы находим, – это большое углубление в земле, похожее на карстовую воронку. Оно покрыто кустарником и камнями.

Кэт решает сделать привал. Я оставляю ей свой рюкзак и продолжаю поиски. Чтобы обогнать впадину, требуется больше получаса, но никаких признаков туннелей или входов в холмы нет. Когда я подхожу к Кэт, она лежит на земле, прислонившись к своему рюкзаку.

«Ну как, удачно?» – сонно спрашивает она.

Я качаю головой и оглядываюсь по сторонам. В середине впадины находится большая насыпь из камней. Если я заберусь на нее, то смогу выглянуть из-за верхушек деревьев, может быть, что-нибудь увижу.

Я карабкаюсь вниз по склону и продираюсь сквозь колючий кустарник, пока не добираюсь до камней. Мои руки исцарапаны и кровоточат, но это не имеет значения. Я чувствую себя

так, словно нахожусь на задании открыть для себя прошлое. Легко взбираюсь на груду – и вот я уже на вершине, но когда я осматриваюсь вокруг, то вижу только поросшие соснами холмы.

Все тихо. Расстроенный, я пинаю камни, пока несколько из них не расшатываются и не скатываются вниз. Я беру один – размером с кирпич – переворачиваю его и рассматриваю. Гладкие прямые края. Когда я счищаю грязь и мох, на ощупь они напоминают шероховатый мрамор. Должно быть, это сделал человек. Я подбираю еще камни, отряхиваю грязь. Они все одинаковые. Похоже, я сижу на вершине шахты.

Несколько минут назад эта насыпь была просто грудой камней. Теперь это место, где я могу представить себе рабочих, солдат, лошадей и лагеря – все это было собрано там для того, чтобы добывать золото. Все, о чем они мечтали и на что надеялись, превратилось в забытое воспоминание. Остались только обломки.

«Я нашел ее!» – кричу я.

Кэт прикрывает глаза рукой.

«Что?» – кричит она в ответ.

«Шахта – она здесь».

Пауза.

«Что с ней случилось?»

Я смотрю вниз, на камни.

«Время. С ней случилось время».

Я роюсь вокруг, пока не нахожу камень, достаточно маленький, чтобы поместиться в моей ладони. Я тру его пальцами и уже знаю, что я с ним сделаю. Ястреб парит на ветру в вышине. Некоторое время я смотрю на него, думая о костях, разбросанных по кладбищу в стране Смерти, о римлянах, добывающих золото, о прахе моего отца, плывущем по реке, о том, как мы со Сью открываем подарки рождественским утром. Может ли что-нибудь длиться долго? Я хватаю еще один маленький камешек и карабкаюсь обратно к Кэт.

«Смотри-ка, – она улыбается с гордым видом. – Ты все-таки нашел свою шахту».

Я протягиваю ей камень: «Вот часть того, что осталось».

«О, это чудесно, – улыбка становится шире. – Вот что хорошо в друзьях. Они находят разные вещи».

Мы прислоняемся к своим рюкзакам, скрестив ноги и обхватив руками колени. Ветер охлаждает пот на моем лице.

«Послушайте, Кэт, – говорю я, – если ничего не длится вечно, то что же тогда остается?»

«Любовь».

«А что будет после того, как мы уйдем?»

«Мальчик мой, будет еще больше любви».

Я принимаю ее ответ и засовываю его глубже в карман, как камешек из золотой жилы. Я верю этой женщине. Я чувствую, что то, что она говорит, – это правда.

Нам пора идти. Я встаю, протягиваю руку и осторожно помогаю ей подняться.

«Там есть плита, на которой написаны наши имена».

Она отряхивает свои шорты. «Не сомневаюсь».

Мы идем по тропе и оставляем руины позади.

«Однажды, – говорит она, – я расскажу тебе свою историю смерти».

День двадцать восьмой

Мы с Кэт идем медленно: тела сгибаются под порывами ветра, ботинки месят красную глину. Тропа, окруженная кустарником и высокой травой, петляет по холмам. Солнце греет мне шею, но все равно холодно.

Она спрашивает меня о моем детстве.

Ничего особенного, говорю я ей: родился и вырос в Нью-Йорке, родители развелись, когда я был маленьким, я не особо любил своего отца; ну, знаете, как это обычно бывает. Затем я чувствую тот самый неприятный суд. Поэтому я меняю тему и рассказываю о паломниках, которых мы встретили. Зуд проходит. Она идет слева от меня и задумчиво наблюдает за мной, но ничего не говорит.

«А у вас? – спрашиваю я. – Каким было ваше детство?»

Ее глаза долго всматриваются в горизонт.

«Я вырвалась из презерватива, – наконец говорит она. – Меня даже не должно было быть на этом свете».

Тишина нарушается только звуком ботинок, скребущих по камням.

«Я всегда чувствовала себя вопросительным знаком, – продолжает она, – как будто мне приходилось извиняться за свое существование».

Высоко в небе, лениво описывая спирали, парит ястреб.

«Кэт?»

Она поворачивается ко мне: «Что?»

«Вы же не верите во все это, правда?»

Крошечные морщинки вокруг ее рта становятся глубже. Она слегка двигает головой, как будто стряхивая что-то с себя. «Когда мне было шесть, моя мать сказала мне, что никогда не хотела ребенка, но резинка лопнула. Я даже не знала, что такое резинка, но никогда этого не забывала».

Я начинаю протягивать руку, чтобы коснуться ее руки.

«Когда я росла, она снова и снова твердила мне, что я никогда не буду красивой и мужчинам от меня будет нужно только одно».

Мой инстинкт подсказывает мне, что нужно сказать что-нибудь, утешить ее. В то время как у меня вошло в привычку уклоняться от вопросов, эта женщина открывается мне, обнажая свою душу. Но я начинаю понимать, что в ее историях есть какая-то цель, как будто она пытается поделиться чем-то, что мне нужно знать. Я опускаю руку.

«Видишь ли, я родилась недоношенной, весом три фунта три унции, и меня поместили в инкубатор. Мне повезло. Добрый врач в Ирландии заботился обо мне до тех пор, пока я не смогла отправиться домой. У моих родителей не было детской кроватки, они не подготовились к появлению ребенка. Я была им не нужна, и теперь, забрав меня домой, они не знали, что делать, поэтому положили меня в ящик комода рядом с электрическим камином».

Я опускаю взгляд на ее ботинки: коричневая кожа, черная подошва, толстые красные шнурки. Они, должно быть, весят около трех фунтов.

«Ты мне кое-кого напоминаешь», – говорит она.

«Правда? – говорю я. – Кого?»

Она останавливается, опирается на свою трость. Я поворачиваюсь к ней лицом.

«Мне, должно быть, было лет пятнадцать-шестнадцать, – говорит она. – Мы в то время жили в Малайзии. Я поехала на велосипеде на пляж, хотя вовсе не собиралась. Не знаю почему, но я поехала туда, и там был такой красивый мальчик-индиец». То, как она это произносит, глядя прямо на меня, вызывает у меня улыбку.

«Он стоял на берегу. Я ужасно смущалась, когда увидела его. Я помню, на мне был яркий слитный купальник: он был эластичным, и на нем были нарисованы пузырьки. Мальчик заговорил со мной. Он сказал, что ему пора идти, но вечером он вернется и приготовит мне рыбу».

«А вы?»

Она качает головой: «Я поехала домой ужинать, потому что иначе у меня были бы неприятности. Я так и не вернулась на пляж. Днем моя мать отсутствовала, но вечером она была дома. Она бы никогда не отпустила меня. Интересно, что бы случилось, если бы я поехала? – говорит она с мечтательной улыбкой. – Впрочем, неважно».

Мы продолжаем идти. Тропинка ведет к дороге. Никакого движения, только тихое поступивание ее трости по асфальту.

«Где вы выросли?»

«В Сурре, – говорит она, – недалеко от Лондона. Мы переехали жить к родителям моей матери, когда отец отправился на войну в Африку. Я так любила мою бабушку! Дед мой был викарием. Мы все жили в церкви. В нее попала бомба, и часть крыши обрушилась. Моя бабушка каждый день уходила сажать сады для военных нужд. На самом деле у этого занятия было название: “Копай ради победы”. Моя мать кормила меня утром, а потом запирала на чердаке, чтобы никто не мог услышать детского плача. Затем она уходила и возвращалась вечером».

Она снова умолкает. Рюкзаки скрипят и подпрыгивают на наших плечах, вода плещется в полупустой бутылке, ветер свистит. Я жду, но уже не так терпеливо.

«И вот однажды, – наконец продолжает она, – бабушка обнаружила меня на чердаке. В тот день она вернулась домой пораньше и услышала странный звук. Она подумала, что мяучит кошка, но это была я, – она смеется. – Ты можешь себе представить, что я мяучу, как кошка?»

Я ничего не отвечаю. Моим единственным утешением в жизни всегда была моя мать, ее прикосновения, ее голос. Я не могу представить свою жизнь без всего этого.

«Бабушка и дедушка приперли к стене мою мать, и она рассказала им о своем романе с австралийцем. Видишь ли, она проводила с ним целые дни».

«Пока вы были на чердаке?»

«Да, мяучка, как кошка. Мой дедушка велел ей убираться, поэтому мы уехали и жили в квартире в Лондоне с этим австралийцем. Они поставили мою кроватку на кухне, выложенной красной плиткой. Мне было три года. Я помню, там были крысы, и по ночам они забирались в мою кроватку. Мне было так страшно. Но мне нравилось спускаться в метро – в то время оно служило бомбоубежищем. Я помню целые ряды коек и как чужие люди угождали меня сладостями и гладили по голове. Эти люди подарили мне так много любви».

Она закуривает сигарету, глубоко затягивается и медленно выпускает дым. Она захлопывает зажигалку. Где-то в кустах начинает стрекотать сверчок.

«Видишь ли, я действительно верю в то, что можно повлиять на людей, которые находятся рядом, – говорит она. —

Будучи искренним, делясь собой, ты отдаешь им частичку себя, они думают об этом, а затем делятся частичкой себя с кем-то еще. Я думаю, именно так мы меняем мир. По одному человеку за один раз.

О, осторожно – какашки».

Я обхожу их стороной. Несмотря на то, что мы находимся на дороге, поблизости есть деревни – и повсюду пасется скот. Должно быть, здесь прошли несколько коров.

«Ты заметил? – спрашивает она. – Такова жизнь. В один момент ты бредешь вперед, погруженный в глубокие мысли, а в следующий чуть не наступаешь на какашки».

Мы оба весело смеемся. Дорога изгибаются, и вот он – металлический крест на высоком деревянном столбе, возвышающийся на гребне холма.

«Смотрите», – указываю я.

«Вижу, и что это?»

«Крус-де-Ферро», – говорю я.

Розанджела рассказала мне о традиции, по которой паломники привозят камень со своей родины и оставляют его у основания этого креста. Когда мы приближаемся к нему, то видим, что груда камней уже размером с небольшой холм.

«Вы можете себе представить, сколько паломников понадобилось, чтобы сложить его?»

«Боже, – говорит Кэт, – вот что мы оставляем позади себя».

Я с разбега забираюсь на вершину груды. У меня в кармане лежит камень с римского золотого рудника. Я сажусь на кучу, прислоняюсь к деревянному столбу, затем кладу свой камень к остальным. Древний камень на древнем памятнике. Мне это нравится.

Спускаясь, я останавливаюсь на полпути и провожу руками по камням. Они все разные: зазубренные, гладкие, цвета песка, черные, как древесный уголь. Должно быть, понадобилось очень много паломников, чтобы сложить эту гору – камень за камнем, каждый из которых был перенесен на сотни миль. У всех нас, как сказал бы Лоик, свои раны, и все мы работаем над тем, чтобы излучать свой свет.

Я не первый человек на свете, у которого был жестокий отец. И уж точно не единственный, кто запутался в том, что ему делать со своей жизнью. Лоик был не первым, кто достиг дна. Розанджела была не первой, кому разбили сердце. Рон был не первым, кто потерял близкого человека. Кэт была не первой, кого не любила мать. Даже в одиннадцатом веке у паломника были радости и страдания, точно такие же, как и сегодня. Детали, возможно, и отличались, но то, что делает нас людьми, остается неизменным.

Пока я стою там, наслаждаясь этим кратким мгновением, испытывая некоторую гордость за себя и гадая, что бы подумал об этом Лоик, Кэт бросает свой камень к подножию груды и продолжает путь. Я не могу удержаться от смеха. Так похоже на нее: никакой помпезности или показухи, просто выброси этот чертов камень и двигайся дальше.

Я сползаю вниз, отряхиваю пыль со штанов и, пришутившись, смотрю на крест. Где-то в этой куче есть камень Розанджелы, еще один – из предыдущей поездки Рона на Камино, три – от мэра Ларрасоньи. Людей, которых я, скорее всего, никогда больше не встречу.

Я ухожу, чтобы догнать Кэт. Вскоре Крус-де-Ферро скрывается за холмами. Мы медленно идем вместе, ни один из нас ничего не говорит. После того как она выкуривает две сигареты, я решаюсь задать вопрос.

«Скажите, – спрашиваю я, – вы поддерживаете связь со своей матерью?»

«Она умерла».

«О, простите».

«Знаешь, я помню, как однажды она была добра со мной, когда гладила белье. Это единственное приятное воспоминание, которое у меня осталось о ней, – она замолкает, ее лицо сувореет. – Она была жестокой женщиной. Она использовала в своих интересах всех, кого могла, спала с любым мужчиной, с которым хотела, безмерно пила и всегдассорилась со своим мужем. У нее было больше мужчин, чем горячих обедов».

Я расхохотался. Просто не смог удержаться. Внезапно мы оба начинаем смеяться, хихикать.

«Извините, – говорю я, – эти горячие обеды...»

«Ах да, это распространенное английское выражение, – она издает смешок, затем пожимает плечами. – На самом деле, это ужасно. Моя мать только один раз приехала навестить моих детей, и то на час. У нее были такие прекрасные внуки, и она никогда не подозревала, какими замечательными людьми они стали. Иногда, когда я думаю о своих детях, у меня слезы наворачиваются. От того, какие прекрасные вещи они делают. От того, как они чертовски умны. А она ничего этого не увидела. Лишила себя такой радости».

Она умолкает, тук-тук-тук. Затем закуривает еще одну сигарету.

«А что насчет вашего отца?» – спрашиваю я.

«А что с ним?»

«С ним у вас отношения были получше?»

«Он вернулся с войны, когда мне было четыре года. Он пришел домой, и моя мать сказала мне: “Это твой отец”. А я посмотрела снизу вверх на этого незнакомого дядю и выпалила: “Ну да, у меня много пап”. Думаю, именно тогда он, должно быть, перестал обращать на меня внимание. Он обвинял меня в том, что я сказала правду».

Она делает несколько затяжек, выдыхает. За ней простираются холмы, поросшие вереском и горчицей, маленькие желтые цветочки слегка колышутся на ветру.

«После войны мы переехали и жили в Австрии, где служил мой отец. Все, что я помню, – это безумная красота. Мы жили в гигантском замке с мраморными лестницами и служами».

Я наблюдаю за вереском сквозь дым: волнистые пятна цвета лаванды и пурпурна. Потом я вспоминаю.

«Вы так и не ответили на мой вопрос, Кэт».

Она колеблется, потом качает головой. «Во мне уживаются две половинки. Одна говорит: “Тебя не должно было быть на свете”. Другая говорит: “Нет, должна была. Есть причина, по которой ты родилась и не умерла в младенчестве”. И мне кажется, что каждый из нас должен принять боль, идущую из детства, и осознать: “Она сделала меня тем, кто я есть”. Это то, что делает нас особенными».

«Хорошо сказано, – говорю я. – Это вселяет надежду».

«Это единственный известный мне способ, – говорит она. – Мы все попадаем в силки, но учимся мы именно на наших попытках выбраться из них самостоятельно. Так мы растем. Иногда мне кажется, что я похожа на губку. Люди ходят по мне, но со временем их следы распрямляются».

Она смотрит вверх. Тонкие полосы грязно-белых облаков, мягкая туманная синева.

«Я ходила на коктейльные вечеринки, наблюдала роскошный образ жизни британской аристократии – мы всюду ездили с моим отцом, когда его перевели на Дальний Восток, – я останавливалась в лучших отелях мира и видела всю фальшь этого блеска. Люди, вечеринки, выпивка – и как несчастны они были на самом деле. Вера в то, что деньги приносят счастье, – это обман. Хочешь услышать, где я обрела счастье в детстве?»

«Да, конечно».

«В маленькой хижине за нашим бунгало жила семья повара. Я убегала из дома и там – вместе с его семьей – пила мятный чай и делилась с ними едой. Я видела, как люди лгут, мошенничают, одурманивают себя деньгами и алкоголем, но в этой простой хижине я познала радость. Я познала любовь».

Мы проходим указатель с названием деревни, в которой сегодня остановимся на ночлег.

«Послушай, мой мальчик, – говорит она, – меня беспокоит, что я задерживаю тебя своим медленным темпом и болтовней. Я отнимаю у тебя время своими рассказнями».

«Я с удовольствием слушаю вас, Кэт».

Я иду рядом с ней и чувствую ее улыбку.

«Знаешь, что есть хорошего в моем возрасте? Можно безнаказанно нести всякую чепуху, а люди лишь скажут на это: “О, бедняжка, она снова слетела с катушек”».

Я смеюсь: «Да ладно, вы же знаете, что это никакая не чепуха».

«Ты читал “Прах Анджелы”?»

Я утвердительно киваю.

«Когда я закончила читать эту книгу, – говорит она, – я подумала: “Какая прекрасная история”. А ведь в ней идет речь о людях, умирающих один за другим. И о дожде. Довольно жалостливое чтиво на самом деле. Но поскольку автор сам все это пережил, он мог писать с такой красотой и юмором. Он написал это не из жалости».

Она наклоняется вперед и тушит сигарету об асфальт.

«Видишь ли, болезненное детство делает тебя лучшим взрослым, – говорит она, выпрямляясь. – Оно придает тебе гораздо больше надежды, потому что ты оглядываешься вокруг и понимаешь, что вся жизнь не так уж страшна. Это прекрасно. И ты ценишь эту красоту гораздо, гораздо больше».

Я задумываюсь над тем, что она сказала, что это значит. Я всегда считал детские воспоминания о моем отце чем-то таким, от чего нужно убегать и что нужно прятать глубоко в складках памяти. Мне никогда не приходило в голову, что это вселит в меня надежду, а жизнь станет прекраснее.

Дорога ведет в деревню с узкими извилистыми улочками. Мимо с громкими криками пробегают дети. За закрытыми воротами лают собаки. Скучающего вида женщина с зелеными бигуди в волосах наблюдает за нами из окна второго этажа, затем продолжает красить ногти. Далеко впереди видны холмы, за ними – острые края гор.

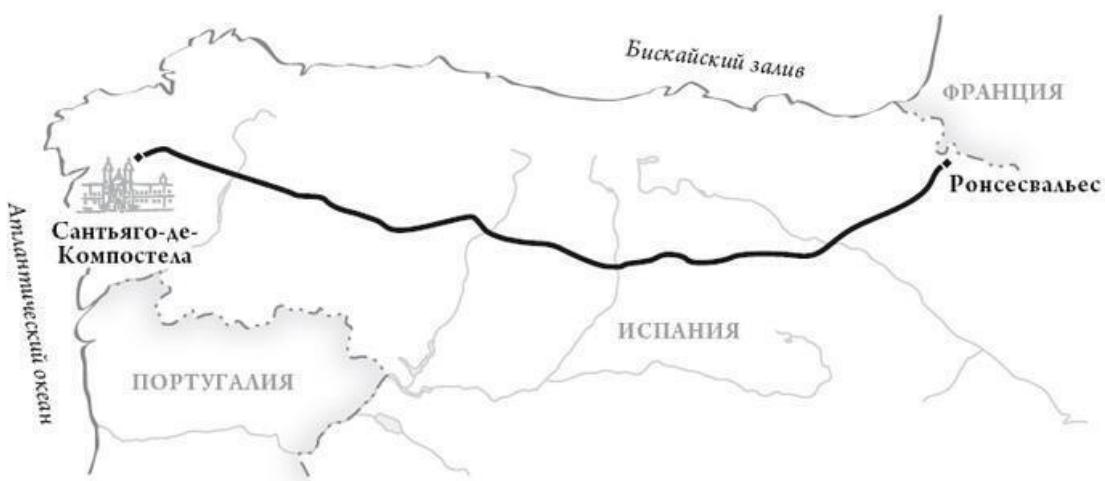
«Боже, – говорит Кэт, оглядываясь по сторонам, – здесь так красиво. Нам так повезло».

Сью осталась в прошлом, банковский счет быстро сокращается, я все еще понятия не имею, чем мне заняться, когда наконец вернусь домой. Но больше меня это не угнетает. Наоборот, стоя рядом с этой женщиной и глядя на горы, на которые мне придется взбираться без спального мешка, я понимаю, что ни за что не отказался бы от всего этого.

«Да, – говорю я монаху, хотя ему не пришлось являться мне. – Бесповоротное “да”».

Обернувшись к Кэт, я широко улыбаюсь.

«Так и есть. Нам очень повезло».

День двадцать девятый

Когда я прохожу мимо уличного кафе в Понферраде, ее рука протягивается, касается моей, затем мягко хватает меня за запястье.

«Приют закрыт на обед», – говорит женщина.

После того как целый день идешь без остановки, преодолевая холм за холмом, каждый из которых становится все выше, последние несколько часов обходясь без воды, все вокруг кажется зыбким, замедленным. Я оборачиваюсь и вижу ее: лет сорока, короткие черные волосы пострижены по-мальчишески, гладкая смуглая кожа, миндалевидные глаза, длинные пушистые ресницы. Ее белый топ и брюки развеиваются на ветру.

«Меня зовут Мария, – говорит она, жестом приглашая меня сесть. – Я управляю приютом».

«Можно мне?» – спрашиваю я, указывая на полный стакан воды на столе.

Она пожимает плечами: «Конечно». Я осушаю его, жестом подзываю официанта, чтобы он принес еще, и допиваю воду. Когда я зову его снова, она что-то говорит ему по-испански, и он приносит мне кувшин.

«Ну как, уже лучше?» – спрашивает она, когда я заканчиваю пить.

Я бросаю свой рюкзак и сажусь. «Спасибо».

Она отмахивается: «Заботиться о паломниках моя обязанность».

Официант возвращается, чтобы забрать остатки ее салата, и она смотрит на меня, изогнув губы в улыбке, словно ожидая, что я наброшусь на тарелку. Я опускаюсь в парусиновое кресло и чувствую, как ко мне возвращаются силы. Она наблюдает за мной несколько минут.

«Итак, мистер молчун. Какова твоя история?»

Я моргаю. «Хм?»

«У тебя ведь есть имя, верно? Откуда ты родом?»

Я рассказываю ей.

«Я люблю Нью-Йорк. Я училась в университете в Теннесси».

«Вы с юга?»

«Из Венесуэлы».

«О, это сильно южнее».

«Сейчас я живу в Голландии».

К этому моменту на Камино все приобретает какой-то налет абсурда.

«И вы работаете в Испании?»

«Я выполняю функции *hospitalera* вместе со своим мужем. Мы работаем волонтерами в течение двух недель».

Она оплачивает счет и встает.

«Пойдем. Давай зарегистрируем тебя».

Я следую за ней в приют, и хотя снаружи выстроилась очередь из паломников, она хватает меня за руку и ведет в контору.

«Разве мне не следует подождать?» Я показываю большим пальцем на шеренгу людей с усталыми загорелыми лицами – их рюкзаки прислонены к ботинкам, – которые смотрят на меня без особой любви, как если бы вы шли пешком весь день, а потом стояли в очереди в душ и кто-то нагло опередил вас.

«Нет, – она подводит меня к большому металлическому столу. На нем лежит журнал регистрации и стоит ваза с фруктами. – К тебе, мой друг, особое отношение».

Она опускает руку в вазу и протягивает мне яблоко:

«Потому что ты выглядишь так, будто тебе это нужно».

Я не уверен, что она имеет в виду или как я, должно быть, выгляжу, но это не имеет значения. Я просто хочу прилечь. Мы проходим обычную процедуру регистрации – она ставит штамп в *credencial*, записывает имя в журнал, я плачу взнос, – затем она машет рукой паломникам, столпившимся у двери, приглашая их войти. Я поворачиваюсь, чтобы уйти.

«Эй, Амит».

«Да?»

«Я также делаю бесплатный массаж ног».

«Массаж?» – выдавливаю я из себя.

Она откидывается на спинку стула и одаривает меня улыбкой.

«Массаж ног. Я найду тебя позже».

Затем она машет первому в очереди, чтобы он подошел к ней.

Я поднимаюсь наверх, занимаю койку для себя и также раскладываю свои вещи на пустой койке для Кэт. Она остановилась передохнуть в кафе в предыдущей деревне, пока я ушел вперед, чтобы обеспечить нам койки. И наконец я сладко засыпаю.

Когда я просыпаюсь, уже стоит ранний вечер. У меня во рту привкус ваты. Я быстро принимаю душ, выпиваю еще два стакана воды, затем спускаюсь вниз и нахожу Марию на ступеньках крыльца. Она улыбается и похлопывает по месту рядом с собой.

Приют построен на холме, и мы смотрим сверху вниз на городские крыши.

«Симпатичный городок».

«Да, – говорит она. – Тебе стоит посетить замок, он совершенно уникальный».

Я уже проходил мимо него раньше. Построенный рыцарями-тамплиерами для защиты паломников, он все еще выглядел как военный форт. Если не принимать во внимание туристов, толпящихся у стен.

Я качаю головой: «На мой вкус, там слишком многолюдно».

Она выгибает бровь: «Ты бы хотел, чтобы все это принадлежало только тебе?»

После бескрайних полей и открытого неба начинаешь испытывать презрение к толпе. Особенно к той, которая состоит из туристов, прибывающих сюда на автобусах и уезжающих обратно в свои комфортабельные гостиничные номера. Забавно, как, даже будучи паломником, ты становишься заносчивым.

«Было бы неплохо».

Она наклоняет голову, ее губы приоткрываются. Хитрая улыбка.

«Почему, молчун? Ты хочешь затеряться в истории?»

«Не совсем, – отвечаю я. – Скорее – найти себя».

Улыбка исчезает. «Это возможно».

«Затеряться или найти?»

«И то, и другое, – говорит она, слегка поворачиваясь лицом к холмам. – Я потеряла себя на Камино. Я шла по грязи, под дождем, по городам, через горы, вдоль рек. Мы прошли свыше тысячи миль – я и мой муж».

«Свыше тысячи?» Это вдвое больше обычного Камино. Просто безумие.

«Мы шли пешком из Голландии».

«Почему было не начать с Ронсесвальеса?»

«Из-за моей церкви. Я хотела послушать мессу, выйти за дверь и пройти весь путь до кафедрального собора в Сантьяго. Мой муж подумал, что я сумасшедшая, но он пошел за мной. Он не хотел оставлять меня одну. Что ж, в некотором смысле мы и были одиночками. Каждый день я уходила первой, а потом он следовал за мной, но мы встречались, чтобы поесть и поспать. Мы были поодиночке и вместе».

Она смотрит на заходящее солнце.

«Иногда, когда я шла под дождем или по полю, я целый день не знала, кто я такая. Я просто была, понимаешь? Но были и дни, когда я узнавала себя. По-настоящему познавала себя, – она качает головой. – Это были моменты такой ясности».

«Сколько времени это заняло?»

«Три с половиной месяца».

«Ух ты», – выпаливаю я. Я не могу себе представить такого долгого пути. С другой стороны, до какого-то момента я не мог представить, что останусь на Камино дольше семи дней. Жизнь. Она меняет твою точку зрения.

«Ну да, – говорит она небрежно, как будто уже неоднократно слышала подобную реакцию. – Но когда я дошла до конца, это оказалось недостаточно долго. Я заплакала, когда увидала собор. Моя мечта перестала быть просто мечтой. Когда я прикоснулась к ногам статуи святого Иакова, там были эти, как вы это называете, отпечатки? Как будто кто-то вдавил свои пальцы в камень. Можешь себе представить, откуда они взялись?»

Я пожимаю плечами: «Ни малейшего представления».

«От каждого паломника, прикоснувшегося к этой статуе. Сколько миллионов их было, сколько столетий понадобилось, чтобы оставить эти следы? Это заставило меня... Я почувствовала себя смиренной. Такой смиренной».

«Как Крус-де-Ферро», – говорю я, думая обо всех этих камнях. Она сует ноги в свои черные босоножки и встает.

«Я сейчас кое-что понял, – говорю я. – Когда я отправился в учебный лагерь пехоты, то пробыл там почти три с половиной месяца. И когда я вышел оттуда, я был уже не тем мальчиком, который пришел туда».

Она улыбается: «Видишь, ты действительно понимаешь».

Когда она возвращается к работе, я сижу на ступеньках и смотрю, как солнце опускается за холмы, пока не остаются только розовые облака. Остальная часть неба темно-синего цвета. Начинает усиливаться ветер.

Появляется Кэт с группой паломников. Кэт по пути нашла аптеку и купила мазь с антибиотиком от моей глазной инфекции, в то время как остальные наткнулись на пицерию.

«Там можно поужинать, – говорит один из паломников. – Не хотите присоединиться к нам?»

«Пойдем, – говорит другой. – Там готовят вкусную пиццу».

Я отказываюсь. Независимо от того, насколько вам нравится чье-то общество, время, проведенное в одиночестве на Камино, когда можно просто отдохнуть и никуда неходить, – это нечто особенное. Я остаюсь на улице до появления первых звезд, затем иду посидеть в гостиной наверху с бутылкой вина и пролистать коллекцию книг приюта о Камино.

Кэт подходит ко мне в очках для чтения: «Пора принимать твоё лекарство».

Я захлопываю книгу, лежащую у меня на коленях: «Спасибо».

«Самому нанести мазь довольно сложно. Давай я тебе помогу».

Образ моего отца на больничной койке мелькает у меня в голове. Его лицо – застывшая маска, его тело под одеялом такое сухонькое и детское, его глаза широко раскрыты и врачаются по кругу.

У меня щиплет глаза, и я чувствую, как слезы скатываются по моим щекам на шею. Кэт протягивает руку, чтобы нанести мазь мне на глаза, затем останавливается.

«С тобой все в порядке?»

Я киваю: «Извините. Я немного пьян. Я просто думал о своем отце».

«Правда?»

«Он умер несколько месяцев назад».

Она нежно поглаживает меня сзади по шее. Я чувствую тепло, исходящее от ее руки, как уют от огня в сюровую зимнюю ночь.

«Бедный ты мой мальчик. Не нужно, чтобы слезы смывали лекарство». Затем, спохватившись, она добавляет: «Чертова смерть».

«Не смерть меня так сильно беспокоит, – я ловлю себя на том, что говорю вслух, – а страдание».

«Твоего отца?»

«Да».

«На днях я расскажу тебе свою историю о смерти», – говорит она, оттягивая мое нижнее левое веко вниз и накладывая на него слой мази. Это очень больно. Она нежно гладит меня по голове, пока я моргаю, пытаясь прогнать боль.

«Спасибо», – говорю я с закрытыми глазами, когда она заканчивает.

«О боже, не благодари меня. Хотела бы я, чтобы все мои пациенты были похожи на тебя».

Она уходит к своей койке. Я жду, пока смогу открыть глаза и ясно видеть, затем возвращаюсь к вину и книгам. Если не считать храпа, в убежище царит тишина.

Мария входит в комнату и ставит у моих ног большой медный таз, наполненный водой. Она пахнет эвкалиптом. Ее улыбка выводит меня из задумчивости. Я улыбаюсь в ответ.

Она садится напротив меня на табурет и опускает мои ноги в таз. Вода холодная.

«Разве вода не должна быть теплой?» – спрашиваю я.

«Ты слишком много просишь для того, кто получает это бесплатно».

«Простите».

Она улыбается: «Ты слишком серьезен. Холодная вода работает лучше. Доверься мне».

Она кладет мои ноги к себе на колени, проводит костяшками пальцев по пяткам. Я опускаюсь на диван, чувствуя, как ее большие пальцы массируют нижнюю часть моей левой ступни. За последние четыре месяца мои ноги пронесли меня через всю Индию, а теперь и Испанию. Самое большое, что я для них сделал, – это менял носки. Мария обращается с ними, как со стопами святого.

«Я прошла пешком более двух тысяч километров, – говорит она. – По пути один человек помассировал мне ноги в приюте. К тому моменту я так устала, была так вымотана. Это было именно то, что нужно. Когда я приехала сюда, я знала, что тоже буду делать это».

«А когда вы вернетесь в Голландию?»

«То что?»

«Будете делать там массаж ног?»

Она немного печально качает головой: «Это другая культура. Ты знаешь, когда я только переехала туда, мне было трудно. Я латиноамериканка, во мне горит огонь».

Ее большие пальцы глубоко вдавливаются, двигаются маленькими кругами. Я чувствую щекотку, потом это проходит.

«Люди в Голландии слишком спокойны. Сдержаны. В нашей культуре, в латинской культуре, мы прикасаемся ко всем – это естественно. Но там люди этого не понимают. Когда я только начала жить там, женщины думали, что я заигрываю с их мужьями. Мужчины тоже так думали. Но семья моего мужа была понимающей и замечательной».

Я сажусь. «Вам пришлось измениться, чтобы вписаться в обстановку?»

Она замолкает, обхватывая ступню ладонями. «Нет, это им пришлось научиться принимать меня».

Я откидываюсь назад: «Хорошо».

«Я меняюсь только ради себя, как я менялась на Камино. Теперь я испытываю сильную любовь к другим, даже к незнакомцам. Вот почему сегодня я массирую твои ступни».

«А ваш муж тоже изменился?»

«Забавно, что ты спрашиваешь. Знаешь, когда мы были в Венесуэле, он летал в Штаты играть в гольф. Выбирал только лучшие поля. А теперь, – она наклоняет голову к двери, – он чистит туалеты для паломников – для людей, которых никогда раньше не встречал. И ты спрашиваешь, изменился ли он».

Я ничего не говорю. Те раны, воспоминания, боль, которую принесли мне все те места, где я побывал на своем пути сюда, – все это смывается движениями рук этой женщины. Я закрываю глаза, слушаю плеск ее рук в воде, чувствую, как они нежно гладят мои ноги. Какое-то время я плыву по течению.

Когда я открываю глаза, мне кажется, что я вернулся откуда-то издалека. Мария сидит на табурете: спина прямая, глаза закрыты, руки массируют мои ступни. Окнокрыто. Легкий ветерок треплет белый топ на ее смуглой коже. Она медленно открывает глаза.

«Это было то, что нужно», – говорю я.

Она кивает, и я понимаю, что она знает.

Я подаюсь вперед: «Кто массирует ноги вам?»

Она смеется: «Я предпочитаю отдавать. Когда я отдаю, я получаю гораздо, гораздо больше».

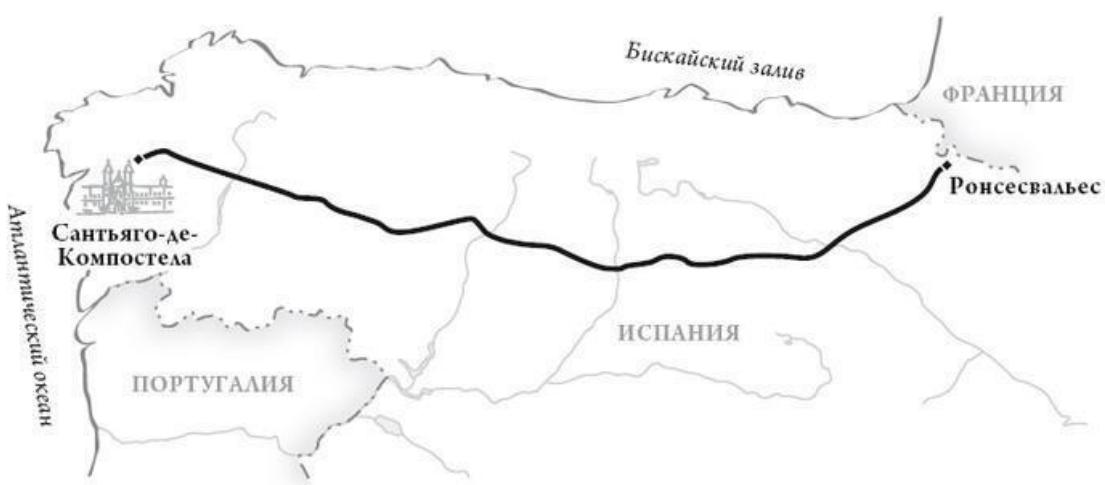
Мы слышим подъем чьих-то шагов на лестнице. Они затихают, а затем человек спускается вниз.

«Мне нужно идти», – говорит Мария и убирает мои ноги со своих колен.

Я шумно вздыхаю. Я не хотел этого, это просто вырвалось само собой. Она хватает таз, идет к двери, останавливается. Она поворачивается ко мне лицом. «Ты будешь хорошо спать сегодня ночью», – говорит она.

Я улыбаюсь: «Да».

Она выключает свет в коридоре и спускается вниз. Я остаюсь на диване. Ветерок приятно и прохладно обдувает мои влажные ноги.

День тридцатый

Приют в Вильяфранке состоит из больших коричневых брезентовых палаток армейского образца, установленных на вершине небольшого холма, откуда открывается вид на город. Внутри есть бар и спальная зона с двухъярусными кроватями. Пол выложен частично из сухой глины, частично из плоских камней. Я нахожу Кэт сидящей снаружи в шезлонге и наблюдающей за заходящим солнцем. На небе плывут облака в виде красных мягких разводов.

Я бросаю свой рюкзак под сущающееся белье и присоединяюсь к ней.

«О, привет, – она приподнимается. – Где ты был?»

Это был долгий день, полный пропущенных желтых стрелок, беспорядочного блуждания по полям и довольно эффектного падения с холма в кусты.

«Я выбрал живописный маршрут». Я жду, пока она поприветствует проходящего паломника, затем спрашиваю: «У вас есть с собой аптечка? У меня в большом пальце застряла заноза».

«Господи, как ты умудрился?»

Я бросаю взгляд на свои испачканные грязью брюки и ботинки, затем на нее. «Долгая история».

Она надевает очки, осматривает мой большой палец и вынимает занозу иглой из своего набора. Так приятно, когда о тебе заботятся. Например, делают массаж ног. Чтобы получить полное представление о Камино, мы договорились время от времени идти поодиночке, но все равно я с нетерпением ждал встречи с ней. Она становится такой же частью моего путешествия, как и желтые стрелки. Каждая из них, кажется, заземляет меня, как бы давая понять, что я на правильном пути. Она осторожно протирает мою руку йодом.

Я указываю на замок недалеко от въезда в город. С занавешенными окнами, ухоженным газоном и покатой крышей, покрытой новенькой серой черепицей, он больше похож на дом аристократа, чем на крепость.

«Хотите туда сходить?»

«Там кто-то живет, – говорит она. – Кажется, известный композитор».

Мы придумали шутку о том, насколько вежливы англичане по сравнению с американцами. Англичане – единственные люди, которых я встречал, которые извиняются, если вы наступите им на ногу.

«Мы позвоним в звонок, – говорю я, – и пригласим сами себя на ужин».

Она смеется: «Это было бы очень по-американски, не так ли? Тебе следует принять душ, мой мальчик. В этом приюте самые лучшие душевые на Камино».

Пожалуй, это самая заманчивая вещь, которую можно сказать паломнику. Я спокойно сижу с ней еще несколько минут, наслаждаясь ее рассказом о сегодняшней прогулке, затем иду искать душевые.

Это две кабинки, расположенные бок о бок и отделенные от основной спальной зоны. Я вижу пару маленьких ботинок возле одной из них и слышу, как льется вода. Я захожу в другую, снимаю свою одежду и вешаю ее на дверь. С резервуара, в котором на солнце греется вода, свисает цепь. Я тяну ее. Теплая вода струится из душевой насадки и исчезает в трещинах каменного пола. В соседней кабинке женщина поет по-французски, ее голос похож на колыбельную, успокаивающую и мелодичную. Я подставляю лицо под воду и закрываю глаза. Я стою так очень, очень долго.

Позже, когда облака меняют цвет с красного на фиолетовый, а воздух становится прохладнее, я спускаюсь в Вильяфранку и нахожу Кэт и остальных сидящими возле кафе на главной площади. Все рестораны и кафе в этом районе переполнены.

На вымощенной булыжником площади есть красочные прямоугольные рисунки, края которых слегка колышутся на ветру, как будто сделаны из пудры. На некоторых изображен крест, другие похожи на абстрактные картины. Люди проходят мимо, стараясь не наступить на них и не испортить изображения.

«Что это такое?» – я спрашиваю у Кэт.

«Я не знаю, – говорит она. – Красиво, правда?»

Картины напоминают мне о свадьбе, на которой я присутствовал в Индии. Вход в зал был устлан ковром из лепестков календулы и роз. Несколько дней спустя на обуви все еще чувствовался их аромат.

Мы слышим музыку: сначала слабую, затем становящуюся громче. Священник в белом одеянии выходит на площадь с узкой улочки и проходит мимо нас, прижимая к груди золотую чашу. За ними следуют другие священники, один из которых несет высокий золотой крест. Они медленно ступают по цветным узорам, их черные туфли окрашиваются в красный, фиолетовый и желтый цвета, в то время как какой-то человек бежит рядом и фотографирует.

Затем мимо нас проходят монахини, за ними музыканты с медными рожками, цимбалиами, барабанами. Позади них группа мужчин и женщин в костюмах и черных платьях, некоторые держат за руки детей, пытаясь удержать их от слишком быстрой ходьбы. Дети оглядываются по сторонам. Взрослые смотрят вперед. Фотограф ходит взад-вперед, его вспышка выхватывает тени на площади.

«Кажется, я поняла, – говорит Кэт. – Сегодня день Тела Христова».

Процессия продолжает спускаться по площади, сворачивает на улицу, которая, изгибаясь, поднимается в гору, и вскоре скрывается из виду. Музыка затихает, затем смолкает. Все, что осталось, – это след порошка, в основном красного цвета, делящий площадь пополам.

На краю площади собралась толпа, чтобы понаблюдать за происходящим. Все возвращаются на свои места в кафе, и снова становится шумно. Мы заходим внутрь и присоединяемся к группе паломников за длинным столом в задней части ресторана.

Кэт закуривает сигарету, глубоко затягивается и медленно выдыхает.

«Какое замечательное зрелище».

«Мне они показались слишком мрачными, – говорю я. – Даже несмотря на оркестр и все прочее».

Официант приносит бутылки вина, расставляет их вдоль стола и наполняет бокалы.

Кэт поднимает свой бокал.

«За красивые деревни и парады». Затем, улыбаясь, добавляет: «Даже если они немного мрачноватые».

Бокалы соприкасаются. Дзынь.

Официант приносит *ensaladas mixtas*³⁷, затем мясное блюдо. Густое вино плавно льется из бутылки. К тому времени, как я приканчиваю второй бокал, Кэт все еще допивает свой первый.

С потолка свисают круглые фонари, в их свете стены кажутся желтыми. Ресторан битком набит посетителями. Сквозь большие квадратные окна проникает темнота, подсвеченная уличными фонарями. Под одним из них – остатки красочных рисунков.

«Жаль, что им пришлось пройти по ним».

Кэт постукивает сигаретой по пепельнице. «Ты о чем?»

«Я имею в виду рисунки. Весь этот парад был похож на похороны».

«О, все было не так уж плохо. Играли оркестр».

«Ладно, – говорю я, пожимая плечами, – значит, это праздничные похороны».

Сигаретный дым вьется мимо ее лица к потолку.

³⁷ Смешанный салат – исп.

«Мне они скорее нравятся».

«Похороны?»

Она наклоняет голову, смеется: «Нет, оркестры».

«Я ненавижу их. Похороны».

Она ласково изучает меня: «И на многих ли ты побывал?»

Я качаю головой: «Просто я видел слишком много смертей. Когда я работал в отделении неотложной помощи, когда я думал, что хочу стать врачом. Может быть, все еще хочу. Я не знаю».

Она протягивает руку и похлопывает меня по плечу.

«Милый мальчик».

«Каждый раз, – продолжаю я, – каждый раз, когда это случалось, я всегда задавался вопросом. Сущность человека – пусть будет душа, неважно – когда именно она уходит? Я думал, что если буду внимательно наблюдать, то узнаю. У меня так и не получилось».

«Это скорее можно почувствовать, чем увидеть. Я ощущала это, когда держала своих пациентов за руки, – она прищуривается, потом говорит: – Тех, кто умирал».

Я разглаживаю салфетку у себя на коленях.

«Интересно, на что это похоже».

«Что именно?»

«Смерть. Сам ее момент».

Она молчит. Я поднимаю взгляд. Ее губы растянуты в полуулыбке. Она опирается локтем на стол, держа стакан в руке на уровне глаз, и говорит: «Однажды со мной такое случилось. Я умерла».

У меня сжимается горло. Я ничего не говорю.

«Или чуть не умерла, – говорит она. – Не уверена. Но я вернулась».

Она постукивает по сигарете, затем глубоко затягивается. Ее глаза устремлены куда-то далеко-далеко.

«На что это похоже?» – тихо спрашиваю я.

«Это ужасно, – говорит она. – Совершенно ужасно».

«Что случилось?»

«О, это было очень давно. Забавно, теперь, когда я думаю об этом, кажется, что все было как вчера. Но все помнится как в тумане. Вся эта боль».

«Это хороший способ защитить себя», – говорю я.

«Просто с возрастом моя память становится хуже, – говорит она и хихикает. – Но я действительно верю, что все, что мы переживаем, происходит не просто так...»

«Включая то, что вы чуть не умерли?»

«Вот именно. Человек многому учится».

«Что случилось?» – снова спрашиваю я.

Она устраивается на своем стуле, отводит взгляд, делая затяжку, затем снова смотрит на меня. Такое чувство, что она видит меня насеквоздь.

«У меня была серьезная инфекция органов малого таза, – говорит она. – Боль была мучительной. Я пошла к терапевту, и он сказал, что это было у меня в голове. Помню, я подумала, что если это у меня в голове, то почему так чертовски больно внизу. Он дал мне несколько антибиотиков и отправил восвояси. Как медсестру, меня учили, что никогда нельзя задавать вопросы врачу, и я не хотела поднимать шум, поэтому пошла домой и махнула рукой на то, что мне становилось все хуже и хуже».

Она бросает сигарету на свою пустую тарелку.

«Менее чем за две недели меня согнуло пополам, и я могла только ползать. В буквальном смысле. Я вставала утром, медленно спускалась вниз, готовила завтрак для четверых детей, заботилась о гостях – в нашем доме был отель типа полупансиона, – затем поднималась наверх

и ложилась в постель. Я чувствовала себя старухой. Никогда до того я не ощущала себя такой старой».

Мягкие морщинки в уголках ее глаз; рот, который всегда смеется или поджимает губы в задумчивости; короткие серебристые волосы, закрывающие лоб. Она смотрит в темноту, ее глаза пронзительные и зеленые.

«Меня спасла моя подруга, – говорит она. – У нее самой было шестеро детей. Она встретила моего мужа и сказала, что если он ничего не предпримет, я умру. Думаю, именно тогда он очнулся. Я помню, как ко мне на дом приходил специалист. Как моему мужу это удалось, я не знаю. Это незаурядный случай для нашей Национальной службы здравоохранения. Он провел осмотр и сказал: “Нам придется вскрыть вас и посмотреть, в чем там дело”. Они могли бы разрезать меня пополам – мне было все равно, лишь бы боль прошла. Но я не могла лечь в больницу. Видишь ли, тогда была забастовка работников прачечных, и в больнице не было ни одной чистой простыни. Я пролежала в постели десять дней, считая минуты до госпитализации. Это были десять самых болезненных дней в моей жизни».

Ее голос становится тише. Я отодвигаю свою тарелку в сторону и наклоняюсь вперед.

«Когда они наконец положили меня и разрезали, то обнаружили, что все довольно плохо. Мне удалили всё, кроме одного яичника».

Большой глоток вина, затяжка сигаретой.

«Вы умерли во время… – я спохватываюсь. – Это произошло во время операции?»

«О боже, нет, – говорит она. – Я спала как убитая. Меня поместили в реабилитационный центр, чтобы я там восстановилась. Я помню, что почувствовала себя немного лучше и начала вставать. На входе были установлены стеклянные двери, и на одной из них я увидела маленькую круглую наклейку. Там было написано: “Берегитесь. Где-то поблизости бродит рождественский вор”. А на дворе уже стояла Пасха! Я подумала о бедном рождественском воре, которому приходится ходить и красть до самой Пасхи. Это было так забавно. Я начала смеяться. Я подошла к своей кровати, схватилась за швы и закричала».

Она усмехается при воспоминании, затем замолкает. Сигаретный дым стелется над ее головой. Фонари на площади погасли.

«Боль, – говорит она, словно разговаривая сама с собой, – вернулась. Это было невыносимо. Конечно, какое-то время я жила в муках, но в этот раз все было гораздо хуже. Я пожаловались медсестрам, и они сказали: “Да, конечно, бедняжка. Вот, возмите таблетку”. Таблетка никакого не помогла. Я лежала в постели и пела рождественские гимны, чтобы отвлечься от боли. Там оказалась медсестра со скорой помощи, и она подошла ко мне. Я помню ее глаза – у нее были действительно пронзительные глаза, – и я сказала ей: “Пожалуйста, пожалуйста, не дайте мне умереть, прошу, не дайте мне умереть”.

Она взяла меня за руку, посмотрела мне в глаза и сказала: “Ни за что. Я не позволю вам умереть”. Помню, я подумала, что если потеряю сознание, то умру. Мне казалось, что внутри у меня все протекает. Я продержалась почти час, пока не пришел специалист.

Потом начался хаос. Кровати сдвинули, и меня повезли в операционную прямо на моей койке, а не на каталке, как в том сериале про модную больницу. Я подумала, что это конец, а может быть, я потеряла слишком много крови и была без сознания. Вот тогда я и увидела свет».

Я наклоняюсь ближе, упираясь локтями в стол.

«Я оказалась в туннеле. В нем было темно, но в конце был яркий свет. Я плыла к нему. Я приблизилась и увидела киоск – вроде тех, где покупают билеты в кинотеатре. Внутри сидела женщина с седыми волосами, немного полноватая. Она медленно рвала билеты. Я заметила билет с моим именем, и она уже собиралась его порвать. Затем я увидела что-то справа от себя, почти позади: мой муж и все четверо детей выстроились в ряд. У них были аккуратные прически, и они были элегантно одеты, как будто позировали для фотографии.

Я увидела их улыбающиеся лица и поняла, что не могу их оставить. Кто бы позаботился о них? Я была им нужна. Это было несправедливо. Моя семья нуждалась во мне, а меня отнимали у них. Я почувствовала такой гнев, какого никогда раньше не испытывала. Я бы не бросила свою семью! Я обернулась и увидела женщину. Она улыбнулась и сказала: “Твое время еще не пришло”. Мой билет все еще был там. А потом все что я помню, – это тьма.

Когда я пришла в себя, врачи сказали, что не понимают, как я выжила. Видишь ли, артерия в моем животе немного сочилась и из-за смеха лопнула. Насколько мне известно, я единственный человек, который на самом деле чуть не умер от смеха».

Она закуривает еще одну сигарету. В ресторане снова становится шумно. Мужчина слева от меня кричит через стол, на кухне гремит посуда, хихикает ребенок.

Кого бы мой отец увидел в туннеле?

Свою сестру, чьи глаза увлажнялись всякий раз, когда она заговаривала о нем? Своего сына, который избегал его большую часть своей жизни? Я ловлю себя на том, что надеюсь, что он чувствовал себя нужным во время путешествия по туннелю, но продолжал двигаться дальше, зная, что пришло его время.

«Можно мне одну?» – спрашиваю я, показывая на сигарету.

Она протягивает пачку, затем колеблется: «Послушай, я не хочу подавать тебе плохой пример».

«Я изредка курю. По особым случаям».

«Особые перекуры», – говорит она, улыбаясь.

Я беру сигарету и прикуриваю. Сначала в дыму чувствуется привкус, но я задерживаю его внутри, чувствую, как он расширяется в моих легких, и вскоре становится приятно и тепло. Я кашляю.

«Я не собираюсь привыкать, обещаю».

С ее лица пропадает озабоченность.

«Что вы ощущали, когда вернулись?» – спрашиваю я.

Она морщится: «Я убедила себя, что мне лучше было умереть».

«Вы, должно быть, шутите».

«Нет, – говорит она. – Меня спас гнев, но гнев не помогает жить. Когда я выздоровела, у меня долгое время была депрессия. Но я нужна была своей семье. Я боролась с этим состоянием каждый день, пока не победила. Это было очень, очень тяжело».

Официант убирает со стола грязную посуду и приносит десерт. У меня отяжелела голова, и мы заканчиваем трапезу молча.

Мы выходим из ресторана и медленно идем обратно по мощеной бульваром дороге. На небе яркая луна. Кэт оглядывается по сторонам, на дома, на небо. Она замечает, что я наблюдаю за ней.

«Знаешь, – говорит она, – я до сих пор четко помню некоторые вещи – даже сейчас. Я никогда не забуду медсестру, которая держала меня за руку, – она была примерно моего возраста. По тому, как она смотрела на меня, я поняла, что она не позволит мне умереть. А еще эти плитки на потолке. Каждый раз, когда я вижу пенопластовую плитку в больнице, у меня чуть не начинается приступ паники».

Дорога вьется через город, затем забирается на холм, и мы наконец добираемся до палаток. Кажется, что мы очень долго поднимаемся. От холода у меня проясняется голова. Мы сидим в шезлонгах на лужайке, над нами свисают пустые бельевые веревки, а в лунном свете вырисовывается силуэт палатки-приюта позади нас. Она вытряхивает сигарету из своей пачки.

«Можно мне еще одну?» – спрашиваю я.

Она улыбается: «Кажется, тебе требуется еще один особый перекур».

«Определенно».

Она поджигает свою сигарету, потом мою, и мы курим в тишине. Я помню, как мой друг, врач отделения интенсивной терапии, рассказывал мне, что каждый раз, когда кто-то из его пациентов умирал, он оглядывал палату, проверяя, не отлетает ли что-то. Он тоже никогда ничего не видел.

Я начинаю думать, что не имеет значения, ведет ли смерть в длинный туннель с билетной кассой, или забрасывает тебя в черную пустоту. Важна жизнь, которую мы прожили, люди, которых мы любили, те, кто любил нас, простые повседневные моменты.

Я держу в руке тлеющую сигарету и смотрю на темную деревню.

«Знаете, Кэт, ваша история о смерти...»

«О нет, мой мальчик. Это была не она. Та история особенная. Однажды я расскажу ее тебе».

Луна освещает черепичные крыши Вильяфранки, мощеные улицы, замок. Вдалеке горы, словно тени, поднимаются в небо.

День тридцать первый

Горизонт окрашен в сливовый цвет. Я делаю глубокий вдох. Утренний воздух прохладен и чист, он пахнет деревьями, лесами и полями. Он пахнет тем, что живет.

Я снимаю ботинки и носки и сажусь на землю. Трава, все еще влажная от росы, щекочет подошвы моих ног. Долину внизу застилает густой туман. Я вспоминаю Гималаи в Индии, где однажды я поднялся так высоко, что увидел пролетающий подо мной самолет. Трепет этого момента, которому уже несколько месяцев, все еще волнует меня.

Солнце пробивается сквозь туман, проходят паломники, мы обмениваемся *buenos días*³⁸, затем я вижу Кэт, направляющуюся вверх по дороге. Рубашка с длинными рукавами в цветочек, джинсовые шорты, синий коврик для сна над рюкзаком слегка смешается при каждом шаге, тело наклоняется вперед, опираясь на посох. Я стряхиваю траву с ног и готовлюсь.

«Мальчик мой, – говорит она, подходя ко мне. – Неужели ты все это время меня ждал?»

«Я не мог уснуть, – говорю я. – Поэтому, когда наступило утро, я ушел, но я скучал по вам, Кэт».

Я надеваю рюкзак и чувствую, как знакомая тяжесть ложится на мои плечи. Это стало такой привычной частью моего дня, что я не могу представить себе похода без него. Она улыбается и гладит меня по руке.

«Мне очень повезло», – говорит она.

Мы идем по двухполосной дороге. Слева от нас местность резко понижается и переходит в долину, а внизу река изгибается между участками полей. За долиной лесистые холмы переходят в горы. Именно туда мы и направляемся.

«Послушай, – говорит она, – прошлой ночью у меня был небольшой словесный понос, и я боюсь, что...»

«Все в порядке, мне нужно было это услышать».

«Да, – она кивает. – Я знаю».

«С этого все и началось. Как я могу не думать о смерти?»

Она нежно смотрит на меня: «О, милый мальчик».

Маленькая белая машина проезжает мимо нас, двигатель воет, когда дорога поднимается в гору. На задней пассажирской двери видны пятна ржавчины. Я помню, как мы впервые шли вместе по той раскаленной дороге из Леона. Кажется, это было целую вечность назад.

День выдается погожий: голубое небо, приятные белые облака, не холодно, пока мы продолжаем двигаться. Вскоре желтая стрелка указывает на гравийную дорожку, ведущую в лес.

Мы идем в тени дубов и каштанов, полосы солнечного света очерчивают каменистую тропу, земля густо усеяна упавшими ветками и папоротниками. Птицы перекликаются друг с другом. Тропинка продолжает подниматься.

«Как тебе Индия? – спрашивает она. – Лично тебе?»

В лесу человеческий голос кажется неуместным. На мгновение я задумываюсь об этом. Как объяснить, почему такая древняя страна, как Индия, действует тебе на нервы? Я думаю о том, не рассказать ли ей о детях, которых я видел однажды вечером возле дискотеки в Дели. Они пытались продать мне гирлянды, и когда я спросил, где их родители, один из них сказал, что его отец – водитель велорикши – был где-то на улице и выпивал. Он не сказал, где его мать. Они повесили мне на шею гирлянды и смеялись, когда я начал заворачиваться в них. Тем временем из автомобилей, управляемых шоферами, выходили молодые мужчины и женщины, обходили детей, попрошаек и заходили внутрь дискотеки.

³⁸ Добрый день – исп.

Как описать шум, толпу, краски, коров, роющихся в мусоре на улицах, невероятную щедрость незнакомцев, запах благовоний и цветы, такие яркие, что на них почти больно смотреть?

«Мне запомнился один человек, – наконец говорю я. – У него была ампутирована нога, прямо над коленом. Он ковылял на костылях по оживленной улице, останавливался у окон машин, выпрашивая деньги. Мне было больно смотреть на его лицо. А потом, в тот же день, я отправился в Тадж-Махал. Я думал, что это будет просто еще один осмотренный памятник: я схожу туда, сфотографируюсь и уйду. Но когда я шел по мраморному полу босиком, ощущая его гладкость, это было нечто, Кэт. У меня возникло острейшее желание: мне захотелось жить, дышать, есть, заниматься любовью и умереть на этом мраморе. Все эти символы, и цветы, вырезанные внутри гробницы, и голуби, хлопающие крыльями под куполообразным потолком, – я влюбился во все это».

Я достаю из своего пакета батончик мюсли и протягиваю ей. Она отказывается. Я некоторое время жую его.

«Вот что мне запомнилось, – говорю я, – этот невероятный контраст».

«Хм, – говорит она, – это земля такой красоты и трагедии». Она отхлебывает из своей бутылки, сглатывает. «Ты скучаешь по своему времени там, по этой стране?»

«Я поехал туда, сделал то, что должен был сделать».

«О, боже, – говорит она, – когда я представляю, как ты принес пепел к реке, у меня слезы наворачиваются на глаза. Это так необычно».

Я пожимаю плечами, смотрю на деревья. Солнечный свет пробивается сквозь листву, освещая тропинку.

«Ты поступил достойно, – продолжает она. – Ты поставил точку».

У меня начинает болеть живот. «Поездка к Гангу ни с чем не покончила. Я думаю, наоборот, что-то порвалось».

К настоящему времени я знаю Кэт достаточно хорошо, чтобы понимать, что она изучает меня. Мне даже не нужно поворачивать голову.

«Я понимаю, что ты не был близок со своим отцом, но все равно это тяжело».

«Я не знаю, почему это так, Кэт. Я не любил его, когда был ребенком. Он был слишком агрессивным, постоянно орал, избивал нас с мамой. Я возненавидел свои воспоминания о нем, поэтому, когда вырос, оборвал все связи».

Боль начинает перерастать в жжение внизу живота.

«И вот однажды я узнал, что у него рак. Я рассказал об этом врачу, с которым работал, и по тому взгляду, который он на меня бросил, я понял, что все совсем плохо. Не то чтобы любой рак неизлечим, но этот был действительно фатальным. Никакого лечения – ничего».

«Бедный ты мой мальчик», – слышу я ее слова.

Я делаю несколько вдохов-выдохов, но это не помогает. У меня скручивает желудок. «Я поехал навестить его. Врачи сказали, что ему осталось жить меньше шести месяцев. Но он верил, что выживет. Сначала я подумал, что это отрицание, но он действительно верил в это. Он продержался восемнадцать месяцев. Это разрывало меня изнутри – наблюдать, как ему становится хуже, разговаривать с ним по телефону, слушать, как он слабеет. Не то чтобы я много с ним общался. Я не знал, что предпринять, поэтому ничего не делал».

Я останавливаюсь, делаю еще один вдох. Слышу стук сердца у себя в ушах. Я хочу убежать, забыть об этом, но рядом с этой женщиной на маленькой тропинке в лесу мне больше некуда бежать.

Ее рука на мгновение касается моей шеи сзади, затем останавливается. Я продолжаю идти.

«Однажды я вернулся домой поздно вечером, – говорю я, уставившись в землю. Камни, галька, сухие листья пожелтели и скручиваются по краям. Два маленьких отпечатка ног. – И тут зазвонил телефон. Врач в больнице сказал, что мой отец, скорее всего, не протянет и ночи».

Я останавливаюсь и качаю головой: странное ощущение. За исключением моего желудка, все остальное тело словно онемело.

«Я действительно думал, что был готов. Я ведь уже знал, что конец близок. Я слышал это по его голосу. Но... но в ту ночь эта весть меня потрясла. Все, что я помню, это как я пошел в спальню, разбудил свою девушку и заплакал. Я продолжал повторять снова и снова: “Мой отец умирает... мой отец умирает”. Мы сидели на полу в гостиной, и она обнимала меня. Боже, как я сейчас скучаю по ней. Я плохо знал этого человека, он мне даже не нравился, и вот я буквально распадался на части из-за него».

Кэт что-то говорит, но я не могу разобрать слов. Я не смотрю на нее. Я не хочу, чтобы она видела мое лицо.

«Ты успел встретиться с ним до того, как...?» – ее вопрос повисает в воздухе.

Где-то справа от себя я слышу крик птицы, затем хлопанье крыльев. Я снова слышу крик, на этот раз более слабый. Звук крыльев исчез.

«Да, – говорю я. – Когда я приехал в больницу, я поднялся на его этаж, сказал медсестрам, кто я такой, и они так на меня посмотрели, Кэт... Таким взглядом... Тем самым, которым мы смотрели в отделении неотложной помощи на семьи пациентов, для которых практически все было кончено. Я знаю, они хотели как лучше, но я просто хотел убежать, закричать, убраться из этого места, – я стараюсь, чтобы мой голос не дрожал. – Работая в больнице, привыкаешь к смерти. Вы же знаете это, Кэт. Но независимо от того, сколько раз ты это видел, когда смерть стучится в твою дверь, это становится чем-то личным».

Мои ботинки задевают упавшие ветки, и тогда я понимаю, что иду слишком быстро. Я слышу, как Кэт старается не отставать от меня. Я замедляю шаг, дышу. Тук-тук, тук-тук.

«Что он тебе сказал?» – спрашивает она спустя, как мне кажется, долгое время.

«В те несколько раз, когда я разговаривал с ним, он просил меня отвезти его прах к Гангу. В его культуре это долг сына. Я так и не ответил ему. Я не хотел иметь с этим дела.

Но в тот день в больнице он ничего не мог сказать. Предыдущей ночью он впал в кому. Врачи вывели его из нее, но не думали, что у него сохранились какие-либо мозговые функции. Он был подключен к аппаратам слева и справа. Из его палаты вышла целая толпа врачей и медсестер. Все они говорили одно и то же: они не могли понять, почему он все еще жив. Он пролежал без сознания некоторое время, прежде чем его реанимировали. Они хотели, чтобы я подписал согласие “не реанимировать” на случай, если он снова впадет в кому. Я был слишком растерян. Он так сильно хотел жить, но что я мог сделать? Я ничего не сделал, Кэт. Ничего...»

«Ты был там, – говорит она мягким голосом. – Это все, что было нужно».

«Я не уверен».

«Послушай, я работала со многими умирающими пациентами, держала их за руки, разговаривала с ними. Не имеет значения, в каком состоянии они находятся, – они могут слышать тебя, – ее голос становится выше. – Ты должен мне поверить».

Я прочищаю горло: «Я сидел возле него, Кэт. Я многое сказал ему. Как я боялся его в детстве, как я не понимал его, даже ненавидел. Потом я сказал ему, насколько меня впечатлила его борьба с раком – я действительно был впечатлен, – я уважал это и в некотором смысле гордился им. Я сказал, что он был моим отцом и я любил его за это.

И я сказал, что не могу принять за него решение “не реанимировать”. От его тела ничего не осталось. Я просто хотел, чтобы он был спокоен. Я сказал, что буду уважать любое его решение. Все, о чем я просил, – это чтобы он выбрал то, что даст ему покой. Потом я пообещал ему, что, когда придет время, я отвезу его прах к Гангу. Я должен сделать это для него».

«О, мой мальчик, – говорит она, – думаю, он и вправду слышал тебя».

Я пожимаю плечами: может быть. Принимая во внимание, что когда-то я не мог убежать от воспоминаний достаточно быстро и они превратились в лавину, сейчас я не смог бы заткнуться, даже если бы попытался.

«Я пробыл там весь день. Единственный раз, когда я уходил, – это чтобы спуститься в столовую. Я сидел там, ел суп и наблюдал, как люди едят, смеются, ходят вокруг, как будто ничего не происходит. Неужели они не понимали, что наверху умирает человек?»

Тогда я огляделся в поисках бледных, опустошенных лиц. Я искал тех, у кого был кто-то с верхних этажей. Я хотел найти в этой столовой кого-нибудь, кто понял бы, через что я прохожу, кто прошел через то же самое, и, может быть, я посидел бы с ними и поел бы суп. Понимаете, что я имею в виду? Не разговаривать, не произносить никаких слов, а просто сидеть и вместе есть суп».

Она протягивает руку и кладет ее мне на плечо.

«Я вернулся наверх, – продолжаю я, – и просидел рядом с ним до самой ночи. Я так устал. В конце концов медсестра велела мне немного отдохнуть: я все равно ничего не мог сделать. Я пошел домой к другу, который жил неподалеку, и около пяти утра он разбудил меня и сказал, что мне звонят по телефону. Я уже знал. В гостиной было темно, и у меня кружилась голова, так что я сел на диван, а мужской голос по телефону – это был врач – сказал, что сердце моего отца остановилось и что они пытались, но не смогли его реанимировать. Он сказал, что ему очень жаль, но, вероятно, это было к лучшему, учитывая состояние моего отца».

Я умолкаю, чувствуя себя опустошенным. Кэт смотрит на меня так ласково, что я готов расплакаться.

«Думаю, он слышал тебя, – говорит она. – Ты сказал ему то, что ему нужно было услышать. Так часто люди нуждаются в этом перед смертью. Ты дал ему это».

«Не знаю, Кэт. Я все еще чувствую вину».

«Чувствуешь вину? – ее рука крепко сжимает мое плечо. – *Почему?*»

«Потому, что не был рядом с ним. Что позволил ему умереть, почти не навещал, брал деньги, которые он присыпал мне в колледж, но не разговаривал с ним, не позволял себе сблизиться с ним. Выберите любую причину».

Она наклоняется ко мне: «Дорогой мальчик, неужели ты не понимаешь? Ты преподнес ему последний дар – прощение. Это так важно. Ты всего лишь человек, и ты сделал все, что в твоих силах. Мы не можем спрашивать с себя за большее. Тебе так повезло».

Я удивлен: «Повезло?»

«Да, отвезти его прах в это священное место. Это так много значило. Ты дал ему то, в чем он нуждался».

«Я не чувствую себя счастливцем, Кэт».

Впервые ее голос звучит резко: «А теперь выслушай меня».

Я поворачиваюсь, и взгляд ее зеленых глаз заставляет меня замереть.

«Когда умирала моя мать, – медленно произносит она, – я поехала в больницу и оставалась с ней. Я часто держала за руки умирающих пациентов, но не могла заставить себя прикоснуться к этой женщине. Я снова была маленькой девочкой. Она все еще пугала меня. Я пыталась вспомнить что-нибудь – что угодно, что заставило бы меня почувствовать любовь к этой женщине. Момент нежности. Был один случай: однажды она была добра со мной, когда гладила белье. Но этого было недостаточно. Я ничего не почувствовала. Когда она умерла, мы с отцом были в палате, и я все плакала и плакала. Ты знаешь, почему я плакала?»

Я качаю головой.

«Я не чувствовала ни вины, – говорит она, – ни любви, ни угрызений совести. Я плакала, потому что мне не о чем было плакать».

Она замолкает, ее глаза увлажняются. «Я чувствовала, что должна горевать, испытывать чувства, но я ничего не чувствовала, и мне было так грустно. То, что ты сделал для своего отца, было прекрасно. Это то, чего я никогда не смогла бы сделать для нее, как бы сильно ни старалась».

Она достает сигарету из пачки в кармане рубашки и держит ее в пальцах незажженной.

«Иногда причины, по которым мы что-то делаем, не имеют значения. Важно лишь то, что мы это делаем. Возможно, ты не понимаешь, почему помог своему отцу уйти. Может быть, это был страх. Или чувство вины. Или любовь. Может быть, все вместе, но это не имеет значения. Разве ты не видишь?»

Я долго обдумываю это. «В тот день в больнице, – говорю я наконец, – когда медсестры и врачи вышли из палаты, я хотел протянуть руку, прикоснуться к нему, обнять его, но я будто окоченел. Я уже не был человеком, который прошел армию и много чего испытал. Я снова был ребенком. Но мне удалось погладить его по руке, слегка коснуться его лба, и знаете что?»

«Что?»

«Я думаю, что именно его страдания позволили мне увидеть в нем человека». Я замолкаю. «Жаль, что… Мне просто грустно, что для этого ему пришлось страдать».

Мы останавливаемся. Она прислоняет посох к ноге, тянется ко мне и обхватывает мое лицо обеими руками. Ладони прижаты к щекам. Когда она делает это, я понимаю, что мои щеки мокрые. Я моргаю, чувствую, как слеза скатывается по подбородку.

«Я верю в судьбу, – говорит она. – Мы встречаем людей на своем пути не просто так, и нам всем это что-то дает. И знаешь, это никогда не работает в одну сторону».

Она прикуривает сигарету и сует зажигалку в карман. Я вытираю слезы с подбородка тыльной стороной ладони.

«Иногда я пытаюсь представить, – говорит она, глядя туда, где тропа изгибается, – каким был бы мир, если бы я чего-то не сделала. Если бы ты не принял решение пройти по Камино или так и не добрался до него, – она опирается на свой посох. – Все наши переживания, даже самые болезненные, необходимы. Они ведут нас куда-то».

Мы продолжаем идти, и она дает мне возможность помолчать. Тропинка ведет вглубь леса, и вскоре справа от нас появляется ручей. Мы идем по краю. Деревья с тонкими стволами склоняются над водой. Кора на стволах отслаивается, а листья плавают на поверхности.

Я подбираю камни и бросаю их в воду. Иногда они прыгают по поверхности, иногда – нет. Стрелка на дереве указывает на деревянный мост. Мы останавливаемся посреди моста и снимаем с себя рюкзаки.

Внизу шумит вода, и в моих ушах снова раздается глухой стук. Я облокачиваюсь на перила, закрываю глаза, пытаюсь замедлить дыхание. У меня щиплет глаза. Старый детский страх впивается когтями в мое нутро, цепляется лапами за горло.

«С тобой все в порядке?»

Я знаю, что она наблюдает за мной. Мое лицо горит, как под солнечными лучами.

«Кэт, есть еще кое-что, о чем я никому не рассказывал».

Я чувствую, как она придвигается ближе.

«Дорогой мальчик».

«Мои глаза», – говорю я.

«Да, я знаю, что они тебя очень беспокоят».

«У моего отца были красные глаза, Кэт. Это то, что я помню. Когда я был ребенком, и он напивался и злился, его глаза краснели, и в ту ночь в больнице его глаза были единственной частью его тела, которая двигалась. Они были открыты и все вращались и вращались по кругу. Врач сказал, что это была примитивная реакция мозга. Но его глаза…»

Долгое молчание. Я сосредотачиваюсь на звуке воды, пока ручей не оказывается у меня в голове, поднимаясь и опускаясь, извиваясь, петляя по лесу, становясь все быстрее и быстрее,

пока не превращается в рев. Я нахожусь в потоке, и он во мне. Я не уверен, слышала ли она меня. Я открываю глаза. Пенистая вода бурлит внизу на камнях.

«То, чего ты боишься, неправда, – тихо говорит она. Мне приходится напрягаться, чтобы расслышать ее сквозь рев в моей голове. – Это нормально. Ты пережил серьезную травму, и твой разум использует ее в своих интересах».

Рев медленно стихает. Поток воды – это снова просто поток.

«Я знаю, – говорю я. – Я знаю это. Но одно дело знать, а другое – верить. Мой разум... Я не могу ему приказать».

«Ах ты, дурачок. Ты думаешь, что из-за того, что у тебя покраснели глаза, ты становишься похожим на своего отца?»

Я смотрю на ручей, пока у меня не затуманивается зрение. Всю свою жизнь я говорил себе, что никогда не буду таким, как мой отец, что череда насилия закончится на мне, что я добьюсь чего-то в своей жизни. Мой отец умер в одиночестве и без гроша в кармане, никто не любил его, кроме сына, который едва мог заставить себя прикоснуться к нему в больнице. И вот я здесь, потеряв женщину, которая любила меня, понятия не имею, что я делаю, и каждый раз, когда я смотрю на себя в зеркало, мои глаза напоминают мне о нем.

«Что-то вроде того», – говорю я.

«Но это не так, – ее голос становится громче.

«Мне трудно, Кэт. Я не могу не думать об этом. Я не знаю, как перестать».

«Послушай-ка, – говорит она. – Ты должен поверить мне. Разум – это что-то расплывчатое, но ты должен верить, что то, что он говорит тебе, просто неправда».

«Ты помнишь Марию?»

«Да, красивая женщина».

В кабинете приюта Мария показала мне свой дневник странствий по Камино, разрешила пролистать его. Там был один раздел, который меня зацепил. «Все мои страхи, – писала Мария, – все, с чем я отказывалась сталкиваться лицом к лицу, теперь обрушилось на меня. Но я сражалась с этими демонами с силой, которой у меня никогда раньше не было. Одних я оставила под дождем, других – у подножия холма. Некоторые вернулись, чтобы преследовать меня, но я оставила их в грязи, на камнях и в горах. Я освободилась».

Я рассказываю об этом Кэт. Она бросает сигарету и давит ее ботинком. Затем она облокачивается на перила.

«Демоны, – говорит она, глядя на воду, – это хороший способ описать наши страхи. Это помогает нам осознать, что то, что они говорят, неправда. Но как бы ты их ни называл, ты можешь победить их. Я – живое тому доказательство».

Теперь моя очередь уставиться на нее: «Что вы имеете в виду?»

«После того как я оправилась от операции, во время которой чуть не умерла, я впала в глубокую депрессию. Я не хотела жить. День за днем я сидела дома, ожидая смерти. Никто не знал, что делать, как помочь, но внутри меня звучал тонкий голосок, который говорил, что мне нужно жить. Я нужна была своей семье.

Итак, я уцепилась за этот голос. Я цеплялась за него с отчаянием, потому что знала, что если отпущу, то утону. В течение полутора лет меня одолевали страхи. И, конечно же, они атаковали там, где я была наиболее уязвима. Страхи отлично умеют это делать. Они говорили мне, что я недостойна, я не заслуживаю жить, моя мать была права, меня никто не любил, мне было лучше умереть. И все же, несмотря на то, что страхи пытались заглушить тот голосок, я заставила себя осознать, что то, что они говорили, не было рациональным.

Каждый день, даже если это длилось тридцать секунд, я фиксировала в своем сознании рациональную мысль и цеплялась за нее. Не имело значения, что это было – цвет стены в моей спальне или даже мое имя, – главное, чтобы я знала, что это правда. Я цеплялась за эту мысль, боролась за нее, заставляла себя поверить в нее. Я держалась до тех пор, пока страхи снова не

одолевали мой разум. Но эти тридцать секунд я была победителем. Я делала это ежедневно, и рациональные мысли с каждым разом оставались все дольше. Однажды утром, полтора года спустя, страхи исчезли. Они утратили свою власть надо мной».

Она закуривает сигарету, ее руки слегка дрожат.

«Вот же черт, – она делает затяжку. – Не могу обойтись без этого».

«Кэт?»

Она качает головой: «Я не говорю, что это легко. Я даже не утверждаю, что у меня есть ответ. Все, что я знаю, это то, что я падала в бездну и вернулась». Она долго смотрит на сигарету в своей руке, затем кладет обе руки на перила. «Послушай, ты не можешь убежать. Избегать своих страхов или притворяться, что их не существует, бесполезно. Ты должен признать их. Но при этом все время помнить, что это неправда. Цепляйся за свои рациональные мысли, которые являются для тебя правдой, и используй их как якорь, – ее голос становится тише. – И тогда ты их победишь. Когда ты встречаешься лицом к лицу со своими страхами, ты лишаешь их власти над собой».

Она выпрямляется, поворачивается ко мне.

«Ты сделал все, что мог, – говорит она, – даже больше. Вот почему твой отец не мог умереть, пока ты не дашь ему обещание. Вот почему его глаза так двигались – они искали. Точно так же, как ты чувствовал себя плохим сыном, он, должно быть, чувствовал себя плохим отцом. Ты ощущал вину, он ощущал вину. Понимаешь, вину могут испытывать обе стороны».

Когда она умолкает, я говорю: «Кэт?»

«Извини, дорогой мальчик, я тут болтала без умолку. Что ты хотел?»

«Можно мне сигарету?»

Она протягивает мне пачку и зажигалку. Мы прислоняемся к перилам, слушаем шум воды внизу и курим в тишине.

«В любом случае, – говорит она, – хитрость заключается в том, чтобы не слишком зацикливаться на себе. Это очень опасно. Именно тогда и возникает чувство вины. Я думаю, что нужно отказаться от чувства вины, оно не приносит никакой пользы».

«Не так-то это легко, правда?»

«Нет, но ты должен понять, что у всего происходящего есть причина. Я пережила настолько трудные моменты, что у меня опускались руки. Мне казалось, что я ни за что их не преодолею, но каким-то образом я справилась. Все мы справляемся».

Ее сигарета погасла, поэтому я протягиваю ей пачку. Она достает еще одну, постукивает ею по тыльной стороне запястья.

«Хотя, как видишь, – она задумчиво улыбается сигарете, – кое с чем я так и не справилась».

Я прикуриваю для нее и наблюдаю, как она с удовольствием затягивается. Все ее тело, кажется, расслабляется.

«По правде говоря, – говорит она, – только когда мы оглядываемся назад, мы понимаем, что в жизни есть закономерность и все действительно имеет смысл. Мы просто обязаны что-то преодолеть. Черная полоса никогда не длится слишком долго. Несмотря на боль, моя жизнь сформировала меня, и все пережитое привело меня сюда. Сделало меня той, кто я есть».

«Наверное, – говорю я. – Я просто не уверен, что боль того стоит».

«Ты обладаешь чувствительностью, которой недостает многим людям, – говорит она. – Независимо от того, станешь ты врачом или нет, эта чуткость может помочь людям. Интересно, был бы ты таким, если бы никогда не испытывал боли?»

«Возможно...», – начинаю говорить я, затем останавливаюсь. Женщина, с которой я разговариваю, прожила детство, полное боли, и она сделала из этого нечто прекрасное: чудесное, полное приключений детство для своих детей. Она и ее муж окружили своих детей любовью и заботой. Однажды она упомянула в разговоре со мной, что немного боялась того, что ее дети

станут взрослыми, не осознавая, что жизнь может быть трудной. Но они оказались замечательными, и всякий раз, когда она говорила о них, каждая морщинка на ее лице смягчалась.

Она поступила так, как посоветовал священник: вместо того чтобы бесконечно задаваться вопросом «почему?», она сосредоточилась на вопросе «что дальше?».

«Ты освободил своего отца, – говорит она. – Теперь ты должен освободить себя».

Я киваю: «Хотел бы я, Кэт».

«Помни, что ты сделал все, что мог: это большее, о чем кто-либо может просить. Ты смог дать ему то, в чем он нуждался.

Ему нужно было услышать, что ты любишь его. Ему нужно было услышать от тебя, что он может уйти и обрести покой. Вот почему он держался».

Половина ее сигареты превратилась в пепел. Она смахивает его с перил, и пепел, кружась, падает в воду. «Если ты мне не веришь, вспомни, что он умер вскоре после твоего ухода. После того как ты сказал ему, что отвезешь его прах к Гангу, он стал свободен. И смог уйти».

Я сажусь на свой рюкзак, обхватываю колени руками, закрываю глаза, слушаю журчание воды. Стук в голове стих, и остался только сладкий, насыщенный аромат леса.

«Он обрел покой, – говорит она. – Ты должен принять это. Он ушел, и ты – не он, и, судя по тому, что я вижу в тебе, никогда им не будешь. Твоя душа свободна. Помни об этом».

Так я сижу в течение долгого времени. Я слышу, как она дважды щелкает зажигалкой. Она кашляет, затем, ступая по деревянным доскам, направляется к дальнему концу моста. Моя душа свободна. Свободна делать свой собственный выбор, совершать свои собственные ошибки, следовать своим собственным путем. Свободна оставить гнев, вину и страхи позади. Свободна спросить себя: «Что дальше?» Наконец я открываю глаза.

«Ты обрел покой, – шепчу я, глядя на голубые пятна сквозь листву. – И я этому рад».

Листья шелестят, и ветерок охлаждает мое лицо.

«А знаете? – я окликаю Кэт. – Я кое-что заметил на Камино. Когда я нахожусь в окружении природы и мне приходит в голову мысль, которая кажется правильной, поднимается ветер. Сначала я подумал, что это совпадение, но теперь я в этом просто уверен».

Она смеется и подходит ближе.

«Особенный мальчик, ты знаешь больше, чем думаешь».

Она протягивает руку, и я хватаюсь за нее, позволяя ей поднять меня. Мы надеваем наши рюкзаки.

«Готовы?» – говорю я.

«Всегда готова!»

Мы переходим мост и идем вдоль ручья.

«Насчет ветра... знаешь что?»

«Что?»

Она смотрит вверх, на деревья: «Тебе следует к нему прислушиваться».

День тридцать второй

Через холмы, покрытые вереском, тропинка шириной в несколько футов ведет в Галисию, конечный регион Камино. В километре от границы на каменном указателе обозначено расстояние до Сантьяго-де-Компостела: 150 километров. Финишная прямая. Известно, что многие паломники, достигнув этой отметки, садятся и размышляют в тишине. Еще в километре впереди – на вершине горы – находится старинная деревня О-Себрейро. Это одно из самых известных мест паломничества не только потому, что это самая высокогорная деревня на Камино, но и благодаря чуду, которое, как считается, произошло здесь.

В четырнадцатом веке один крестьянин пришел пешком сквозь сильную снежную бурю, чтобы причаститься в церкви О-Себрейро. Монах был удивлен, увидев его. Больше никто не появился. Он насмехался над замерзшим и измученным крестьянином за то, что тот рисковал своей жизнью, но пока он ругал крестьянина, хлеб и вино превратились в плоть и кровь.

Этот случай стал известен как «чудо О-Себрейро». Святыни были помещены в золотую чашу, которую до сих пор можно найти в церкви.

Мы с Кэт сидим на уличной веранде бара и распиваем бутылку вина. Сейчас ранний вечер. Перед нами лежит мощеная деревенская дорога, которая чуть далее резко уходит вниз на тысячи футов. Долина покрыта коричневыми и зелеными квадратами сельскохозяйственных угодий, а вдали виднеются окружающие ее горы, уходящие в облака.

«Хотите осмотреть церковь?» – спрашиваю я ее.

«Я уже побывала там, – говорит она. – Пока ты регистрировался. Я поставила свечу за друга».

Мне нравится эта идея: «Я, пожалуй, тоже схожу и поставлю свечку за своего отца».

Она улыбается, гладит меня по плечу: «Конечно, иди».

Маленькая церковь находится в конце деревни и построена из грубых каменных блоков, как и многие здешние дома. Внутри темно, и мои глаза медленно привыкают. У входа стоит стол с незажженными свечами и ящик для пожертвований. Прямо по курсу – статуя Иисуса на кресте на стене с четырьмя узкими окнами, затем скамьи и алтарь. Вдоль стен стоят зажженные свечи в красных плафонах.

В одном конце церкви возвышается приподнятое надгробие. В другом – вделанный в стену из неровного камня стеклянный шкаф, освещенный красноватым светом. Внутри находится знаменитая чаша. Я подхожу к ней, потирая руки, чтобы согреться.

В соборах, покрытых золотом, фресками и украшенных бесценными произведениями искусства, я не находил покоя. Они не шли ни в какое сравнение с пшеничными полями, колышущимися под открытым голубым небом. Но в этой простой церкви на вершине горы я смотрю на символ чуда, и мой разум успокаивается. Не имеет значения, верю я в эту историю или нет. Значение имеет только человек, который семьсот лет назад рисковал своей жизнью из-за того, во что он верил. Теперь каждый год десятки тысяч людей стекаются в эту же церковь, чтобы почтить это событие.

Я снова слышу глухой стук в голове, но теперь он звучит мягко и успокаивающе, и тогда я понимаю, где нахожусь. Как-то один паломник рассказал мне о концепции тонкого места. Он сказал, что существуют особые места, где граница между небом и землей очень тонка. Где можно ощутить присутствие другой стороны.

У меня возникает то же самое чувство, что и тогда, когда я встретил монаха, за спиной которого возвышались Гималаи. Как будто все встало на свои места, происходит так, как и должно. Если рай существует, то граница между ним и этим местом должна быть очень тонкой.

Я подхожу к столу, беру свечу и кладу деньги в ящик для пожертвований. Пока я ищу спички, дверь открывается и внутрь входит грубоатый на вид мужчина. Он замечает меня, говорит что-то по-испански и поворачивается, чтобы уйти.

«Подождите, – я указываю на незажженную свечу в своей руке.

Он достает из кармана зажигалку, поджигает свечу и выходит. Дверь тихо щелкает у него за спиной.

От сквозняка крошечное пламя сильно колышется. Теперь я знаю, что делать. Я подхожу к надгробию – свеча согревает мои сложенные чашечкой ладони – и устанавливаю свечу. Пламя мерцает, раздается голос.

Мой отец говорит по телефону, его голос тонкий и надтреснутый из-за химиотерапии: «Знай, что я хотел как лучше. Я всегда хотел как лучше».

Потом я сижу на стуле, а он стоит рядом на одном колене и учит меня завязывать шнурки: я снова и снова ошибаюсь, он терпеливо объясняет, показывает, как надо перекрестить веревки, сделать петлю и затянуть. Я помню, как наконец-то сделал все правильно и выражение его лица – такое гордое, глаза улыбаются, а я чувствовал себя так, будто теперь мне все под силу.

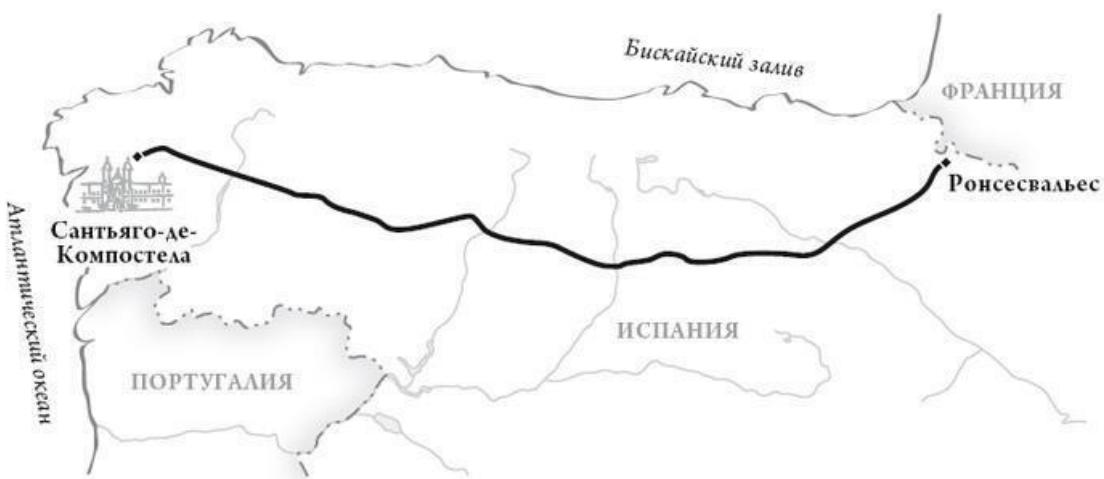
Пламя свечи разгорается ярче, и я чувствую любовь к этому человеку, который боролся со своим раком с каждым вздохом и хотел жить.

Он не был ни святым, ни чудовищем. Просто человеком. Со всеми его недостатками, мечтами, надеждами и желаниями. Человеческое существо.

Я кое-что знаю. Я знаю, что жизнь не делится на черное и белое. Между ними лежат оттенки серого и всех цветов радуги. Я не знаю, почему мой отец стал таким, каким он был, почему у него был рак, почему он страдал; я никогда не узнаю, что происходило в его голове, когда он ночь за ночь лежал в постели, в то время как его тело разрушало само себя. Я многого не знаю.

Но вот что я знаю: пока я стою в церкви, наблюдая за горением свечи, что-то внутри меня меняется. Что-то маленькое. Такое маленькое, что я его едва ощущаю, но это все меняет.

Я подхожу к дверям, открываю их и оборачиваюсь, чтобы бросить последний взгляд. Свеча горит ровно, умиротворенно – таким же был и мой отец в последние мгновения жизни. Луч вечернего солнца падает на чашу, заставляя золото сиять. Я выхожу на яркий свет.

День тридцать третий

«Послушайте, Кэт».

«Да, мой мальчик?»

«Вы узнали что-нибудь новое на Камино?»

Она кивает: «Я узнала кое-что о храпунах. Количество храпящих в приютах ошеломляет. Я и представить себе не могла, что так много людей могут издавать такой ужасный шум».

Как только я перестаю смеяться, я замечаю Розанджелу. Я извиняюсь, выхожу из-за стола и подбегаю к ней. Она на площади, наполняет свою бутылку из фонтана.

«Мой серьезный паломник», – кричит она, увидев меня, и радостно обнимает.

Я провожу рукой по ее волосам. Они такие мягкие и шелковистые под моими пальцами. Я не знаю, что на меня нашло, но она меня тоже не останавливает.

«Твои волосы, – говорю я. – Они подчеркивают твои глаза».

Расцепив объятия, мы стоим гораздо ближе, чем подобает приличным паломникам.

«Как поживает твое сердце?» – спрашиваю я.

«Оно открылось. Оно вновь широко открытое и живое».

«Могу себе представить».

«А ты, мой серьезный паломник, – говорит она, – уже не такой серьезный».

Я усмехаюсь: «Мое сердце тоже открывается».

Она наклоняет голову. Внутри нарастает какое-то дикое чувство. Это чертовски приятное ощущение.

«Пойдем со мной в Сантьяго, – внезапно говорит она. – Мы начинали вместе – с закрытыми сердцами. Давай закончим – с открытыми. Вместе».

Ох-ох-ох. Вот если бы она позвала меня с собой пол-Камино назад.

Я качаю головой: «Не все так просто».

Я рассказываю ей о Кэт и приглашаю присоединиться к нам. Она улыбается своей медленной, восхитительной улыбкой.

«Мое сердце, – говорит она, – должно идти в одиночестве. Но ты мог бы присоединиться».

Мое сердце испытывает острую боль, но не сожалеет ни на секунду. Я знаю, что мне нужно.

«Как насчет Сантьяго?» – говорю я.

Ее улыбка становится шире: «Я пробуду там неделю. Найди меня».

«Договорились», – говорю я, отвечая на ее улыбку.

Она протягивает руку и проводит пальцем от кончика моего носа к основанию. Медленно.

«Я найду тебя», – говорю я.

Когда она уходит, я вспоминаю об итальянском туристе в Дхарамсале, который первым рассказал мне о Камино, о том, что здесь находишь себя. Возможно, тут находишь и других людей. А они находят тебя.

День тридцать четвертый

В стране Возрождения плато Месета исчезает в горах, а затем горы спускаются к холмам и сочным долинам. Узкие грунтовые тропы ведут через луга, покрытые полевыми цветами. Они проходят мимо кукурузных полей, взбираются на склоны холмов и входят в леса из дубов, буков, эвкалиптов и сосен. В деревенских барах звучит волынка. Число паломников увеличивается, а приюты становятся переполненными. На мозоли уже никто не жалуется. Где-то там, в направлении заходящего солнца, приближаясь с каждым днем, находится Сантьяго-де-Компостела.

И вот однажды, пересекая поле в стране Возрождения, Кэт рассказывает мне свою историю смерти.

«Однажды я влюбилась, – говорит она. – Это была абсолютная любовь, совершенная во всех отношениях. Она принесла мне больше радости и боли, чем я когда-либо испытывала».

Прищурившись, она смотрит на горизонт.

«Он был прекрасным человеком, и я потеряла его. Он умер. Но за то время, что мы провели вместе, я узнала о силе любви, о том, как она может пронзить твоё сердце. Она открыла мне тайну вечности».

Сегодня ветреный день, и поле неспокойно. В воздухе разлита приятная прохлада, и я провожу руками по стеблям, пока мы идем.

«Мне было восемнадцать, когда я вышла замуж, – говорит она. – В те времена, если ты не была замужем, ты была изгояем, а я, конечно, не хотела быть изгояем. Мне очень повезло. Мой муж такой хороший, любящий человек. Я люблю его, всегда любила, – долгая пауза. Она кашляет. – Но я полюбила еще кое-кого – просто так случилось».

Лучи солнечного света пробиваются сквозь разрывы в серых облаках над головой.

«Знаешь, – говорит она, глядя на небо, – не проходит и дня, чтобы я не увидела что-нибудь прекрасное и не подумала о нем. Обычно я думаю о мелочах, о глупостях. Иногда они доставляют боль, но в основном просто замечательны. Я настоящий везунчик».

Самолет низко и быстро летит под облаками. Каждый раз, когда на него падает солнечный луч, он сверкает.

«Джулиан». Ее голос слегка дрожит. «Джулиан, – повторяет она. – О, у него был такой мягкий, нежный, интеллигентный голос. Он действовал так успокаивающе, – она протягивает руку и касается моей кисти. – Знаешь, вот что мне только что пришло в голову, и это довольно забавно. Когда я была с ним в первый раз, я и слова вымолвить не могла, – хихикает она. – Вот я опять отнимаю у тебя время, несу полную чушь. Ты можешь себе представить, чтобы я вдруг не смогла говорить?»

Я игриво похлопываю ее по руке: «Да ладно вам, Кэт. Вы же знаете, что это неправда».

«О, – говорит она, улыбаясь, – ты так добр. Как бы то ни было, в первый раз, когда мы остались наедине, я как в рот воды набрала. У нас был всего час, и я подумала про себя: “Ну и пусты. Час быстро пролетит”. Мы были на автостоянке, и он держал меня за руку и рассказывал мне истории. А потом уехал. В следующий раз у нас было всего десять минут. Но я поняла, что это не имело значения. За эти десять минут я смогла узнать больше, испытать больше, чем за всю свою жизнь, – она машет рукой в небо, рукав ее флисовой куртки развевается. – Наше представление о времени на самом деле полная ерунда. Мы суетимся, бегаем вокруг да около, думая: “О боже мой, о боже мой, у меня так мало времени”. Но если задуматься, какие-то десять минут могут оказаться вечностью».

«Звучит потрясающе, – говорю я. – Такая любовь».

«Мальчик мой, – ее лицо смягчается, – ты боишься, что, возможно, никогда этого не испытаешь, но ты испытаешь. Ты должен быть уязвим, вот и все».

Внезапная вспышка. Сью звонит по телефону и спрашивает: «Ты... верил... мне?» Ее голос звучит напряженно, почти умоляюще. Воспоминание заставляет меня вздрогнуть.

«А другого выхода нет?» – спрашиваю я.

Кэт поджимает губы: «Ты предпочел бы что-нибудь другое?»

«Я бы не возражал».

«Послушай, – говорит она после паузы, – мы должны быть уязвимы. В жизни и в любви. Когда мы уязвимы, мы учимся. Именно наша уязвимость движет нас вперед, а не наша сила. Вот почему я так не люблю стереотипы. Стереотипы твердят: будь сильным. Особенно это касается мужчины: будь сильным, не проявляй эмоций. Чушь собачья!

Моя самая большая сила – это моя уязвимость».

Близлежащий ручей вышел из берегов, и тропа становится сырой. Мы осторожно обходим лужи и скользкие камни. Я протягиваю ей руку, чтобы поддержать, и она, улыбаясь, хватается за нее.

«Что в нем было такого особенного? – спрашиваю я. – Что заставило вас полюбить его?»

Она смотрит на наши руки. «Я не могу этого точно сказать. Знаешь, всю мою жизнь другие хотели узнать меня, но он был первым, кто сказал: “Я хочу, чтобы ты знала обо мне все”. И то, как он целовался – я могла почувствовать его всего в одном поцелуе, – она делает паузу, пока мы сосредотачиваемся на том, чтобы добраться до сухой земли. Как только мы можем свободно идти, она продолжает: – И дело не в том, что он знал обо мне все. Он знал обо мне всего понемногу, и я полагаю, этого было достаточно». Она на мгновение задумывается, а затем говорит: «Раньше я чувствовала себя с ним в такой безопасности. Однажды я сказала ему об этом, и он спросил: “Почему ты чувствуешь себя в безопасности со мной?” Это было то же самое чувство, что и тогда, когда я ушла от родителей, чтобы жить с бабушкой, но, полагаю, это было не самое лучшее, что можно было ему сказать».

Она тихо смеется, потом ничего не говорит.

«Как вы познакомились?» – спрашиваю я.

«На работе. Однажды на съемочной площадке я оказалась рядом с этим красивым мужчиной, пока он разговаривал с режиссером. Я тоже ждала режиссера, нам нужно было что-то обсудить, уже не помню что. Боже, теперь все это как в тумане. Как бы то ни было, этот человек взял мою ладонь в свою и начал нежно поглаживать ее. И, казалось, что он совершенно не отдавал себе отчета в том, что он делает, – она проводит рукой по волосам и задерживает ее там. Потом оборачивается ко мне. – Только представь. В то время мне было сорок три года, я была матерью четырех детей. У меня не было намерения заводить роман, – рука опускается. – Я вовсе не сердцеедка. Я не охочусь на мужчин. Никогда в жизни ни на кого не вешалась».

Ее посох постукивает по камням при каждом шаге. Я насчитываю шестнадцать ударов, прежде чем она снова заговоривает:

«Мы разговорились, а потом раз в неделю встречались на автостоянке. На самом деле все это было невинно. Я рассказала ему о своем детстве, о моем муже, о большом, беспорядочно устроенном доме, в котором мы жили, и я сказала ему то, чего раньше не осознавала: теперь, когда у меня было все, чего я хотела, мне стало чего-то недоставать. Я всегда так суетилась, заботилась обо всех, но у меня никогда не было времени на себя. А он сумел дать мне нечто особенное. Он слушал».

Она останавливается, улыбается. Крошечные морщинки под ее глазами разбегаются по щекам.

«Это одно из твоих лучших качеств, мой мальчик».

Я широко улыбаюсь, счастливый.

«Его жена была очень красивой и обаятельной женщиной. Помню, иногда я думала: “Боже, что он вообще делает рядом со мной?” Он рассказал мне, как она отдалилась от него.

Он рассказывал о женщинах, с которыми у него были отношения, – а их было много, – и о том, как он втайне боялся сблизиться с женщиной».

Она легонько подталкивает меня локтем, затем продолжает:

«Когда я впервые пришла к нему в гости, его жены не было дома. Он подготовил мне ужин. Я не могла вспомнить, когда кто-нибудь делал для меня нечто столь простое. Мы сидели на кухне, и я указала на чашку, которая мне понравилась, – она напомнила мне одну из тех, что были у моей бабушки. С тех пор, когда бы я ни навещала его, он всегда ставил передо мной эту чашку.

Когда я уходила, то упала с лестницы. Только представь, вот она я – с виду такая спокойная и собранная, хотя в душе у меня в это время просто царит свистопляска, – и тут я кубарем скатываюсь в гостиную».

Мы оба долго смеемся.

«Что он обо мне мог подумать? Я вела себя как школьница! В общем, я поднялась на ноги, притворившись, что ничего не случилось, вышла за дверь, снова споткнулась и упала в саду. И что бы ты думал? Мне удалось добраться до машины, не упав больше ни разу».

Она ждет, пока я не закончу смеяться.

«На самом деле я старалась, я правда старалась. Найти любую причину остановиться, найти какой-то дефект, но я не смогла. В моей любви не было ничего дурного. Благодаря ей я гораздо больше смогла давать своим пациентам, и им тоже досталась частичка этой любви.

И вот настал тот день, как ты понимаешь, когда он спросил, смогу ли я когда-нибудь уйти от своего мужа. Мне была невыносима мысль о том, что я могу причинить боль своему мужу. Он хороший человек и по-настоящему мне дорог. На следующий день я встретила Джулиана в оранжерее. Я помню, он сидел там, посреди всех этих лиан, и я сказала ему: “Я не могу”.

Он сказал: “В таком случае, я думаю, нам не следует больше встречаться”.

Он сидел немного в стороне от меня. “Ты как будто где-то далеко”, – говорю я, а он отвечает: “Ты можешь подойти ближе”.

Я не могла. Решение было принято. Я пошла к своей машине и трясущимися руками закурила сигарету. Тут я подняла глаза и увидела сойку – эти птицы редко встречались в тех местах – и подумала про себя: “Никогда мне еще не было так больно”.

Три недели спустя я оказалась где-то недалеко от Оксфорда. Стоял прекрасный день, в воздухе летали птицы, неподалеку был пруд и трехэтажный дом, весь покосившийся. Наверху окно было открыто, и в нем кто-то играл на флейте. Я просто стояла и слушала эту прекрасную музыку. Взглянув на пруд, я вдруг поняла, почему некоторые прыгают в ближайший водоем, чтобы покончить со всем этим. Покончить с болью. Эмоциональная боль была такой сильной, такой интенсивной, что я не знала, что делать».

Тропа расширилась и превратилась в посыпанную гравием дорожку. Мы отходим в сторону, чтобы пропустить паломника на велосипеде. Позади нас шелестят поля.

«Я ему не звонила, – говорит Кэт. – Я думала, что никогда больше его не увижу. Шесть или восемь месяцев спустя я была в студии, сидела за завтраком и увидела его. Я решила, что это мой фантом, что мне он просто мерещится. Но он болтал с какими-то продюсерами. И тут он подошел и подарил мне самый чувствственный поцелуй, какой только может быть в половине девятого утра.

“Ты подождешь меня?” – спросил он.

“Я не могу. Мне нужно идти на работу”.

Я ушла со съемочной площадки, но весь день была в оцепенении. Я проходила мимо него, когда он сидел и разговаривал с режиссерами, а он посыпал мне воздушные поцелуи и махал рукой у всех на глазах. Я подумала: “Боже, этот человек на двадцать один год старше меня, а ведет себя как влюбленный подросток”.

Позже тем вечером я увидела его, и он спросил, во сколько я заканчиваю. Я сказала ему, что в восемь часов. «Я не могу так долго ждать», – сказал он. Я проводила его до ворот, которые были недалеко. Я подумала, так будет лучше, иначе я могу сесть в его машину и никогда не вернуться. Он поцеловал меня в шею у ворот и ушел. Я смотрела ему в спину и окликнула: «У тебя все в порядке?»

Он сказал: «Со мной все в порядке. Только...»

Что он имел в виду: «Все в порядке. Только»?

Два или три дня спустя я была на съемочной площадке и увидела в углу телефон. Он будто подзывал меня. Однажды я уже пыталась дозвониться до него, но монета застряла, и я подумала про себя тогда: «Боже правый, Кэт, опомнись». Что ж, теперь я не дала себе опомниться. Я позвонила и услышала его голос. Его мягкий, ласковый голос. «Я буду рад видеть тебя», – сказал он, и я пришла.

Правда, я заблудилась и добралась до него через целых три часа. Он открыл дверь. Не было никакого «Почему тебя так долго не было?». Он просто взглянул на меня и сказал: «Ну, наконец. Я уж думал, ты пропала», – и он обнял меня и держал в объятиях очень долго».

Уголки ее глаз приподнимаются, когда она улыбается.

«В общем, – говорит она, – ты догадываешься, что было дальше».

Вдоль дороги тянутся деревянные заборы. Мы проходим мимо пасущихся лошадей, фермерских домов, коровников и ручьев с деревянными мостиками. Внезапно облака расходятся, и сквозь них проглядывает солнце. Ветер стихает. Большое облако закрывает солнце, и снова поднимается ветер.

Мы продолжаем идти. Края облаков окрашены в бледно-красные и желтые тона, их нижняя часть – в бирюзово-серый цвет. Сейчас в облаках много разрывов, и сотни лучей освещают землю, некоторые наклонены под разными углами, другие льются прямо вниз.

«Господи, – Кэт прижимает руку к груди, – это так прекрасно».

Дорога поднимается в гору, и далеко впереди мы видим, как она огибает луг и ведет в лес.

«Как долго вы были с ним знакомы?» – спрашиваю я.

«Восемь лет».

«Ух ты, – удивленно говорю я. – Так долго».

«Так и есть. Я ужасно боялась потерять его и как-то сказала ему об этом. Я все думала: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, прошу тебя, не оставляй меня. Я не знаю, как я справлюсь. Я ссохнусь и умру». Мне была невыносима эта мысль».

Она молчит. Я насчитываю двенадцать ударов посоха, задаваясь вопросом, каково это – испытывать подобные чувства.

«Однажды, – говорит она, – я не видела его целый год и не знала, увижу ли когда-нибудь снова».

«Почему?»

«Видишь ли, дело было в его возрасте и состоянии здоровья. Ему стало трудно заниматься любовью, а потом он и вовсе не смог. Когда это произошло, он прижал меня к себе и сказал: «Это просто означает, что я могу полностью сконцентрироваться на том, чтобы доставить тебе удовольствие». Но я видела, как трудно ему было принять это. Я спросила его: «На что это похоже?»

Он сказал: «Представь, что я стою у входной двери. Она открыта. Ты наверху. Ты меня слышишь. Я зову тебя, но ты не можешь говорить. Ты не можешь пошевелиться, чтобы прийти ко мне. Вот каково это – не иметь возможности заняться с тобой любовью»».

Стая белых птиц поднимается над деревьями и кружит над головой. Они летят по ветру, поднимаясь все выше и выше. Кэт наблюдает за ними, пока они не перестают кружить и не улетают на восток.

«Со временем ему стало трудно находиться рядом со мной, – говорит она. – Он не мог вынести этой боли. Наконец он сказал мне, что мы должны перестать встречаться. Мы могли разговаривать по телефону, но находиться рядом было слишком больно.

Я думала, что моему миру приходит конец. Я пыталась переубедить его, я умоляла его, но он не захотел. Я думала, что окажусь в камере с мягкими стенами. В течение года я шла по жизни будто слепая, я была неживая. И вот однажды мы разговаривали по телефону, и я выпалила: “Ты мне нужен!”

Он спросил: “Правда?”

“Да, разве ты не видишь? Я не могу без тебя”.

“Хорошо, – сказал он, – в таком случае что ты делаешь сегодня вечером?”.

Мы начали встречаться на автостоянке с видом на пруд, окруженный очень высокими деревьями. Мы покупали чай в соседнем магазине, и пока стояли в очереди, он пел мне. Классические песни, старинные детские потешки. Он держал меня за руку, смотрел мне в глаза и пел. Потом мы сидели в машине, часами разговаривали и смеялись, и когда он целовал меня, это было так чувственно. О, я чувствовала себя такой красивой».

Мы проходим мимо пасущихся на пастбищах коров, у которых на шеях позякивают колокольчики. Трава становится гуще и вскоре сменяется папоротником и кустарниками. Пробковые дубы и каштаны окаймляют дорогу, когда она сужается до грунтовой тропы, а затем мы оказываемся в лесу.

Под деревьями тихо и прохладно. Я не тороплю ее, зная, что она закончит рассказ в свое время. Тропа усеяна камнями и листьями. Мы проходим мимо поваленных деревьев, их кора гниет, корни тянутся вверх.

Стены из сухой глины становятся выше с обеих сторон, пока мы не оказываемся в глубокой и широкой траншее. Несмотря на то, что тропа ведет в гору, кажется, что мы спускаемся. Толстые деревья склоняются сверху, их покрытые листвой ветви переплетаются над головой. Вскоре ветви окутывают траншею, как сводчатая крыша собора, и глинобитные стены оказываются у нас над головами.

Мы входим в туннель с зеленой крышей. Мы идем до тех пор, пока не перестаем видеть вход позади себя. Когда дует ветер, крыша дрожит. Свет просачивается сквозь листву, и далеко впереди туннель сужается, превращаясь в яркий овал.

Мы сидим на пне, пока Кэт закуривает сигарету. Она начинает затягиваться, но вместо этого сильно кашляет.

«Вы в порядке?» – спрашиваю я, протягивая руку, чтобы поддержать ее.

«Да, дорогой мальчик. Со мной все в порядке. Знаешь, я по-прежнему волнуюсь, когда думаю о нем, – она затягивается сигаретой. В затемненном туннеле тлеющий конец сигареты мерцает, как светлячок. – Ох, вот что мне по-настоящему нужно».

Она делает еще одну затяжку и выдыхает. Будто долгий вздох.

«Я часто говорила ему, что знаю, о чем он думает, – тихо говорит она, – что он чувствует. Мои чувства были обострены. Я пыталась объяснить ему, что я чувствую, но слова не шли с языка.

Говорила, что слова даются так тяжело. Он взял меня за руку и сказал:

“Да, но они тоже нужны”».

Она усмехается при воспоминании об этом и курит до тех пор, пока от сигареты не остается только фильтр. Затем она щелчком бросает окурок. Фильтр вращается в воздухе по спирали и отскакивает от стены. Я бросаю взгляд на обручальное кольцо у нее на пальце и не могу удержаться от вопроса.

«А ваша семья знает?»

Она отводит взгляд: «Ну… да».

Я не знаю почему, но я продолжаю допытываться: «Как они узнали?»

«Что ж, мои дети узнали сами. Однажды я собиралась навестить Джулиана, и мой младший сын спросил: “Куда ты едешь?”, а я придумала какую-то отговорку. Я вела машину и думала о том, какую ужасную вещь я совершила. Я никогда раньше не лгала своим детям. Никогда. Это позор – лгать своим детям. Я встретилась с Джулианом, вернулась домой и сказала сыну: “Я только что солгала тебе в первый раз в своей жизни”».

«А ваш муж... Он, я имею в виду, он...»

«Да, я сказала ему».

«Вы сказали?»

В туннеле из глины и веток ее голос звучит глухо: «Я всегда хотела ему сказать. Я хотела спросить его, что мне делать, надеясь, что он скажет: “Бедная ты моя, это просто увлечение, это пройдет”, но, конечно, тогда я этого не сделала. Все произошло гораздо позже. Но к тому времени прошли годы.

Я ждала его с работы. Я была раздавлена. Когда он приехал, я сидела в столовой и на столе стояло виски. Я сказала: “Думаю, тебе лучше выпить”. Он не захотел, поэтому выпила я – мне это было нужно. Я сказала ему, что если он не собирается пить, то, по крайней мере, ему лучше присесть».

Она умолкает, ее лицо бледнеет. Я протягиваю ей свою бутылку, и она делает несколько глотков.

«Если это слишком тяжело, – говорю я, закрывая бутылку, – вам не обязательно рассказывать».

Пронзительным взглядом она смотрит на меня: «Нет. Ты должен это услышать».

Поднимается ветер, и ветви над нами раскачиваются. Сверху падают листья.

«Иногда, когда я смотрю на своего мужа, – говорит она, – я думаю: “Господи, как же я заставила тебя страдать”. Я просто хочу воздать должное этому замечательному человеку. Когда я все рассказала ему, он сказал, что Джулиан, должно быть, удивительный парень, раз я его так сильно люблю».

«Он так и сказал?»

Она кивает: «Заметь, это было нелегко, это было трудно. Ужасно, ужасно тяжело. Он был очень зол, но мы с этим справились». Она вздрагивает и натягивает на себя куртку. «Мы были так привержены условностям. Мы воспитаны так, чтобы думать, что существует только один вид любви. Все это чушь. Любовь многолика. Мне потребовалось немало времени, чтобы понять, что я могу любить своего мужа и Джулиана. На самом деле это были разные виды любви. Оба многому меня научили. Просто они научили меня разным вещам».

Она снова замолкает и прикусывает губу. Я жду, затем спрашиваю: «Вы когда-нибудь видели Джулиана снова?»

«О да, я продолжала встречаться с ним. Теперь, когда мой муж все знал, я сама говорила ему, когда пойду на автостоянку. Он знал, что между нами не было ничего такого, ну, ты понял, учитывая состояние здоровья Джулиана и все такое. Он доверял мне».

«Похоже, он хороший человек».

«Так и есть. Мне очень повезло, – она оглядывается по сторонам в поисках чего-то. – Похоже, мне действительно нужно пройтись».

Она поднимает окурок и засовывает его в карман куртки. Мы начинаем спускаться по тропе.

«Вы в порядке?» – спрашиваю я.

Она ничего не отвечает.

«Если это навевает воспоминания, если вы предпочитаете не говорить об этом, – снова предлагаю я, – я пойму».

«Нет, – она трет глаза ладонями. – Все в порядке. То, что я пережила с Джулианом, было идеальным, и его смерть тоже была частью этого совершенства. Но вначале с этим было трудно смириться».

«А что с ним…?» – начинаю спрашивать я, но останавливаюсь, заметив ее лицо. Она побледнела. Ее щеки стали белыми, как бумага, и я могу разглядеть под ними тонкие вены.

«У него был рак».

Во рту внезапно появляется горький привкус. Я сглатываю несколько раз, чтобы избавиться от него.

«Однажды вечером мы сидели на автостоянке, пили чай, и он произнес: “Я должен тебе кое-что сказать”, а я спросила: “Что же?” Он ответил: “У меня диагностировали рак”, – мышца на ее челюсти дрожит. – Видишь ли, у его типа рака был высокий уровень выживаемости. Ему просто нужно было сделать операцию. Но после операции его организм поддался инфекции. Я каждый день навещала его в больнице. Я познакомилась с его женой – она приняла меня за его друга. Он продолжал терять вес, и однажды вечером я почувствовала в нем что-то такое, что я прежде испытывала с умирающими пациентами. Я просила, умоляя его выкарабкаться. “Молю, молю тебя, поправляйся, я не смогу жить дальше без тебя”. Но он впал в полукоматозное состояние».

Она моргает несколько раз, не сводя глаз с конца туннеля и овала света.

«Знаешь, однажды, сидя рядом с его кроватью, я обернулась к медсестре и сказала ей: “Этот человек много значит для меня”. Она ответила: “Знаю. Мы замечаем такое”.

Его жена хотела быть моим другом. Я стала для нее источником поддержки. Это было странно, потому что у меня был роман – о, как я ненавижу это слово, оно даже приблизительно не описывает того, что было между нами, – с ее мужем. Я была рядом с ней, я помогала ей. Помню, я раньше думала: “Надеюсь, когда-нибудь она обретет то, что я обрела с ее мужем”».

Мы проходим мимо белого ствола бука. Она протягивает руку, срывает лист, подносит его к носу и глубоко вдыхает.

«И вот однажды, – говорит она слабым голосом, – я перестала умолять. Я сказала ему, как сильно его люблю и всегда буду любить. Потом я уехала домой. Вскоре после этого мне позвонила его жена и сообщила, что он при смерти».

Мы продолжаем идти. Она крепко сжимает листок в руке.

«Когда я добралась до больницы, он был в коме, но все еще жив. С ним была его жена. Мы сидели у его постели, и я сказала ей: “Я хочу, чтобы вы знали, что я люблю вашего мужа”. Она ответила: “Я знаю”. Мы просидели несколько часов, потом его жена ушла выпить чаю. Я осталась с ним наедине. Я еще раз поблагодарила его за красоту, которую он привнес в мою жизнь, и сказала: “Когда ты уйдешь, я пойду на автостоянку и буду думать о тебе. Я буду с тобой”. И он открыл глаза как раз в тот момент, когда я закончила говорить. Он посмотрел на меня. В этот момент вошла его жена, и я ушла, чтобы дать им время побыть вдвоем».

Ветви сверху поредели, и солнечный свет освещает тропу. Наши рюкзаки задеваются за глинобитные стены.

«Вскоре после этого он умер, – говорит она. – Когда я увидела его тело, оно выглядело таким красивым, словно светилось. Я спросила его жену, могу ли я поцеловать его на прощание, и она сказала “да”. Я наклонилась и поцеловала его в лоб, как делала всегда, когда он был жив, и когда я целовала его, я и вправду ощутила его присутствие – его настоящего, его подлинной сути, вот каким сильным было это чувство – и будто услышала, как он говорит: “Ах ты, дурочка моя милая. Теперь-то зачем меня целовать. Ты всегда была сентиментальной девчонкой”».

Стенки траншеи опускаются до уровня плеч.

«Я пошла на автостоянку и зашла в магазин, чтобы выпить чаю. Думаю, именно там, когда я все осознала – стоя в очереди и заказывая чай на одного вместо двоих, – я чуть не упала

в обморок. Потом я выпила чаю и пошла прогуляться по аллее. И вдруг безо всякого предупреждения ощутила его рядом с собой. Это чувство было настолько сильным, что я сказала: «Отойди немножко», и он отошел, как только ветер стих. Потом я поняла, что это он, и умоляла его вернуться, и снова поднялся ветер, и я вновь почувствовала его».

Выход из туннеля становится все ближе, свет ярче. Стены уже нам по пояс.

«Теперь всякий раз, когда я иду и чувствую ветер, я чувствую и его. Не так сильно, как в тот день, но я чувствую его, и это чудесно».

Стены доходят нам до колен, и траншея расширяется. На выходе свет становится яркобелым.

«Его смерть открыла мне, что такое чистая любовь. Насколько сильной она может быть, даже если человека больше нет рядом с тобой».

Туннель заканчивается. Только что мы были под сводом из веток и листьев, а в следующее мгновение мы уже на открытом лугу. Я слышу журчание ручья и оглядываюсь, но не вижу его. Слева от нас – долина, за ней возвышаются холмы.

Мы идем по высокой траве, ветер треплет низ наших штанов. Тропа вьется все выше. Мы всё идем, и идем, и идем. Никогда раньше я не видел ее такой. Она продвигается вперед все быстрее и быстрее, как будто сжигая что-то позади. У меня болят икры. Мы продолжаем мчаться, ничего не замечая, пока не достигаем вершины холма, и тогда останавливаемся. Мы сидим на наших рюкзаках и смотрим на долину.

«После того, как Джюлиан умер, – тихо говорит она, – я посмотрела на свое тело и подумала: «Что это?», – она указывает на небо. – Впервые я почувствовала, что моя душа где-то там, снаружи. А это… это оболочка. Я почувствовала себя полностью вне своего тела и поняла, что смерть – это лишь маленькая частичка целого».

Она открывает пакет с оливками. Это навевает воспоминания о нашем с ней первом совместном обеде.

«Все те страхи, которые мы испытываем по поводу своего тела, – говорит она, – нас беспокоит, что мы состаримся, что живот отвиснет, появятся морщины – все это не имеет значения. Тело – не что иное, как оболочка, – она кладет обе руки на колени, пакет свисает у нее между пальцев. – Я просто хотела поскорей избавиться от всего этого и присоединиться к нему, – она роняет пакет. – Наши тела разрушаются. Смерть – это всего лишь вспышка, просто вспышка в… чем бы то ни было».

Ее плечи поднимаются и опускаются при каждом вздохе. В ее глазах все еще тот же отсутствующий взгляд, но появилось и что-то другое. Как будто они смотрят не вдаль, а сквозь пространство.

«Разговоры о нем, – говорит она, – навевают много воспоминаний, даже дурацких. Он был частично глух на левое ухо, и в моменты особой нежности я шептала ему на ухо. Он поворачивался ко мне и кричал: «Что?» Я кричала в ответ, и мы оба смеялись, – она смотрит прямо на меня, ее взгляд настолько пристален, что я почти вздрогиваю. – Просто удивительно, по чому мы скучаем, когда они уходят».

Трясущимися руками она прикуривает еще одну сигарету и глубоко затягивается.

«Я была так счастлива, – говорит она. Теперь она улыбается. – Я верю в это. В моей жизни так много прекрасного, что когда я думаю об этом, господи, у меня просто захватывает дух».

Она указывает на меня сигаретой.

«Запомни это, особенный мальчик. Никогда не забывай о красоте».

Солнце скрылось за холмами. Тонкая красная линия пересекает гребни, как будто они охвачены огнем.

«Я не забуду, Кэт».

Над головой проплывают полосы облаков. Красный цвет над холмами усиливается, а низ облаков становится ярко-оранжевым.

«Кэт, мне кажется, что сейчас самое время покурить».

Она протягивает мне сигарету и прикуривает ее. К ее щекам вернулся румянец.

«Я начинаю беспокоиться за тебя», – говорит она, наблюдая, как я затягиваюсь.

«Это последняя», – говорю я, отставив руку с сигаретой.

«И все же я беспокоюсь, – говорит она и смеется. – Мои дети жалуются, что я становлюсь немного похожей на мумию».

Мы курим в тишине. Слышны только редкие завывания ветра. Сначала из вида исчезают холмы, затем облака. Сейчас они в основном серые, чуть красноватые по краям. Остальная часть неба, светло-голубая, темнеет. Когда мы докуриваем сигареты, ветер становится холоднее и начинают стрекотать сверчки. Согласно указателю, который мы прошли, следующая деревня находится менее чем в километре отсюда.

«Брр, – говорю я, и мое лицо покрывается мурашками. – Идемте дальше?»

Она кивает, улыбаясь, и я помогаю ей встать.

«После его смерти, – говорит она, – какое-то время ничто не имело значения. Дети выросли и больше во мне не нуждались. Мой муж тоже не нуждался во мне – по крайней мере, я так думала – ошибочно, – в любом случае я не хотела здесь задерживаться, – ветер хлещет по нам с тихим свистом. Ее улыбка все еще на месте. – Но я рада, что задержалась».

Я смотрю на нее: ласковые глаза, морщинки, серебристые волосы, румяные щеки. Я знаю ее так недолго, но теперь не могу представить свою жизнь без нее. Я протягиваю руку и беру ее за ладонь. Мы оба улыбаемся.

«Я тоже, Кэт, – говорю я. – Я так рад, что вы задержались».

День тридцать шестой

Я иду медленно, опираясь на толстую ветку, одна лодыжка туга обмотана эластичным бинтом, появившимся по милости мокрого пола в приюте. К середине дня я догоняю Кэт. Она отдыхает на берегу ручья, сняв ботинки и опустив ноги в воду.

«Эй, привет, – кричит она, когда я подхожу ближе. – Ну, как твоя нога?»

Я бросаю свой рюкзак на землю и сажусь. «Уже лучше».

«Давай посмотрим», – говорит она.

Я снимаю ботинок и носок и разматываю повязку. Она надевает очки и осторожно осматривает ногу, надавливая на лодыжку. Когда она прикасается ко мне, боли почти не чувствуется. Я говорю ей об этом.

«Ну, – бормочет она, вертя ступню в руках, – знаешь, у меня была небольшая практика».

Я откидываюсь назад и смотрю на деревья. Солнечный свет согревает мое лицо. Ниже по течению раздается журчащий звук небольшого водопада.

«Как поживают твои страхи?» – слышу я ее голос.

Я задумываюсь. Благодаря лекарствам, которые она достала, глаза медленно заживаются, и когда я думаю о своем отце и его страданиях, то чувствую печаль, но мой желудок уже не сжимается так, как раньше.

«Все еще на месте, – говорю я, – но не такие сильные. И они меня не донимают».

Я чувствую, как она втирает мазь в мою лодыжку.

«Испытывать страхи – это нормально, – говорит она. – Просто признай их такими, какие они есть: ненастоящими. И больше не слушай их. Это важно».

Я приподнимаюсь на локтях: «А ваши страхи когда-нибудь возвращаются?»

«У них есть довольно неприятная привычка появляться время от времени, – говорит она, закрывая тюбик. – Вот что я тебе скажу: у них нет такой силы, и теперь я знаю, как сосредоточиться на реальности. Они появляются только тогда, когда я испытываю сильный стресс, как это было с тобой в последнее время. Поэтому я добра и деликатна сама с собой, и они уходят. Вот что ты должен делать: беречь себя. И они исчезнут».

Она разворачивает новый бинт и обматывает мою лодыжку. Я снова откидываюсь назад. Где-то позади меня сверчок поет свою одинокую песню.

«Отлично, – она похлопывает меня по ноге. – Готово».

Я встаю, пробую ногу. Повязка плотно прилегает, и лодыжка почти не болит. Мы надеваем свои рюкзаки и идем по белой песчаной тропинке к полю.

Обычно мне приходится сбавлять скорость, когда мы идем вместе, но сейчас ее темп мне в самый раз. Один паломник назвал ее стиль ходьбы «походкой Кэт». Ей это понравилось.

Тропа пересекает другую тропу, образуя четыре перпендикулярных пути. Мы останавливаемся, оглядываемся по сторонам. Здесь есть только мы, тропинка, расходящаяся в четырех направлениях, стебли пшеницы, ветер.

«Мы можем пойти куда угодно, – говорю я. – Новые места, новые приключения».

«Хм, – говорит она. – Это то, что наполняет жизнь волшебством. У человека всегда есть выбор».

В середине перекрестка три длинные палки, окрашенные в желтый цвет, расположены в форме стрелы. Мы следуем за ней, ковыляя и шаркая ногами, пока другая желтая стрелка не приводит нас в лес. Легкий ветерок сдувает грязь с тропы, и, шагая в тени, мы молчим.

Тропа петляет между деревьями. Я сосредотачиваю все свои силы, стараясь не поскользнуться на неровных камнях. Вскоре тропа расширяется, и я немного опережаю Кэт.

«Подожди минутку», – слышу я ее крик.

Я оборачиваюсь и вижу, что она стоит под толстым дубом. Маленькая квадратная табличка, прибитая к стволу, висит на уровне плеч. Я медленно подхожу к ней.

«Это так прекрасно, – Кэт проводит рукой по табличке. – Как ты думаешь, что это значит?»

В верхней части деревянной таблички написано «Exp de Selix». Под ней крест, заключенный в полукруг, похожий на чашу. Все это расположено в полном круге, все это красного цвета.

«Красиво, – говорю я, – что бы это ни было».

«Хм, – она кивает, продолжая рассматривать табличку.

Мы возвращаемся на тропу. Она лениво изгибается, а когда выпрямляется, мы видим Ника, фотографирующего валун. На нем нарисован тот же символ. Под ним красная стрелка указывает вниз по тропе. В том же направлении, что и Камино.

Ник указывает на него жестом: «Ты тоже это видел?»

К настоящему времени мы сталкивались друг с другом достаточно часто, чтобы вести цивилизованные беседы. Он даже стал мне в некотором роде симпатичен.

«Есть идея, что это такое?» – спрашиваю я.

Он качает головой. Кэт нежно проводит рукой по символу.

«Так красиво», – шепчет она.

Мы идем по тропе, пока она не заканчивается на поле, обнесенном забором из колючей проволоки. Желтая стрелка на столбе указывает вправо. Под ней красная стрелка указывает влево.

В прошлый раз, когда я не обратил внимания на вывеску, я пропустил Игнасио и его деревянный крест.

«Я хочу посмотреть, куда она приведет», – говорю я.

Ник кивает: «Согласен. Давайте посмотрим».

«Приключение, – Кэт улыбается. – Слушайте, это становится захватывающим».

Впервые на Камино мы следуем не за желтыми стрелками. Они ведут вглубь леса к тропинке, которая несколько раз разветвляется, петляет среди дубов, минует кукурузное поле и заканчивается у двухэтажного фермерского дома.

Белая краска на стенах отслаивается длинными полосами. Лужайка покрыта пятнами грязи и бурой травы. К гаражу ведут две небольшие колеи каждая шириной с колесо.

«Вот мы и пришли», – говорит Ник, оглядываясь по сторонам.

Мы стоим на жаре, пот высыхает у нас на шеях. Воробей начинает чирикать. Как раз в тот момент, когда я собираюсь повести как настоящий бесцеремонный американец и пойти постучать в дверь, раздается громкий скрип. Дверь гаража открывается, и оттуда выбегает человек в синем комбинезоне.

К тому времени, как он добирается до нас, он тяжело дышит. Его седеющие волосы аккуратно подстрижены, на лице небольшая щетина, и у него проницательные голубые глаза. Молния на комбинезоне расстегнута до груди, под ней видна белая футболка. Он кладет руки на колени и переводит дыхание.

«Боже», – говорит Кэт, прижимая руку к груди. Широкая улыбка.

«Я очень рад вас видеть», – говорит мужчина по-испански, затем добавляет что-то, чего я не могу понять. В каждом регионе Испании есть свой собственный диалект, и тот, что практикуется здесь, в Галисии, сбивает с толку даже носителей испанского языка.

«Пойдемте, – он жестом приглашает нас следовать за ним.

Пока мы с Ником обмениваемся взглядами типа “а стоит ли?”, Кэт и мужчина уже направляются в гараж.

Он останавливается и машет рукой: «Пожалуйста».

К тому времени, как мы оказываемся внутри, рюкзак Кэт лежит на земляном полу и она уже закуривает свою первую сигарету. У задней стены сложены тюки сена. На дальнем конце – проволочная изгородь, а за ней, в темноте, кудахчут куры.

Мужчина вытирает лицо рукавом. Кэт курит и молча наблюдает за ним. Блеет овца.

«Что нам делать?» – Ник толкает меня локтем и шепчет.

«Понятия не имею», – шепчу я в ответ.

Хозяин щелкает выключателем на стене. Резкий красно-синий свет вырывается из дверного проема и освещает земляной пол.

«Пойдемте, – он делает движение. – Пойдемте».

Пока мы снимаем свои рюкзаки, Кэт уже проходит через дверной проем. Гулкие шаги по деревянной лестнице.

«Боже милостивый», – раздается громкий возглас Кэт.

Я бросаю свою палку и бегу за ней, Ник – за мной. Все мы слышали историю о том, как на людей нападали на Камино. Мы взбираемся по лестнице, освещенной рождественскими гирляндами, в длинную прямоугольную комнату. Она стоит рядом с испанцем.

«С вами все в порядке?»

«Конечно, мой мальчик, – говорит она. – Это потрясающее».

Стены увешаны картинами. Чувствуя себя более чем глупо, я спокойно подхожу к ближайшей картине, как будто каждый день врываюсь наверх. Шаги Кэт отдаются эхом по деревянному полу, когда она ходит взад-вперед, бормоча: «О боже, боже милостивый, о боже мой».

Картина большая, на ней изображены два дерева, стволы которых напоминают ладони, сложенные вместе в молитве. За деревьями большой круг оранжево-зеленого цвета закручивается в спираль сам по себе. Небо сквозь ветви сверкает белизной.

Засунув руки в карманы комбинезона, хозяин дома наблюдает за нами. Все картины похожи на эту. Деревья, небо, птицы – все сверкает. Он подходит к Кэт и что-то говорит.

«Да что вы? – говорит она. – Да, конечно».

Что касается цвета, то в нем есть что-то особенное. Это не краска, скорее мелкие, мерцающие песчинки. Ими покрыты даже холсты. Хозяин следует за мной к картине, изображающей желтые холмы под красноватым небом.

«Камень, – он трет кулаком о ладонь, как будто перемалывает камень.

Я качаю головой, не вполне понимая. Он достает из кармана темно-зеленый кристалл размером с мяч для гольфа, вкладывает его мне в руку, затем указывает на соседнюю комнату. Тонкие лучи света проникают сквозь закрытые ставнями окна на стол, заваленный камнями, кристаллами и кистями для рисования. Рядом с ним – книжная полка, уставленная стеклянными банками из-под маринованных овощей, каждая из которых переливается разными цветами. Бирюзово-голубой, красновато-коричневый, искрящийся зеленый, оранжевый – цвета заката.

«Никакой краски, – говорит испанец. – Все сделано из камня».

«Где вы находитите свои камни?» – спрашивает Кэт.

«Я хожу с сумкой. Как вы. Иногда я копаю землю».

«Сколько деталей, – выпаливает Кэт по-английски. – Это, должно быть, занимает вечность».

Испанец кивает, похоже, понимая.

«Да. Это зависит от размера. На эту, – он указывает на картину с тремя деревьями, – ушло четыре месяца. Но мне нравится это занятие».

Пока он открывает окна, мы изучаем картины. За окном виднеется светло-голубое полуденное небо. Я присоединяюсь к Кэт. На ней очки, и она смотрит на картину, изображающую два голых дерева со спиралью.

«Это очень красиво, – говорит она мне. – Это напоминает мне о влюбленных, врастающих друг в друга на протяжении вечности».

Художник подходит, и я спрашиваю его, что означает эта картина.

«Тайна, – отвечает он. – Тайна жизни».

«И любовь», – добавляет Кэт.

Он поворачивается к ней, как будто запоминая ее лицо, затем улыбается:

«Да. Любовь и жизнь – прекрасная тайна».

Когда я отхожу, она спрашивает, как он придумывает узор. Он отвечает медленно, но я улавливаю только три слова. Сердце. Мечта. Камень.

«Пойдемте, – говорит хозяин студии через некоторое время. – Чай?»

«О, это было бы чудесно», – говорит Кэт.

Я пока не хочу уходить.

«Можно мне?» – я указываю на картины.

Художник утвердительно кивает.

Пока Кэт и Ник следуют за ним вниз по лестнице, я держу кристалл в руке, ощущая острые края на ладони, и пытаюсь представить себе силу удара камня о камень и тысячи столетий, которые могли потребоваться, чтобы его создать. Я помню, что испытывал то же самое по отношению к Гималаям в Индии. Я бродил по этим горам, наблюдал, как солнце встает и садится над вершинами, и все это время я пытался убежать от прошлого. Но именно потрясения прошлого, мощь тектонических плит, сталкивающихся друг с другом, создали горы.

Я брошу окружу, смотрю в окно на старый дуб: его ствол прямой и узкий, как у секвойи, ветви широко раскиданы. Затем – я был бы не я – я решаю заглянуть в студию хозяина дома. Там стоит картина, прислоненная к стене, размером больше всех остальных: на ней изображены распластертыми крылья, золотые и огненные, поднимающиеся от земли к небу, пылающие. Каждая песчинка переливается.

Я подхожу ближе и долго смотрю на нее. Меня больше ничто не удивляет в этом путешествии.

«Я рад, что ты больше не на дне», – шепчу я.

Ее голос, далекий: «Я тоже рада, что ты выбрался».

«Отсюда вид гораздо лучше, правда?»

Я чувствую ее улыбку. В этом моменте столько всего заключено. Она, Индия, мой отец, этот безумный поход. И единственная ниточка – это огромная благодарность, которую я испытываю за все это. Каждомуциальному шагу, который привел меня сюда, поведет дальше отсюда, и всем последующим шагам.

«Если это сделало тебя тем, кто ты есть, – сказал однажды Лоик, – тогда это хорошо».

Теперь я понял. Я действительно понял.

Я подбрасываю кристалл в воздух, смотрю, как он отражает свет, сверкает, и ловлю его. Я улыбаюсь, потом вспоминаю, что у нас впереди еще долгий день ходьбы. Возвращая кристалл на стол, я бросаю последний взгляд на картину.

Они сидят внизу за кухонным столом и курят. Хозяин ведет нас обратно в гараж.

«Подождите», – говорит он, подтаскивая маленькую ступку и пестик к нашим рюкзакам.

Он шарит по земляному полу и находит обычный на вид камень. Он бьет по нему молотком и стамеской, пока не отваливается несколько кусочков, а затем поднимает как трофей. Посередине блестит зеленая прожилка.

«Боже милостивый», – говорит Кэт приглушенным голосом.

Он извлекает зелень зубилом и растирает ее в ступке. Когда он заканчивает, внутри остаются крошечные, похожие на песок частички, точно такие же, как на его картинах. Они блестят. Он осторожно передает ступку Кэт.

Она проводит пальцем по внутреннему краю, окрашивая его в зеленый цвет.
«Как вы узнали?»
«Камень направляет меня».

Наконец мы взваливаем на плечи свои рюкзаки и выходим на лужайку. Испанец рассказывает нам о кратчайшем пути к Камино, пожимает нам руки, долго смотрит Кэт в глаза и возвращается в гараж.

Тропа ведет мимо поля в лес. Пока Ник шагает впереди, мы с Кэт медленно идем позади, опираясь на свои посохи.

«Я так рад, что мы последовали за красной стрелкой», – говорю я ей.

«Я тоже, – говорит она. – Это был простой и мудрый человек. Он рассказывал мне о символе, который мы видели на табличке. Это он сделал его из любви к женщине. Символ изображает любовь, душу, сексуальность и вечность. Она заканчивается внутри круга, чтобы показать, насколько мы совершенны в схеме жизни и смерти. Разве это не прекрасно?»

Я киваю. Мы останавливаемся, чтобы попить из наших бутылок.

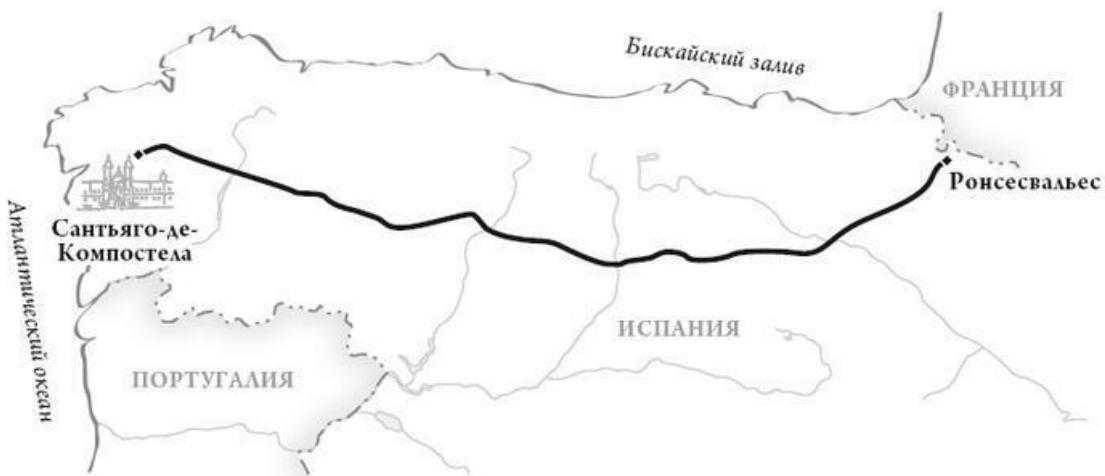
Она смотрит прямо перед собой, ее голос звучит мягко: «У меня такое чувство, что мудрость не имеет ничего общего со знанием, скорее с ощущением чуда. Чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что мы действительно не можем ответить на многие жизненные вопросы. Это тайна, и притом прекрасная. Я научилась принимать ее».

Мы возобновляем движение и добираемся до полей. Желтые стрелки ведут нас вдоль забора, а затем к гравийной дороге, обсаженной тополями. Здесь нет ни ветерка, только жара и тишина, и приятно идти в тени.

«И знаешь что, – говорит она. – В этом человеке столько страсти, но то, что он сказал, прозвучало совсем просто. Он сказал следующее: “Я работаю с камнем, и в своем камне я нахожу все. Я нахожу Бога, мир, самого себя”».

Она смотрит на меня и улыбается.

«Мой дорогой мальчик, нам всем нужно найти свой камень».

День тридцать седьмой (утро)

Я нахожу телефонную будку через дорогу от кафе и набираю ее номер. Когда она берет трубку, я игриво говорю: «Привет, Сью, помнишь меня?»

«Неужто сам мистер паломник?»

Я смеюсь. Она выжидает мгновение, затем присоединяется.

«Ты все еще с этим, как-там-его-зовут?»

Пауза, затем: «Да».

«Все в порядке, – говорю я. – В любом случае я позвонил не за этим. Я позвонил... Я просто позвонил... потому что...»

«Да?»

«Я рад, что у тебя все хорошо, – я смотрю сквозь стекло на холмы. – Что касается меня, то со мной все в порядке. Я хотел, чтобы ты... Мне нужно было, чтобы ты это знала».

«О, – говорит она нежным голосом, затем надолго замолкает. – О, Амит».

«И я хотел бы увидеть тебя».

«Ты возвращаешься?»

«Мне нужно подать заявление в медицинскую школу».

«Это здорово, – говорит она. – Я всегда думала, что тебе следует это сделать».

Я хочу лечить пациентов с любовью, как Кэт. Меня так и подмывает рассказать о ней Сью, но я оставляю эту затею. Как вообще можно описать Кэт со всей ее многогранностью?

«Я знаю, – говорю я. – Я хочу дать миру то, в чем он нуждается: еще одного врача-индуса».

Она смеется, на этот раз от души. Ее смех звучит волшебно.

«Я хочу, чтобы мы были друзьями, – продолжаю я. – Я хочу вернуться и рассказать тебе обо всем».

«Мне бы этого хотелось, – говорит она. – Мне бы этого очень хотелось».

«И я рад, что ты с ним».

«Послушай...»

«Ты заслуживаешь того, кто сделает тебя счастливой. Я не был тем самым парнем».

На линии раздается гул, потом – тишина: «Ты тоже этого заслуживаешь, Амит».

Мы оба наслаждаемся моментом.

«Я верю в это все больше и больше», – наконец говорю я.

После того как мы завершаем разговор, я перехожу улицу, захожу в кафе и присоединяюсь к Кэт за нашим столиком. Завтра мы будем в кафедральном соборе Сантьяго. В телефонной будке я увидел кое-что, что навело меня на мысль.

«Я собираюсь разбить там лагерь на ночь», – говорю я ей, указывая на холмы.

Она прикрывает глаза ладонью, всматривается вверх. Как только вы заметите его сквозь деревья, его ни с чем не спутаешь.

«Чертовски хорошая идея».

Она улыбается, нежно ероша мои волосы. Это движение напоминает мне мою тетю. Кажется, это было целую вечность назад. Я должен позвонить ей из Сантьяго и поблагодарить за то, что она терпит меня.

«Я догоню вас завтра у собора».

«Ну конечно, мой дорогой мальчик, – говорит Кэт. – Я пока что буду потихоньку брести дальше».

После того как она уходит, я заказываю *café con leche* и медленно пью его, время от времени макая хлеб в кофе. Послезавтра я проснусь, и мне некуда будет идти дальше. От этой мысли мне немного грустно, потому что такова была моя жизнь последние тридцать шесть

дней, но это также заставляет меня улыбаться, потому что с окончанием одного путешествия придет другое. В любом случае это и есть жизнь – череда все новых путешествий.

Я смотрю в ту сторону, куда, изгибаясь, ведет дорога через деревню. Желтая стрелка на тротуаре указывает на холмы. Мог ли мой отец предвидеть это, когда просил меня отнести его прах к Гангу? Предвидеть, как я готовлюсь завершить католическое паломничество? Определенно нет. Знал ли он, что поездка в Индию положит начало путешествию, в котором я наконец смогу дать ему то, чего не мог, когда он был жив, – прощение? Может быть.

Кто знает, что на уме у умирающего человека? Но вот что я знаю: хотя нити его ДНК встроены в мою, я – не он. Он был продуктом своего опыта, а я – продукт своего.

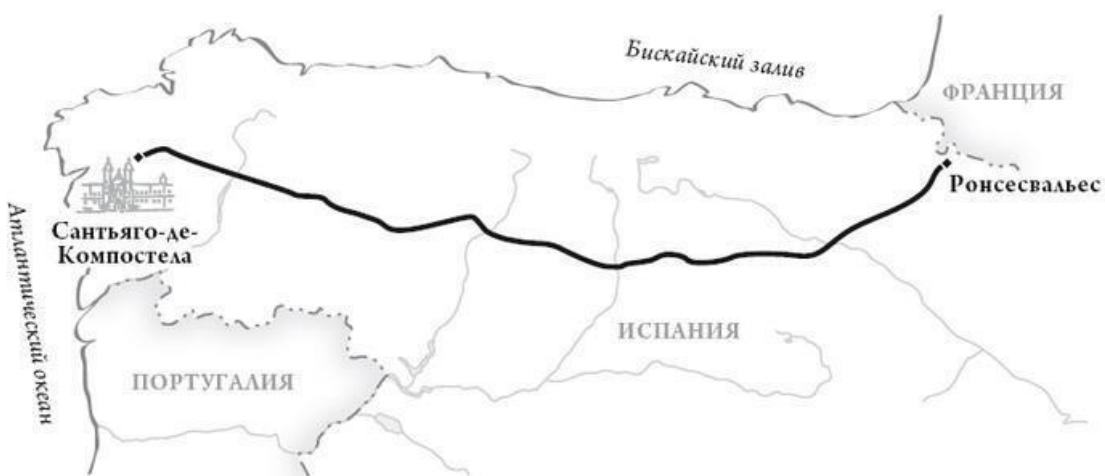
Возможно, насилие было невидимой нитью, связывающей поколения, – от его деда к отцу и к нему самому. Но выбор, продолжать ли это, передавать ли будущим поколениям, остается за мной. Мой выбор. И я выбираю, чтобы это закончилось.

Осознание этого позволяет мне чувствовать себя ближе к нему. Я вижу его ребенком, играющим со своей сестрой, отцом, который совершил ошибки, и теперь, всякий раз, когда я думаю о нем, я чувствую нежность к этому человеку и грусть о том, что было и что могло бы быть.

Где-то в деревне звонят церковные колокола. Голубь приземляется на тротуар и расхаживает взад-вперед на красных лапках. Он искоса наблюдает за мной круглым выпуклым глазом, а затем улетает.

Я оставляю деньги за кофе на столе, отодвигаю стул и встаю. Мой рюкзак лежит у моих ног. Я поднимаю его, чувствуя, как знакомая тяжесть ложится мне на плечи, затягиваю лямки и застегиваю поясной ремень.

Затем я делаю глубокий вдох и направляюсь к холмам.

День тридцать седьмой (вторая половина дня)

Я ударяю свой посох о бедро, разламываю его надвое и бросаю в кучу. Я смотрю мимо каменных укреплений туда, где склон холма спускается вниз – темный и изрезанный острыми верхушками сосен, – а затем плавно переходит в луг. Деревья слегка покачиваются на ветру. Далеко внизу мерцает водохранилище. За ним проходит дорога, а затем деревня, откуда я впервые увидел руины этого замка. И вот теперь, спустя полчаса подъема, я здесь.

Я спрыгиваю с внешней стены с высоты около пяти футов и собираю кучу веток в руки. Внутри замка в основном неровная земля с пятнами бурой травы. Я бросаю хворост возле неглубокой ямы. Этого достаточно для небольшого костра.

Я раскладываю камни вокруг ямы по кругу. Сначала идут маленькие веточки, прислоненные друг к другу, а между ними – смятая газета. Ветви среднего размера идут сверху. В готовом виде все это напоминает перевернутый конус. Самые крупные ветки отложены в сторону на потом.

Облако движется, и внезапно луч солнечного света ласково касается моего лица. День клонится к вечеру, и у меня уже покалывает в носу от холода. Я собираю еще веток для кучи, затем исследую, но не нахожу ничего интересного. Часть передней стены замка обрушилась, а вокруг почерневших пятен от предыдущих костров разбросаны пивные бутылки. Все пространство не намного больше загородного дома. Тем не менее я нахожусь в замке, и он весь принадлежит мне.

Через несколько часов солнце опустится за холмы. Если бы Кэт была здесь, сейчас было бы самое время выкурить сигарету. Но больше ничего подобного не будет. Две деревни назад она выбросила последнюю пачку сигарет в мусорное ведро.

«Страхи, или привычки, или камни, – сказала она. – Мы должны оставить что-то позади».

Вдалеке виднеются едва различимые шпили собора Сантьяго-де-Компостела, где я буду завтра, прижимая пальцы к знаменитой статуе, – просто еще один паломник. Я думаю о людях, которых встретил во время этого путешествия, о вещах, о которых мы говорили, об общих уроках, приветствиях и прощаниях. Мысли и воспоминания приходят и уходят. Ветер меняется, деревья шелестят, и я улыбаюсь. *Saudade*.

Этот замок когда-то был домом знати, которая посыпала своих приспешников грабить и нападать на паломников. Но теперь он лежит в руинах. Когда-нибудь лес окончательно захватит его, и от него ничего не останется. Только звезды станут свидетелями перемен. Меня, как и паломников до меня, уже давно не будет в живых.

Я потираю нос, потому что больше не чувствую его. Пора заняться делами. Первое: поджечь смятую газету. Она быстро сгорает, сворачиваясь внутрь, с черными краями. Второе: напихать в огонь еще бумаги. Языки пламени медленно поднимаются и опускаются по веткам. Третье: дожить более крупные ветки. Дерево потрескивает. И в-четвертых, у меня есть это: мой собственный очаг в моем собственном замке. Я исполняю маленький танец короля джунглей.

Когда огонь разгорается по-настоящему, я кладу сверху самые толстые ветки, затем прикасываюсь к корточкам и наслаждаюсь моментом. Розанджела, должно быть, уже в Сантьяго. Я найду ее, приглашу на танец. Что будет потом – понятия не имею. В любом случае в этом и заключается волшебство жизни: никогда не знаешь, какое приключение ждет тебя за углом.

Вскоре у меня начинают гореть щеки, и я слегка отдвигаюсь назад. Я открываю бутылку вина – больше для ритуала, чем для чего-либо еще. Один глоток, затем я медленно выливаю остальное в огонь.

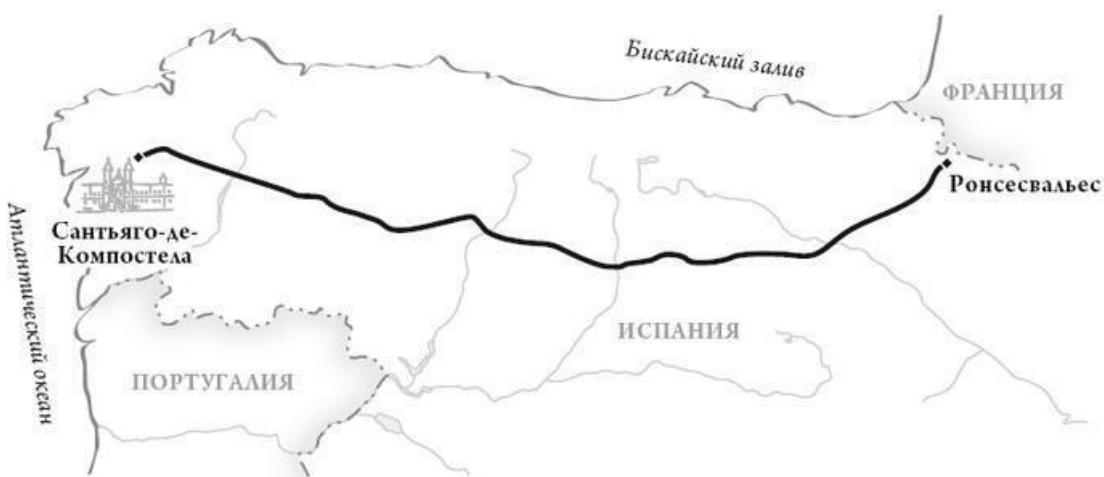
Наступает ночь, безлунная и усыпанная звездами. Я сижу, скрестив ноги, и наблюдаю, как ветер раздувает пламя. Монах возвращается.

«Этот Мара, – говорю я ему, – определенно хитрый малый».

Наши улыбки становятся шире, и я понимаю, насколько они совпадают. Он начинает исчезать.

«Да, – я киваю, затем шепчу: – Да».

Кусочки пепла взлетают вверх, светясь, как светлячки. Они закручиваются в спираль и плывут – золотые пятнышки на фоне неба.

Благодарности

Стивену и Джулии Хансельман из Level Five Media – моей удивительной команде литераторов. За ваше видение и поддержку. Благодарю вас. Я люблю вас обоих.

Мауро Дипрета из Hachette Book. Я помню нашу первую встречу, когда я спросил, кто будет редактировать этот роман, и ты сказал, что это будешь ты. Я помню, что чувствовало мое сердце в тот момент. И это чувство живет до сих пор. Спасибо тебе, мой друг.

Команде издательства Hachette Book. После нашей первой встречи я ушел под впечатлением. Вы все такие талантливые. И вы были рады работать со мной. Ну а для автора это лучшее чувство в мире. Большое спасибо Мишель Айелли, Бетси Халсебош, Марку Харрингтону, Кристине Джелевич, Дженифер Ковальски, Мелани Голд, Каре Торнтон, Дэвиду Лэмбу, Одете Флеминг, Роланду Оттуэллу и всем сотрудникам Hachette Book, которые воплотили эту мечту в жизнь.

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
 - Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
 - Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
 - Вступительное слово в книге от первых лиц компаний-партнера.
 - Обращение первых лиц на суперобложке.
 - Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:

+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

